P-475.874

15811
13 —

Typ. Cep

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРСІИ.

91 (55) 04

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРСІИ

1834 — 1835.

Р-475.874

БАРОНА ѲЕОДОРА КОРФА.

Ка.-Чер. Краевая Гос.
Библиотека им. К. Маркса
Ростов-Дон

БИБЛІОТЕКА М. ЧУГУНОВА
Н. П. ЛИХОНОВА
ВЪ ТАГАНРОГѢ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Гуттенберговой типографіи.
1838.

91

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 7 Сентября 1838 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Окончивъ эту книгу, я былъ въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ нѣкогда находился безсмертный Сервантесъ написавъ послѣднюю строчку своего Донъ-Кихота.

У меня не было ни предисловія, ни алфавитныхъ указателей сочинителей, которыми я пользовался при составленіи моихъ воспоминаній, словомъ, у меня не было ничего того, что должно служить необходимымъ украшеніемъ всякой порядочной книги.

Не смотря на необходимость алфавитныхъ указателей и на необыкновенный эффектъ, ко-

торый они производятъ въ книгахъ, я рѣшился однако жъ не прилагать такого къ этимъ листамъ, а ограничиться только коротенькимъ предисловіемъ, или иначе, исторіею моихъ записокъ.

Имѣвъ случай посѣтить въ 1834 и 1835 годахъ Персію, я счелъ долгомъ отдать отчетъ читающей публикѣ Русской о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на меня краемъ, довольно мало извѣстнымъ Европѣ. То, что зналъ я объ отечествѣ Саади и Гафиза до совершеннаго мною путешествія изъ Русскихъ, Французскихъ и Нѣмецкихъ книгъ, показалось мнѣ на дѣлѣ въ иныхъ мѣстахъ недостаточнымъ, въ иныхъ же ложнымъ, и потому, я рѣшился прибавить свою крупицу къ числу, если не хорошихъ сочиненій о Персіи, то по крайней мѣрѣ, правдивыхъ. Не смѣю ручаться за то, чтобы точка зрѣнія, съ которой я разсматривалъ Персію была истинная, но могу удостовѣрить моихъ читателей, что все, замѣченное мною въ моихъ воспоминаніяхъ, списано съ натуры перомъ безпристрастнымъ и не хвастливымъ. Я не имѣлъ намѣренія, по примѣру многихъ моихъ предшественниковъ, облекать предметы

въ пріятныя формы, я не хотѣлъ досаждать читателю этими несносными фразами, которыми многіе путешественники превращаютъ въ ничто все, что не относится къ описываемой ими странѣ. Будучи весьма далекъ отъ такихъ злонамѣренныхъ замысловъ, я говорилъ, что самъ видѣлъ или самъ слышалъ отъ достовѣрныхъ людей. Сужденія мои могутъ показаться ошибочными, поверхностными, дурными, — но вѣрно ни кто не скажетъ, что бы я имѣлъ въ виду умышленно вводить въ заблужденіе читателя,— грѣхъ тяжкій, котораго я боюсь страшно и стараюсь избѣгать всегда. Повторяю еще разъ, я никакъ не ставлю себя на ряду тѣхъ путешественниковъ, которые изъ хвастовства, или по какой нибудь другой причинѣ, считаютъ долгомъ и обязанностію хвалить безъ пощады все ими видѣнное.

Въ свое оправданіе долженъ я сказать, противъ могущихъ подняться на меня обвиненій, что я смотрѣлъ на Персію не какъ оріенталистъ, не какъ ученый, но просто, какъ Европеецъ, попавшій въ Азію и записывающій все что бросается ему въ глаза. Это сознаніе, надѣюсь, избавитъ меня отъ многихъ нарѣканій

со стороны нашихъ Зоиловъ. Впрочемъ, претензіи мои, при изданіи въ свѣтъ этихъ листовъ, вовсе не велики. Если найдутся добрые люди, которые будутъ читать ихъ не въ видѣ лекарства отъ безсонницы, а такъ, въ видѣ чтенія не скучной книги, съ меня довольно.

Кажется предисловіе не длинно, вы не можете побранить меня за это, почтеннѣйшій читатель, и вамъ досадно однакоже, что вы съ самаго начала книги не можете обвинить въ чемъ нибудь бѣднаго автора. — Богъ съ вами!

ГЛАВА I.

—

Отъѣздъ изъ Петербурга.—Георгіевскъ.—Екатериноградъ.—Владикавказъ.

Девятнадцатое Августа 1834 года памятный для меня день. Я простился съ матерью, съ родными, съ друзьями. Тяжело было для меня это прощаніе; сколько разнородныхъ мыслей тревожило мой умъ, сколько чувствъ тѣснилось въ сердцѣ. У меня, какъ то можетъ быть у многихъ подобныхъ мнѣ, разставаніе и мысль о вѣчной разлукѣ соединены тѣснѣйшими узами, и потому пожатіе руки другу, взглядъ на знакомые предметы и съ ними слово прости, наводятъ на ме-

ня необыкновенную тоску. Но чтоже дѣлать? Der Mann muß hinaus, говоритъ Шиллеръ, и придерживаясь этаго-то правила я собрался ѣхать въ Персію. Въ порядкѣ вещей было-бы долго не рѣшаться покинуть берега Невы и шагнуть черезъ всю Россію въ Азію, однако пренебрегая этимъ порядкомъ, я не долго призадумался: подорожную въ карманъ, шинель на плечи, самъ сѣлъ въ бричку, будущаго посадилъ на козлы, и ухорская почтовая четверка промчала меня по всему Петербургу, мимо шлагбаума, на Московскую дорогу.

Теперь я прощусь съ вами, любезный читатель, я поѣду съ станціи на станцію по Россіи, не стану вамъ говорить о ней: Московскій трактъ такъ извѣстенъ, Тула, Воронежъ, Новочеркаскъ также, мы свидимся съ вами у подножія Кавказа. Пока я буду ѣхать, спать въ экипажѣ, глотать пыль, освѣжаться дождемъ, браниться съ станціонными смотрителями, чинить бричку, скучать, изнемогать отъ усталости, однимъ словомъ, наслаждаться всѣми прелестями ѣзды, чѣмъ бы занять мнѣ васъ? Рѣшительно не знаю. Хотя на бумагѣ ѣдется гораздо скорѣе чѣмъ по самой изящной чугунной дорогѣ, чѣмъ по самому отличному шоссѣ, не говоря уже о натуральной землѣ доставшей-

ся въ удѣлъ нашимъ отечественнымъ путямъ сухопутнаго сообщенія, но тѣмъ не менѣе все таки пройдетъ время. Что же дѣлать?—Приложить по примѣру предшественниковъ моихъ краткую исторію Персіи! — Нѣтъ, я не хочу этаго по двумъ весьма уважительнымъ причинамъ: во первыхъ потому что вы обучались этому въ дѣтствѣ, а во вторыхъ потому что я вообще не терплю ничего *краткаго,* считая слово это синонимомъ *пустаго* или ни куда негоднаго. Говорить вамъ о томъ, что я чувствовалъ, что я думалъ во время пути? — Для васъ скучно, а для меня непріятно. Что же дѣлать, что же дѣлать?—Лучше всего поставить точку и провести тире Punctum und Gedankenstrich, каковые знаки могутъ изображать все что угодно, даже краткую исторію Персіи. И такъ, почтеннѣйшій читатель, отложите книгу на часъ или на полчаса въ сторону, и займитесь въ это время чѣмъ вамъ заблагоразсудится, я ставлю точку и тире. —

Я въ Георгіевскѣ, здѣсь уже пахнетъ Кавказомъ.

— Здравствуйте почтенная хозяюшка, нѣтъ ли у васъ въ трактирѣ чего нибудь поѣсть?

— Не знаю, батюшка, ничего, у меня страшная лихорадка, измучила проклятая.

— Благодарю за это угощеніе, у меня въ бричкѣ нѣтъ мѣста для такой поклажи. Не льзя ли накормить?

—А вотъ спросите сына. Ваня! Ваня!

Явился Ваня въ сѣромъ сюртукѣ съ прилизанными на головѣ волосами.

— Почтеннѣйшій, дайте мнѣ поѣсть и отпустите поскорѣе.

— Чего прикажете? есть рыба подъ желеемъ, есть жареные фазаны.

— Давайте рыбы подъ желеемъ, давайте жареныхъ фазановъ, давайте чего-нибудь, только давайте; ваша медленность можетъ погубить васъ, у меня и на васъ зубы подымутся.

Подано, съѣдено.

— Нѣтъ-ли напиться, вина, какое у васъ есть?

— Есть прекрасное Сантуринское.

— Покорно благодарю, я не нуждаюсь въ лекарствахъ, я пробовалъ въ Ставрополѣ прекрасное Сантуринское и до сихъ поръ съ нимъ еще не раздѣлался.

— Другаго вина нѣтъ-съ, а есть Нарзанъ.

— Давайте, давайте!

Какъ не выпить Нарзану, этой живительной влаги отъ которой говорятъ только-что мертвецы не воскресаютъ.

— Хорошо, однакоже должно быть не первый сортъ, что-то слабенько.

— Помилуйте, и въ Пятигорскѣ лучше нѣтъ.

— Положимъ такъ, велите-ка подавать мою бричку.

Подана.

— Охъ, какія у васъ скверныя лошади.

—Гоньба большая, все ѣдутъ съ теплыхъ водъ.

— Прощайте, пошелъ! стой, стой! Хозяинъ, хозяинъ! что это тамъ виднѣется черноватое и бѣловатое?

— Это-съ называютъ Ассесорское кладбище.

— А! понимаю, прощайте, кланяйтесь вашей матушкѣ, дай Богъ ей поскорѣе избавиться отъ лихорадки.

Пошелъ!

Боже мой! какая грязь, какая большая деревня! Что это такое?—Екатериноградъ.

Не красивъ, нечего сказать, грѣхъ бы похвалить его.

Кто бывалъ на Кавказѣ, тотъ знаетъ что такое Екатериноградъ, тотъ знаетъ какіе ужасные слова нераздѣльны съ этимъ собственнымъ именемъ, слова: «конвой, почта и .... и наконецъ самое убійственное *оказія*». Хуже этаго слова не существуетъ никакого выраженія ни на какомъ языкѣ въ мірѣ. *Оказія* значитъ: живите въ Екатериноградѣ нѣсколько дней въ дурной избѣ, питайтесь чѣмъ угодно; выходите если это васъ забавляетъ на грязную улицу поглядывать не ѣдетъ-ли запоздалая почта или какой-нибудь курьеръ, который вытащитъ васъ изъ вашего жалкаго мѣстопребыванія, живите надеждою, забудьте настоящее, вычеркните его изъ числа дней жизни вашей, предавайтесь сколько угодно скукѣ, унынію, отчаянію, на ваши вопли не будетъ отголоска, никто не подастъ вамъ руку помощи кромѣ слѣпаго случая, а на него, какъ извѣстно, иногда плохо надѣяться. Одно съ чѣмъ бы можно сравнить пребываніе въ Екатериноградѣ въ ожиданіи *оказіи*, это карантины на Араксѣ, но объ нихъ еще не время говорить.

Я полагаю однако, что изъ всего сказаннаго мною вы не можете имѣть точнаго понятія о томъ, что есть *оказія;* пора сказать вамъ это какъ слѣдуетъ толково.

Всѣмъ и каждому извѣстно, что дорога между Екатериноградомъ и Владикавказомъ пролегаетъ черезъ Кабарду, мѣсто не совсѣмъ безопасное отъ набѣговъ Черкесовъ, которые иногда изволятъ нападать на путешественниковъ. Въ отвращеніе подобныхъ случаевъ всѣ ѣдущіе по этой дорогѣ отправляются изъ Екатеринограда съ конвоемъ, а такъ какъ недостало-бы никакого гарнизона для провожанія каждаго путешественника особенно, то и есть назначенные дни, въ которые, вмѣстѣ съ приходящею изъ Петербурга почтою, отправляются цѣлые караваны. Вся штука расчетливаго путешественника состоитъ въ томъ, чтобы поспѣть въ Екатериноградъ именно въ тотъ самый день, когда отходитъ почта. Но эта штука по извѣстной пословицѣ, что «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ» не всегда удается: дурныя дороги, недостатокъ лошадей, и тому подобныя путевыя приключенія замедляютъ иногда ѣзду такъ, что вмѣсто того чтобы поспѣть къ сроку, пріѣдешь нѣсколькими часами позже и тогда, все пропало, надобно ждать *оказіи*, т. е. прихода другой почты, экстреннаго курьера или случайной пересылки солдатъ съ одного поста на другой. Теперь вы постигаете смыслъ гибельнаго слова *оказія*, вы понимаете всѣ му-

ки претерпѣваемыя человѣкомъ ожидающимъ оказіи.

Къ счастію моему прибылъ я въ Екатеринградъ вечеромъ наканунѣ отхода почты, такъ что мнѣ оставалось прожить въ этомъ эдемѣ только одну ночь. Нашествіе на мою особу вражихъ силъ въ теченіи этой ночи не произвело на меня рѣшительно никакого впечатленія, потому что я только и дѣлалъ что благословлялъ судьбу спасшую меня отъ явной погибели, въ случаѣ если бы я пріѣхалъ не въпопадъ на проживаніе въ Екатеринградъ. Въ 8 часовъ утра барабанный бой, возвѣщающій сборъ на назначенное мѣсто, воззвалъ отъ сна всѣхъ чающихъ отправленія. Всѣхъ возможныхъ видовъ экипажи потянулись съ разныхъ концовъ Екатеринограда къ карантину. Разнаго рода брички, коляски, кибитки, телѣги набитые Русскими, Армянами, Грузинами, огромная стая Татаръ съ немазанными арбами (родъ телѣгъ на двухъ большихъ колесахъ), стадо барановъ, нѣсколько быковъ,—все это очутилось вдругъ какъ-бы посредствомъ волшебства на сборномъ мѣстѣ; военные, статскіе, купцы, мѣщане, мужики, казаки, конвойные пѣшіе солдаты, все явилось на этомъ базарѣ, суета страшная; одинъ забылъ узелокъ, проситъ подождать, другой

сердится что задерживаютъ, третьему все равно гдѣ спать на мѣстѣ стоя или дорогой; конвойные ворчатъ, курятъ трубки и вѣрно проклинаютъ въ душѣ и Армянъ и Русскихъ, и Грузинъ и быковъ и Татаръ и барановъ. Наконецъ вторичный барабанный бой установилъ всѣхъ по мѣстамъ; пушка важно выступила впередъ, за нею слѣдовали нѣсколько пѣхотныхъ солдатъ, потомъ потянулась вся путешествующая ватага, по бокамъ ѣхали казаки, а въ заключеніе этаго торжественнаго поѣзда шла остальная часть пѣшаго конвоя. Это церемонное шествіе шагъ за шагомъ необыкновенно скучно, но не смотря на все это вѣрно ни одинъ человѣкъ, ѣхавшій по этой дорогѣ, при всей овладѣвающей имъ тоскѣ не забылъ въ душѣ поблагодарить мудрое Правительство, пекущееся съ такимъ тщаніемъ о частной пользѣ каждаго человѣка.

Дорога отъ Екатериноградa до Владикавказа напоминаетъ времена баснословныя. Природа такъ роскошно усыпала равнины Кабарды разными растѣніями, что глядя на пестрыя луга являющіеся глазу съ правой и съ лѣвой стороны, я уже заранѣе сравнивалъ ихъ въ воображеніи съ тѣми богатыми коврами, которыми должны быть устланы палаты Персид-

скаго Шаха, къ которому я ѣхалъ въ гости. Изъ уваженія къ истинѣ всякой добросовѣстный человѣкъ, бывшій въ Кабардѣ, долженъ сознаться что нельзя вообразить ничего богачѣ этихъ великолѣпныхъ равнинъ. Сила растительная является тутъ во всемъ своемъ блескѣ. Тучная трава превосходящая въ иныхъ мѣстахъ ростъ человѣка, перемѣшана съ прелестными цвѣтами, ароматъ издаваемый пахучими травами удивительный. Глядя на всѣ эти чудеса природы сожалѣешь только о томъ, что такія благословенныя мѣста достались въ удѣлъ грубому народу, который не пользуясь ими самъ, не позволяетъ Русскимъ заниматься никакого рода обработываніемъ земли. Чудесныя растѣнія взойдутъ и завянутъ не принесши ни кому никакой пользы и разсердивъ не одного быка и не одну лошадь, проходившихъ мимо нихъ во время лѣтней поры и смотрѣвшихъ съ жадностію на чудесный обѣдъ, который имъ удавалось только-что понюхать. Правда, что около укрѣпленныхъ постовъ, расположенныхъ въ извѣстныхъ разстояніяхъ по дорогѣ высылаютъ солдатъ съ ружьями и въ полной аммуниціи косить траву, но все это ничто въ сравненіи съ тѣми неизчисленными выгодами, которыя бы можно было имѣть, если бы Кабар-

да была населена благоразумными земледѣльцами, а не безтолковыми Черкесами, которые кромѣ грабежей не умѣютъ заняться ни чѣмъ.

Надобно дать маленькое понятіе о томъ, что называютъ постами по этой дорогѣ. Небольшіе, довольно невзрачные редуты, изъ-за бруствера ихъ торчатъ два или три пушечныя дула, которыя, воинственнымъ видомъ своимъ удерживаютъ въ должномъ повиновеніи буйныхъ Черкесовъ. Населеніе этихъ редутовъ состоитъ изъ Коменданта, роты пѣшихъ солдатъ, нѣсколькихъ казаковъ, все это съ супругами и чадами, духанщика * съ компаніей, да вотъ и все. Съѣстные припасы заключаются въ изрядномъ количествѣ куръ, барановъ, коровъ и всего отъ нихъ происходящаго, хлѣбъ пшеничный, вино, кислое Кахетинское выброшенное изъ Грузіи за негодностію, водка виноградная вонючая и т. д. все въ такомъ же родѣ.

Путешествіе отъ Екатериноградa до Владикавказа, составляющее разстояніе ста пяти верстъ, совершается, съ помощію Божіею, въ четверо сутокъ, изъ чего можно заключить что ежедневный переходъ ограничивается двадцатью пятью верстами или иногда съ прибавкою двухъ

* Духанщикомъ называютъ содержателя полу-трактира, полукабака.

верстъ или нѣсколькихъ сажень. Въ теченіи этаго времени можно имѣть удовольствіе (не весьма забавное) ночевать три ночи на казенной квартирѣ въ упомянутыхъ выше постахъ. На половинномъ разстояніи этихъ постовъ другъ отъ друга находятся другія, второклассныя, укрѣпленія, въ которыхъ обыкновенно дѣлается привалъ и путешественники возстановляютъ силы свои утоленіемъ голода и жажды для претерпѣванія дальнѣйшей скуки. Ручаюсь, что четыре дня этаго медлительнаго путешествія покажутся каждому цѣлымъ вѣкомъ тоски, цѣлою бездною горести и сокрушенія. По мѣрѣ приближенія къ Владикавказу овладѣвало мною какое-то незнаемое мнѣ дотолѣ чувство,—природа являла мнѣ чудеса, которыя я прежде видалъ только на картинахъ, все росло впереди меня, я самъ только чувствовалъ себя такимъ ничтожнымъ, незамѣтнымъ, какимъ до того времени не думалъ быть. Передо мною лежала возвышаясь до небесъ громада Кавказскихъ горъ! Величественныя горы, вы возносили духъ мой превыше всего земнаго, вы научали меня познавать премудрость создавшей васъ руки, бросившей васъ тутъ въ свидѣтельство человѣку о безграничномъ могуществѣ недоступномъ его слабымъ силамъ. Есть ли въ мірѣ сердце

довольно холодное, которое-бы встрѣтило васъ на пути своемъ не почувствовавъ сотрясенія, есть ли умъ, есть ли воображеніе довольно сонные, которые бы не встрепенулись увидѣвъ ваши недоступныя вершины осненныя облаками какъ бы вѣнцами славы. Нѣтъ, это рѣшительно не возможно, приведите человѣка самаго прозаическаго къ подножію Кавказа и ручаюсь, что онъ заговоритъ если не поэтическимъ языкомъ, то по крайней мѣрѣ не обыкновенною своею прозою, хоть на минуту, но онъ непремѣнно выйдетъ изъ своей роли, переродится. Не удивляюсь восторженнымъ мыслямъ поэтовъ, воспѣвавшихъ чудесные виды горъ, онѣ понятны для человѣка видѣвшаго ихъ хоть издали.

Послѣ Екатериноградa и военныхъ постовъ видѣнныхъ на дорогѣ Владикавказъ играетъ презначительную роль въ глазахъ путешественника. Городъ и крѣпость хоть-куда, хорошіе домы, опрятныя улицы, возможность утолить голодъ хорошею пищею и жажду хорошимъ Кахетинскимъ виномъ, все это внушаетъ къ Владикавказу изрядное почтеніе. Тутъ сводите вы знакомство съ Терекомъ, который выскочивъ изъ своего ущелья течетъ поскромнѣе и пошире, но не смотря на это вода въ немъ все-та-

ки премутная. Видъ изъ Владикавказа чудесный. Онъ лежитъ на равнинѣ. Въ шести верстахъ отъ него стоитъ Кавказская стѣна. Этотъ переходъ отъ совершенной плоскости къ неприступнымъ скаламъ такъ рѣзокъ, такъ мгновененъ, что должно удивляться игрѣ природы соединившей въ одной точкѣ двѣ такія разительныя противоположности.

10-425874

ГЛАВА II.

—

Дорога отъ Владикавказа до Тифлиса.—Тифлисъ.

Эту главу должно бы по настоящему вовсе выкинуть изъ моихъ записокъ. Что могу я сказать о дорогѣ отъ Владикавказа до Тифлиса послѣ Марлинскаго? Что я могу сказать о Тифлисѣ послѣ Пушкина? Что могу я сказать о Терекѣ, описанномъ такими живыми красками, такими смѣлыми размахами мастерской кисти авторомъ Амалатъ Бека? Что могу я сказать о Тифлисѣ послѣ того, какъ творецъ Кавказскаго Плѣнника въ своей поѣздкѣ въ Арзерумъ отмѣтилъ рѣзкимъ перомъ своимъ почти всѣ достопримѣчательности столицы Грузіи? Спра-

шиваю васъ, держащаго въ рукахъ мою книгу, могу ли я соваться туда, гдѣ были двѣ такія знаменитости, могу ли я . . . . Но что же дѣлать я ѣду въ Персію, моя ли вина что въ Иранъ нѣтъ никакой объѣздной дороги, по которой бы я могъ пробраться минуя ущелье Терека, минуя Тифлисъ; меня везетъ ямщикъ на мою погибель прямо къ Ларсу, и я сидя въ бричкѣ съ карандашемъ въ рукѣ малюю какъ школьникъ гигантскіе виды и утѣшаюсь Французскимъ изрѣченіемъ: «fais ce que doit, advienne que pourra.»

Выѣхавъ изъ Владикавказа ѣдешь какъ я уже сказалъ выше, равниною верстъ съ шесть и потомъ разомъ безъ всякихъ предуготовительныхъ пригорковъ въѣзжаешь въ Терекское ущелье. Чтобы дать читателю понятіе о тѣхъ великолѣпныхъ видахъ, которые поражаютъ глазъ путешественника въ этомъ волшебномъ ущельи, должно взять всѣ прелести рая и всѣ ужасы ада, какими рисуетъ намъ ихъ наше воображеніе, смѣшать ихъ вмѣстѣ въ самомъ поэтическомъ безпорядкѣ и перенести на землю. Стремленіе съ какимъ Терекъ рвется между неприступныхъ скалъ унося съ собою обломки огромныхъ камней, его ужасный рѣвъ потрясающій твердые берега, его пѣна вздымающаяся

искристыми брызгами, все это вмѣстѣ приводитъ душу въ какой-то благоговейный трепетъ. И возлѣ этой картины осуществляющей, такъ сказать, идею о безпрерывныхъ мукахъ и неистовствѣ буйныхъ страстей, стоятъ недвижныя, безстрастныя, равнодушныя ко всѣмъ переворотамъ громады горъ. Имъ нѣтъ дѣла до того что Терекъ мечется какъ бѣшеный, какъ преступникъ силящійся сбросить съ себя оковы и вырваться изъ темницы, онѣ не сжалятся надъ его безплодными усиліями; ставя ему въ иныхъ мѣстахъ преграды, онѣ какъ-бы насмѣхаются его бѣснованію, онъ съ яростію бросается къ ногамъ ихъ, кидаетъ въ нихъ камнями, онъ думаетъ сбить сильнаго противника,— но тщетно,—надменный врагъ съ высоты своего величія указуетъ ему путь, и могучій Терекъ, нетерпящій надъ собою никакого владычества, видя напрасными всѣ свои усилія, оглашаетъ всю окрестность воплемъ проклятій своихъ, и бросается съ отчаяніемъ по стезѣ ему предначертанной. Вѣтеръ, воющій въ перерѣзывающихъ горы ущеліяхъ, какъ адскій хохотъ демоновъ радующихся мученіямъ претерпѣваемымъ на землѣ, дополняетъ эту картину. И что-жъ вѣнчаетъ ее? Безмятежное небо съ яркими свѣтилами. Утѣшительное зрѣлище для

смертнаго, милосердіе Предвѣчнаго обѣщающаго тишину и спокойствіе, конецъ всѣмъ мученіямъ, не ложную пристань послѣ самаго бурнаго плаванія. Вотъ истинная поэзія очищенная отъ всѣхъ людскихъ мелочей и предразсудковъ Тутъ человѣкъ стоитъ глазъ на глазъ съ природой, съ вѣчностію, не имѣя никакихъ другихъ свидѣтелей кромѣ своей совѣсти, этой частицы божества вложенной въ него Тѣмъ, Кто держитъ въ Своей могучей десницѣ и лучезарный сводъ неба, и верхи горъ и мрачныя недра земли. Повторяю, что тотъ, кто не почувствуетъ перемѣны въ нравственномъ существѣ своемъ при видѣ этихъ величественныхъ картинъ, тотъ смѣло можетъ вычеркнуть имя свое изъ книги рода человѣческаго, онъ долженъ прирости къ безчувственнымъ скаламъ; но нѣтъ, и камни не примутъ его, онѣ бросятъ его въ пучину Терека, который превратитъ въ прахъ его кости, какъ слишкомъ нѣжное одѣяніе для желѣзной души!

Прошу читателя извинить меня, если онъ найдетъ мои восторги слишкомъ пылкими и что еще хуже, слишкомъ продолжительными. За все это конечно я долженъ отвѣчать, но впрочемъ начало этой главы кажется нѣсколько оградило меня отъ обвиненій, я сознался въ своей немо-

щи и этимъ самымъ пріобрѣлъ нѣкоторое право на снисхожденіе. Я писалъ, пишу и буду писать всегда то что чувствую и думаю. Счастливъ былъ бы я если бы строки писанныя мною нашли отголосокъ въ чьемъ нибудь сердцѣ, въ чьемъ нибудь умѣ и заставили бы сказать: «онъ угадалъ мои мысли, онъ вынулъ ихъ у меня изъ головы»! Бездѣлицы хочу, не правда ли? На это могутъ возразить мнѣ что всякій Авторъ находитъ своихъ читателей, что до сихъ поръ не существовало ни одного человѣка, которой бы не нашелъ какихъ нибудь людей, восхищающихся произведеніями его пера. Для этаго возраженія есть у меня отвѣтъ; вотъ онъ: глупцы и невѣжи, по принятому мною разъ навсегда мнѣнію, не входятъ въ составъ рода человѣческаго, а составляютъ особенную касту, которую называю я говорящими животными; а потому когда я изъявляю желаніе понравиться кому нибудь, то конечно объ нихъ нѣтъ рѣчи.

И отъ чего же и какъ же мнѣ не восхищаться, за чѣмъ не дать мнѣ свободу лучшему моему качеству, лучшему украшенію человѣка? И что былъ бы человѣкъ если бы отнять у него восторги, что былъ бы самый умный, самый ученый человѣкъ, если бъ ни что не могло при-

вести его въ одушевленіе? Вялой сбродъ всякой всячины безъ жизни, книга въ которой листы не сшиты, не льзя добраться толку!

Довольно, довольно! Вотъ Ларсъ, первая станція въ горахъ. Не знаю съ чѣмъ бы сравнить видъ Ларса. Окруженный со всѣхъ сторонъ горами онъ представляетъ видъ какого-то исполинскаго колодца, спущеннаго съ неба, надобно почти лечь на спину чтобы увидѣть клочекъ неба, остальное все горы покрытыя кустарникомъ или деревьями. Мрачность и таинственность этаго мѣста напоминаетъ романы покойницы г-жи Радклифъ. Отъ Ларса, дорога идетъ вверхъ по Тереку въ Казбекъ черезъ Даргель; тутъ надобно остановиться. Надобно призвать на помощь всю дикую поэзію чтобы дать понятіе о томъ что такое Даргель. Ущелье въ этомъ мѣстѣ съуживается такъ; что остается мѣсто только для Терека и съ одной стороны его мѣсто для проѣзда экипажа. Крутые повороты, которые Терекъ долженъ дѣлать будучи сжатъ въ узкихъ берегахъ, ужасные громады скалъ которыя висятъ надъ дорогой какъ бы выжидая доброй минуты чтобы ринуться на дорогу и на рѣку, оглушающій шумъ валовъ Терека и падающихъ съ него съ горнихъ вершинъ источниковъ, все это слишкомъ сильно

дѣйствуетъ на воображеніе. Если бы придумавъ какой нибудь сильный оркестръ, который бы могъ быть слышанъ при всемъ этомъ шумѣ, разыграть тутъ музыку волчьей долины изъ Волшебнаго Стрѣлка безсмертнаго Вебера, то конечно и слушатели и музыканты поступили бы послѣ этаго или въ съумасшедшій домъ или на какое-нибудь кладбище. Надобно бы посовѣтовать г. де Бальзаку съѣздить на Кавказъ и посѣтить Даргель для того, чтобы онъ могъ перенести ужасныя исторіи свои въ эту ужасную природу. Одно только при этомъ случаѣ бѣда: никто не повѣритъ ужасамъ природы если упомянутый г. Бальзакъ перенесетъ туда ужасныя приключенія своихъ героевъ; подумаютъ что это написано одно для другаго и вспомнятъ извѣстную басню о пастухѣ и о волкѣ. Бѣдный г. де Бальзакъ какъ онъ выбивается изъ вѣры у своихъ читателей, хоть побожись такъ никто не повѣритъ. Въ Казбекѣ путешественникъ отвсюду видитъ въ разныхъ видахъ разные Казбеки. Величавая гора Казбекъ возноситъ снѣжную вершину свою выше всѣхъ другихъ горъ, станція именуется Казбекомъ, деревня Казбекомъ, владѣтели ея суть Казбеки. Грузинскіе князья очень хорошіе люди, которые исправно пьютъ Кахетинское вино. Ста-

рикъ кн. Казбекъ, къ которому я счелъ обязанностію зайти съ визитомъ, увѣрялъ меня, что я принадлежу къ числу счастливѣйшихъ людей въ мірѣ, потому что мнѣ удалось видѣть дѣдушку его безъ колпака, то есть, что въ день моего пріѣзда вершина горы Казбекъ не была окружена облаками и ярко и рѣзко рисовалась на голубомъ сводѣ неба, что по его же словамъ случается очень рѣдко. Весь нашъ разговоръ происходилъ подъ открытымъ небомъ и не смотря на то, что я остался въ Казбекѣ только нужное время для перепряжки лошадей, старый Грузинъ успѣлъ поподчивать меня отечественнымъ виномъ своимъ, которое заставилъ меня пить изъ большой серебряной суповой ложки. Отъ Казбека до Коби виды все такіе же поэтическіе, тутъ надобно переправляться черезъ рѣку называемую *Бѣшеная Балка,* это имя дано ей по-дѣламъ, потому что весной и даже лѣтомъ она надувается до невѣроятности когда часть снѣга растаетъ на горахъ, то переправа черезъ нее дѣлается чрезвычайно затруднительною, къ тому же въ этомъ мѣстѣ бываютъ частые завалы; камни, снѣгъ и грязь валятся съ горъ и загромождаютъ иногда всю дорогу. Всѣхъ этихъ чудесъ избавилъ меня Богъ потому, что я проѣзжалъ по этой

дорогѣ въ началѣ Сентября, когда уже горы давно сбросили съ себя излишнюю тягость, такъ что разсказываемое мною здѣсь извѣстно мнѣ, слава Аллаху, только по разсказамъ. Но я могу себѣ представить высокую поэзію паденія камней и грязи съ неба на голову путешественнику. Вообще должно сказать, что поэзія Кавказскихъ горъ была бы гораздо привлекательнѣе, если бы восхищаясь прелестями природы путешественникъ не чувствовалъ иногда невольнаго трепета при видѣ камней, которые не сочтутъ за грѣхъ придавить его къ землѣ, и пропастей, которыя такъ гостепріимно манятъ его въ свои бездны. Сидя теперь въ моемъ кабинетѣ и видя Кавказъ въ перспективѣ на разстояніи 2500 верстъ, я могу забыть дурную и вижу только хорошую его сторону, но признаюсь, на мѣстахъ, на все это глядишь какъ-то иначе.

Дорога отъ Коби до Кайшаура самая трудная, тутъ надобно перевалиться черезъ Крестовую и Гудъ горы, а это право не бездѣлица. Кстати о Крестовой горѣ надобно разсказать то, что написалъ объ ней одинъ Французскій путешественникъ кавалеръ Гамба (chevalier Gamba). Для этаго должно знать, что Крестовая гора получила свое названіе отъ каменнаго

креста водруженнаго на ея вершинѣ. Помянутый кавалеръ Гамба проѣзжая черезъ хребетъ Кавказа говоритъ между прочимъ, «что одна изъ достопримѣчательнѣйшихъ горъ черезъ которыя пролегаетъ дорога, есть гора Св. Христофора (le mont St Christophe)». Изъ этаго можно заключить, что путешествуя по чужой землѣ и не зная туземнаго языка, должно съ большею осмотрительностію описывать то что видишь, если не хочешь крестить православную Крестовую гору въ гору Св. Христофора, каковой на всемъ земномъ Шарѣ, сколько мнѣ извѣстно, не существуетъ. Въ слѣдствіе этаго еслибъ я зналъ гдѣ находится кавалеръ Гамба; я бы непремѣнно увѣдомилъ его письменно объ этомъ промахѣ, и сказалъ бы ему чтобы онъ въ слѣдующемъ изданіи своей книги (если таковое потребуется, что сомнительно), вымаралъ слова «le mont St Christophe» и замѣнилъ бы ихъ слѣдующими, за правильность коихъ я ему поручусь: «la montagne de la Croix». Впрочемъ кавалеру Гамбѣ пришло бы еще сверхъ этаго многое кое-что и по важнѣе поправить да перемѣнить въ своей книгѣ, остальное не мое дѣло, о Крестовой горѣ пришлось къ слову, такъ что я нехотя сдѣлалъ доброе дѣло.

Видъ съ Гуда восхитительный: съ правой стороны дороги обрывъ идетъ на нѣсколько сотъ сажень; внизу течетъ рѣка Арагва, по берегамъ ея разбросаны селенія. Рѣка представляетъ сверху видъ узкой серебристой ленты, а домы кажутся ростомъ не болѣе какъ съ порядочную муху; зеленые луга и деревья оживляютъ эту картину, которая по-истиннѣ заслуживаетъ то названіе которое имѣетъ она по Грузински и совсѣмъ не похожа на то, какъ Православные Русскіе перевели его на свой отечественный языкъ. По Грузински эта долина называется *Чертель*, а *Чертель* значитъ Ангелъ, отъ чего и должно бы выдти Ангельская долина. Въ Русскомъ переводѣ слово *Чертель* означаетъ Чорта, а потому и долина носитъ названіе Чортовой: созвучіе двухъ словъ погубило прекрасное мѣсто, столкнуло чудесную долину съ неба въ адъ. Это напоминаетъ кавалера Гамбу. Съ появленіемъ на сцену Арагвы всѣ окружающія путешественника картины измѣняютъ виды и колоритъ. Мрачность, дикость вся чертовщина Терекскаго ущелья изчезаетъ, надъ головою не висятъ болѣе скалы, голый, сѣрый камень пропалъ, вмѣсто него горы красуются кудрявыми деревьями которые безъ всякаго страха, неподвергаясь головокруженіямъ

растутъ-себѣ на самыхъ возвышенныхъ вершинахъ. Арагва, свѣтла какъ хрусталь, течетъ правда не лѣниво, но и не мечется какъ съумасшедшая подобно Тереку, не ставя ни въ грошъ никого и ничего. Впрочемъ довольно понятно почему она вѣжливѣе Терека обходится съ своими берегами: ей не зачѣмъ торопиться, ей очень весело катиться по прекраснымъ мѣстамъ которыя природа раскинула по ея дорогѣ, зелень, горы, ущелья, аулы, стада, все это очень красиво, мило, куда ей спѣшить? Двадцать верстъ не доѣзжая до Тифлиса находится древній городъ Мцхетъ, бывшій въ старину мѣстопребываніемъ Царей Грузинскихъ. Теперь, въ видѣ остатковъ прежней славы, существуетъ большой сборный храмъ Мцхетскій, возлѣ него развалины древняго дворца Царей и ихъ домовой церкви весьма похожей наружностію своею на соборъ. Прямо противъ собора на противоположномъ берегу Куры возвышенности покрыты роскошною зеленью и кустарникомъ, а въ лѣво за Арагвой стоитъ покинутый монастырь Креста, построенный тоже на подобіе собора.

Основаніе Мцхета относится къ временамъ баснословнымъ Грузинской исторіи, преданіе гласитъ, что городъ построенъ Мцхетосомъ, сы-

номъ Картлоса Царя Грузинскаго, правнука Ноева. Что же касается до построенія собора, то оно восходитъ до III вѣка по Р. Х. и это можетъ казаться достовѣрнымъ, потому что извѣстно что въ V вѣкѣ Мцхетъ перестадъ уже быть столицею Грузіи. Объ этомъ будетъ говорено здѣсь ниже. Мцхетъ стоитъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Арагва впадаетъ въ Куру, и это соединеніе двухъ рѣкъ омывающихъ берега Мцхета обманываетъ глазъ до того, что городъ кажется какъ-бы построеннымъ на островѣ. Мальтебрунъ увѣряетъ, что мостъ, по которому въ этомъ мѣстѣ переѣзжаютъ черезъ Куру приписываютъ Помпею. Не знаю откуда ученый географъ заимствовалъ это преданіе. При всѣхъ улучшеніяхъ являющихся вмѣстѣ съ Арагвой, при всей поэзіи горъ, рѣкъ, деревьевъ, etc., etc., должно по совѣсти признаться, что всѣ эти прелести и чудеса никакъ не могутъ противостоять ползущей въ человѣческую душу, отъ утомительной и медленной ѣзды, скукѣ. Въ продолженіи ста восмидесяти верстъ, которыя тащишся какъ ай горами, успѣешь практически пройти всѣ возможныя формы и виды оэзіи, которая такъ прискучитъ, что начинаешь наконецъ помышлять въ виду громадъ Кавказа, о срамъ! о ужасъ! о самомъ прозаическомъ ку-

скѣ говядины, о самомъ прозаическомъ тюфякѣ и тому подобныхъ самыхъ прозаическихъ предметахъ, которые воображеніе, подстрекаемое неудовлетворяемымъ аппетитомъ и ломомъ въ костяхъ, отъ спокойныхъ ночлеговъ, рисуетъ намъ вмѣстѣ съ картиною города Тифлиса. И признаюсь, когда я такимъ образомъ усталый и голодный скитался по ущельямъ и вершинамъ горъ, то помышленіе о Тифлисѣ пораждало во мнѣ всегда однѣ и тѣже мысли. Я смотрѣлъ на Тифлисъ не какъ на бывшую столицу Грузіи, не какъ на полу-Азіатскій и полу-Европейскій городъ, а просто какъ на мѣсто гдѣ я наѣмся и высплюсь. Тифлисъ былъ для меня ничто иное какъ гостепріимный домъ, на воротахъ котораго я жаднымъ глазомъ читалъ надпись крупными золотыми буквами:

«ВХОДЪ ВЪ ТРАКТИРЪ».

О слабость человѣческая! воскликнутъ поэты. Дѣйствительно слабость, да что же дѣлать, *сытый голоднаго не разумѣетъ.*

По этимъ причинамъ, читатель не удивится моей необычайной радости при видѣ Тифлиса. Отъ Гартискара, послѣдней станціи къ городу, дорога довольно ровная, и отвыкнувъ отъ скорой ѣзды, удивляешься, едва вѣришь глазамъ своимъ, когда увидишь Тифлисъ и вспомнишь что проѣхалъ 29 верстъ.

Ямщикъ спросилъ меня куда ѣхать? Имѣвъ на то время родственника въ Тифлисѣ и зная что онъ живетъ въ домѣ Коммисаріатской Коммисіи, я приказалъ направить путь къ этому счастливому пункту. Къ великому сокрушенію моему, пунктъ этотъ оказался очень отдаленнымъ, т. е. находился въ трехъ верстахъ по ту сторону города. Несносный жаръ, усталость отъ дороги, ворчанье ямщика, тихій бѣгъ лошадей, все это бѣсило меня до крайности, такъ что проѣхавъ весь Тифлисъ я его вовсе не видѣлъ, и сидя въ коляскѣ, наморщивъ лобъ не могъ понять какъ, по чему и за чѣмъ Коммисаріатская Коммисія выбѣжала за городъ. — Всѣ эти умственныя изысканія разлетѣлись въ прахъ въ ту минуту какъ я вошелъ въ комнату моего родственника и послѣ того, признаться, мнѣ никогда и въ умъ не приходило думать о Коммисаріатской Коммисіи.

Избавляю читателя отъ описанія моего обѣда, туалета и тому подобнаго, а ограничусь желаніемъ всякому изъ моихъ ближнихъ такого хорошаго аппетита и крѣпкаго сна, какими имѣлъ я счастіе пользоваться въ этотъ день. На другой день отправился я рапехонько по утру въ баню: это обстоятельство, которое съ перваго взгляду кажется такимъ ничтожнымъ

въ сущности довольно важно, потому что Тифлисскія бани принадлежатъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ вещей въ городѣ.

На улицахъ было довольно еще пусто. Сонныя Грузинки выползали на плоскія крыши своихъ домовъ, купцы шли на базаръ открывать свои лавки. Нанятый мною извощикъ въ парныхъ дрожкахъ съ необыкновенною ловкостію стремглавъ летѣлъ по узкимъ и кривымъ улицамъ и переулкамъ, идущимъ то въ гору, то подъ гору, и привезъ меня къ Бебутовскимъ банямъ. За рубль серебромъ отвели мнѣ отдѣльную баню съ принадлежащимъ къ ней парильщикомъ. Чистота въ баняхъ замѣчательная. Горячая вода добывается изъ имѣющагося тутъ сѣрнаго источника, по чему и не нуждается въ искуственномъ нагрѣваніи. Обширная мраморная ванна такъ мнѣ понравилась, что, не говоря добраго слова, я съ быстротою бросился въ нее, но еще скорѣе выскочилъ оттуда испугавшись температуры воды: мнѣ казалось что я сунулся въ кипятокъ. Эта эволюція моя не понравилась парильщику, который довольно повелительнымъ знакомъ вразумилъ меня, что надобно отправляться въ ванну. Я было призадумался, но видя что онъ приближается ко мнѣ и думая что онъ хочетъ силою посадить меня,

я счелъ приличнѣе сдѣлать это какъ бы по доброй волѣ и потихоньку началъ спускаться въ горячую воду; на этотъ разъ она показалась мнѣ сноснѣе и по мѣрѣ того, какъ тѣло мое ознакомливалось съ нею, я началъ сомнѣваться въ истиннѣ перваго моего предположенія и наконецъ дошелъ до того, что съ трудомъ могъ разстаться съ ванной, такъ мнѣ было въ ней пріятно. Вышедъ изъ нее я попался въ руки моего парильщика, который принялся тереть меня шерстяной рукавицей, слегка намоченной водою. По окончаніи этой церемоніи онъ отправилъ меня не надолго въ ванну, послѣ чего началъ меня намыливать посредствомъ полотнянаго мѣшка, въ который кладется кусокъ мыла, который трутъ намачивая водою, потомъ въ отверзтіе, сдѣланное въ мѣшкѣ дунутъ, мѣшокъ надуется какъ пузырь и изъ паровъ полотна выступитъ наружу легкая и бѣлая пѣна. Все это описывается очень длинно, а дѣлается такъ скоро, что едва замѣтишь движенія парильщика и только видишь, какъ эта легкая, прозрачная пѣна показывается на поверхности мѣшка и какъ теплый снѣгъ падаетъ на тѣло производя чрезвычайно пріятное ощущеніе. Послѣ этаго снова идешь въ ванну и тутъ уже начинается главная существенная ра-

бота, полный курсъ банной гимнастики. Парильщикъ беретъ васъ и обращается съ вами совершенно какъ съ вещью, ворочая во всѣ стороны по своему произволу, вытягиваетъ вамъ руки и ноги, ломаетъ ихъ въ составахъ, третъ, жметъ, колотитъ по спинѣ, по груди, по бокамъ, заставляетъ васъ принимать самыя странныя положенія; шумъ и трескъ ужасный; кажется не остается ни одной цѣлой косточки; а между тѣмъ ничего небывало. Вы не только не почувствуете ни малѣйшей боли, но напротивъ ради-бы попросить его начать снова всю эту комедію. Надобно признаться, что статья бань доведена здѣсь до величайшей степени совершенства, и тотъ, кто побывалъ въ Тифлисѣ, долго будетъ вздыхать по этомъ Азіатскомъ наслажденіи.

Мѣстоположеніе Тифлиса самое поэтическое. Онъ лежитъ частію на горѣ, частію же въ долинѣ и видъ съ долины на гору восхитительный: домы Грузинъ съ низкими крышами кажутся приросшими къ горѣ. Эриванская площадь и нѣсколько улицъ отстроены на Европейскій ладъ; остальное же все Азія; пестрота костюмовъ удивительная: на одной и той же улицѣ встрѣчаете Русскаго, Грузина, Армянина, Татарина и эта

«.... смѣсь одеждъ и лицъ,
«Племенъ, нарѣчій, состояній»

бросается въ глаза такъ, что сначала не понимаешь въ какую попалъ землю и какимъ образомъ въ одномъ и томъ же городѣ стоишь одной ногою въ Европѣ а другой въ Азіи. Домъ Главноуправляющаго Грузіею очень красивъ снаружи и отдѣланъ съ большимъ вкусомъ внутри; я имѣлъ честь быть у барона Розена и никогда не забуду его ласковаго пріема. Общество Европейцевъ въ Тифлисѣ довольно велико, и привыкнувъ къ тамошнему климату, доволно утомительному отъ сильнаго зноя и къ образу жизни, можно проводить время очень весело, хотя и нѣтъ никакихъ публичныхъ удовольствій.—Поговоримъ теперь о томъ что̀ былъ Тифлисъ въ старину и что онъ нынѣ.

Три или четыре деревушки, ничтожныя, ничего незначущія — вотъ что было прежде на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь Тифлисъ. Основаніе города относятъ къ V вѣку по Р. Х. Грузинскій Царь Вагтангъ Гюргъ-Асланъ перенесъ въ это время столицу свою изъ Мцхета къ теплымъ сѣрнымъ ключамъ, которые и сообщили новому мѣстопребыванію Царей названіе *Тепелиса*, превратившагося въ послѣдствіи въ Тифлисъ. Это обстоятельство оправдываетъ

подробность и важность, съ которою я сейчасъ разсматривалъ бани Тифлисскія, построенныя на тѣхъ самыхъ сѣрныхъ источникахъ, которымъ городъ обязанъ своимъ существованіемъ. Слѣдовательно парясь въ Бебутовскихъ баняхъ, вы собственно повѣряете историческій фактъ, не моетесь, а изыскиваете исторію.

Тифлисъ, по времени построенія своего, раздѣляется на Старый и Новый. Старый городъ расположенъ на быстромъ скатѣ склоняющемся къ Курѣ; онъ былъ защищенъ отъ нападеній хищныхъ сосѣдей каменною стѣною, которая начинаясь отъ крѣпости построенной на самой горѣ (за нею нынѣ находится ботаническій садъ), обгибала городъ по всей длинѣ нынѣшней Эриванской площади, оттуда шла вправо и оканчивалась у самой Куры возлѣ дома князей Мухранскихъ. Остатки этой стѣны и доселѣ существуютъ. За стѣною находились Царскіе сады. Теперь же на всемъ этомъ мѣстѣ, по протяженію горъ, ограничивающихъ городъ съ Запада до рѣчки Вѣры построенъ новый Русскій городъ, который въ послѣднее время украсился многими хорошими зданіями, могущими по величинѣ и красивому наружному виду, стоять въ лучшихъ улицахъ Европейскихъ городовъ.

Въ Старомъ городѣ есть три площади очень не большія: Татарская, гдѣ производится ежедневно продажа съѣстныхъ припасовъ, Вельяминовская и Базарная. Въ Новомъ также три: Эриванская, обширная, хотя неправильная, на ней стоятъ большія строенія, Штабъ, Полиція и Гимназія; Мадатовская площадь правильная но мало застроенная, и наконецъ площадь передъ домомъ Корпуснаго Командира довольно большая, но не ровная, и также мало обстроенная. Къ числу достопримѣчательностей Тифлиса принадлежатъ три церкви, построенныя Царемъ Вахтангомъ, о которомъ было говорено выше: Сіонская, Петхаинъ и церковь въ Мерахской крѣпости. Сіонскій соборъ главная церковь въ городѣ, построена какъ говорятъ слишкомъ 500 лѣтъ тому назадъ. Она стоитъ на Базарной улицѣ близь караванъ-сарая г. Арзруни (одного изъ лучшихъ караванъ-сараевъ въ Тифлисѣ). Близость домовъ окружающихъ церковъ скрываетъ наружную архитектуру ея отъ глазъ. Внутренность же ея можетъ поистиннѣ почесться великолѣпною: она свѣтла и очень обширна, высокія колонны симетрически расположенныя поддерживаютъ потолокъ. Образа украшающіе иконостасъ и стѣны, принадлежатъ глубокой древности. Службу по праздникамъ

отправляетъ Экзархъ Грузіи съ большою церемоніею. Въ этой церквѣ покоятся остатки многихъ извѣстныхъ людей, служившихъ съ пользою отечеству, и теперь предполагается воздвигнуть въ ней памятникъ безсмертному въ Грузіи князю Циціанову. Этотъ памятникъ будетъ сдѣланъ изъ Казбекскаго гранита, и для отдѣлки выписываютъ мастеровъ изъ Сибирскихъ горныхъ заводовъ.

Церковь Петхаинская воздвигнутая въ воспоминаніе Виѳлеема стоитъ на весьма высокомъ мѣстѣ горы, ограждающей городъ съ Юго-запада. Она перешла въ вѣденіе Армянскаго духовенства и пользуется необыкновеннымъ почтеніемъ: каждую субботу вечеромъ огромныя массы поклонниковъ отправляются туда, взбираясь съ трудомъ по крутой горѣ. Въ это время церковь бываетъ освѣщена и представляетъ удивительный видъ.

Церковь въ Мерахской крѣпости построена за Курою на горѣ. Теперешній Экзархъ Грузіи Евгеній предполагаетъ исправить и поддержать этотъ достопочтенный памятникъ древности.

Кромѣ этихъ трехъ церквей заслуживаютъ вниманіе еще двѣ, Анчисхати и церковь Св. Давида. Анчисхати или Нерукотвореннаго Обра-

за Господа нашего Іисуса Христа, чрезвычайно уважается Грузинами. Во время богослуженія стекается туда множество народа.

Церковъ Св. Давида построена на весьма высокомъ утесѣ горы къ западу отъ города. Каждый четвергъ собирается туда народъ на богомолье и многіе усердные люди, въ особенности женщины, совершаютъ путь босыми ногами. Св. Давидъ былъ одинъ изъ проповѣдниковъ прибывшихъ въ VI столѣтіи въ Грузію, дабы сохранить въ ней теплоту вѣры, начинавшей страдать отъ расколовъ Цареградскихъ. Въ церквѣ Св. Давида погребены тѣла многихъ замѣчательныхъ людей; въ ней покоится прахъ Грибоѣдова.

Можно указать также на Армянскій монастырь Ванки. Патріархъ всѣхъ Армянъ приносѣщеніи Тифлиса совершаетъ въ немъ священнодѣйствіе.

За исключеніемъ церквей о которыхъ я говорилъ остается не много замѣчательныхъ зданій, къ тому же въ Тифлисѣ пробылъ я очень короткое время и все былъ занятъ дѣлами такъ, что не успѣлъ войти въ подробное разсмотрѣніе его достопримѣчательностей, по чему и прошу читателя извинить меня, если онъ найдетъ нескладнымъ и можетъ быть

слишкомъ поверхностнымъ то, что я скажу о городѣ заслуживающимъ большаго вниманія во всѣхъ отношеніяхъ. Другой на моемъ мѣстѣ, можетъ быть, и не затруднился бы, и за неимѣніемъ точныхъ свѣденій пустился-бы фантазировать, но признаюсь, я не умѣю этаго, и пишу только такія вещи, за вѣрность которыхъ готовъ поручиться. Я не стану говорить объ историческихъ воспоминаніяхъ, прикованныхъ къ Тифлису вмѣстѣ съ воинскою славою Русскихъ. Имена героевъ прославившихъ здѣсь наше отечество принадлежатъ Исторіи, а не памятнымъ запискамъ путешественника, забѣжавшаго въ Тифлисъ на минуту. То что сказалъ я о Цицiановѣ пришлось кстати, иначе бы я не коснулся великаго мужа. Его подвиги, его слава должны быть обширнымъ полемъ для историка, для біографа, а не для меня.

Въ Тифлисѣ есть много хорошихъ Караванъ-Сараевъ, самый примѣчательный изъ нихъ принадлежитъ Шадинову, онъ стоитъ на Курѣ въ точномъ смыслѣ этаго слова, потому что мутныя и быстрыя воды Куры омываютъ основаніе этаго огромнаго зданія. Церкви старинной архитектуры могутъ казаться очень красивыми, но признаюсь онѣ не по моему вкусу. Часть Тифлиса, стоящая на пологости горы, от-

личается множествомъ прекрасныхъ садовъ въ которыхъ Грузины тѣшать свою Азіатскую лѣнь и веселятъ сердца свои Кахетинскимъ виномъ, которое тянутъ изъ турьихъ роговъ. Къ числу лучшихъ садовъ въ городѣ принадлежать садъ Царевны Ѳеклы Иракліевны и садъ г. Главноуправляющаго Грузіею, послѣдній къ сожалѣнію не открытъ для публики. Меня увѣряли что Грузины, во время пьянства, ставятъ ноги въ холодную воду, чтобы вино не такъ скоро дѣйствовало на нихъ и чтобы черезъ это продолжить удовольствіе. Изъ уваженія къ истиннѣ долженъ я сказать, что мнѣ не удалось ни разу повѣрить это на дѣлѣ, отъ чего и остается для меня это свѣденіе изустнымъ преданіемъ. Въ Тифлисѣ путешественникъ встрѣчаетъ первый разъ верблюдовъ, это полезное, безобразное, почтенное и отвратительное животное. Въ самомъ дѣлѣ нельзя вообразить ничего гаже верблюда какъ для глаза, такъ и для обонянія. Ѣздить на нихъ верхомъ можно почесть за истинное наказаніе, спина верблюда качается хуже корабля во время сильнѣйшей бури. Что же касается до ихъ пользы, объ ней кажется нечего говорить даже и въ Европѣ. Верблюдовъ кормятъ, между прочимъ, большими лепешками, сдѣланными изъ мучнаго теста и рубленой соломы,

эта пища, по увѣренію туземцовъ, даетъ имъ необыкновенную силу и очень имъ нравится. Къ несчастію долженъ я сознаться, что здѣсь кончаются воспоминанія мои о Тифлисѣ, которыя бы я могъ передать читателю. Въ памяти моей осталось много пріятныхъ минутъ, которыми я обязанъ гостепріимству и ласковости тѣхъ, съ которыми былъ знакомъ, я бы могъ написать цѣлый томъ о доброй и умной княгинѣ М., которая жила въ Тифлисѣ постоянно при жизни мужа своего, грозы Персіянъ, храбраго Русскаго воина украсившаго именемъ своимъ страницы Исторіи Русской во время Персидской войны, и которая теперь, наѣздами посѣщаетъ Грузію; но это можетъ быть занимательно только для меня одпаго. И такъ простившись съ Тифлисомъ, я сажусь въ почтовую тележку съ курьеромъ, который данъ мнѣ въ видѣ переводчика и отправляюсь въ путь. Угодно-ли за мною?—Милости просимъ.

ГЛАВА III.

—

Дорога отъ Тифлиса до Эривани. — Эчміадзинъ.— Эривань.

Изъ Тифлиса въ Эривань ведутъ три дороги: одна на крѣпость Гумры, другая черезъ Дилиджанское ущелье и наконецъ третья, полупроселочная, на Абаранполь. Вожатый мой курьеръ, который пользуясь неведеніемъ края, деспотически заставлялъ меня исполнять его волю, избралъ третій путь сообщенія, считая его кратчайшимъ и удобнѣйшимъ. Двѣ станціи проѣхали мы на телегѣ, на третьей же господинъ курьеръ, родомъ изъ Грузинъ, объявилъ мнѣ, что далѣе ѣхать въ повозкѣ рѣшительно не возможно, что хотя обыкновенно путешествен-

ники ѣздятъ въ этомъ экипажѣ и далѣе, но что нынѣшній годъ дороги ранними дождями испортились до того, что проѣздъ не только труденъ, но даже не возможенъ, и что по этому благословясь надобно садиться на коней. Любя верховую ѣзду я съ радостію принялъ это предложеніе. Я воображалъ что сяду на хорошую лошадь и что вмѣсто того чтобы ломать кости свои въ Русской телегѣ, я совершу путешествіе въ видѣ пріятной прогулки. Воображеніе мое было настроено повѣстями о быстротѣ и высокихъ добродѣтеляхъ восточныхъ лошадей, которыя ѣдятъ только вѣтеръ и пьютъ только призракъ воды, являемый миражемъ. Мой проводникъ, своимъ краснорѣчіемъ, еще болѣе усилилъ во мнѣ сѣверный энтузіазмъ къ баснословнымъ конямъ волшебной Земли Солнца. Я почти былъ увѣренъ что перенесусь съ вершинъ Кавказа въ Тебризъ также легко, отрадно и скоро, какъ нѣкогда Мугаммедъ перенесся въ одну ночь изъ Мекки въ седьмое небо на крылатой кобылѣ Эль-боракъ. Не долго однакожъ оставался я въ пріятномъ заблужденіи: въ то время, какъ я догрызывалъ кусокъ взятаго съ собою изъ Тифлиса Швейцарскаго сыру, Егоръ (такъ звался курьеръ) вошелъ въ комнату и доложилъ мнѣ, что ло-

шади осѣдланы. Я спросилъ у него хороши-ли лошади? Очень хороши, отвѣчалъ онъ. Закуривъ трубку, *препоясавъ по бедрѣ мечь*, выхожу и вижу чтожъ, о ужасъ! Самую отчаянную клячу. Это-то хорошая лошадь спросилъ я Егора.—*Да-съ, очень хорошій лошадь, ерга* * *прекрасни имѣетъ.* Посмотримъ какова ёрга думалъ я, и скрѣпивъ сердце сѣлъ на эту олицетворенную лѣнь и немощь.

Чемоданы мои перекинули въ видѣ вьюковъ на не менѣе гадкаго коня, человѣкъ мой усѣлся на какую-то кривую кобылу, а курьеръ, при всей своей видимой готовности служить мнѣ по мѣрѣ силы и возможности, взялъ себѣ не только самую лучшую, но даже порядочную лошадь. Между моими чемоданами наподобіе третьяго узла торчалъ *чапаръ* съ почтовой станціи. Курьеръ везъ деньги для нашей Миссіи въ Тавризъ, а потому для охраненія казны бралъ себѣ конвой, состоявшій изъ пяти человѣкъ *Кенгорли.* Такимъ образомъ въ числѣ девяти душъ мы двинулись въ походъ на девяти россинантахъ. Съ помощію плотной казачьей нагайки, купленной мною еще въ Аксаѣ, я довелъ коня моего до того, что онъ, съ отчаянія побѣжалъ небольшею рысью, давая мнѣ съ каж-

* По-Персидски и Татарски—иноходь.

дымъ шагомъ такіе немилосердные толчки, что я всякой разъ думалъ лишиться отъ этаго сотрясенія головы, руки или ноги. Проѣхавъ съ полверсты я обернулся назадъ чтобы спросить у курьера сколько верстъ до слѣдующей станціи. Каково же было мое удивленіе когда я кромѣ своего слуги не увидѣлъ никого. Остальные виднѣлись вдали. Дождавшись ихъ я спросилъ Егора отъ чего онъ такъ тихо подвигается.

Помилуйте, здѣсь на Востокѣ всегда въ дорогѣ ѣздятъ шагомъ, да къ тому же посмотрите у меня цѣлыхъ два мѣшка съ червонцами перекинуты черезъ сѣдло, гдѣ мнѣ ѣхать рысью, отвѣчалъ хладнокровный курьеръ. Небойтесь, не бойтесь, *тише пѣдешь, дальше будешь.* —Эта предательская философія пословицъ, поразила меня какъ громомъ. Шагомъ! Тутъ только я понялъ весь ужасъ моего положенія: ѣхать шагомъ болѣе семисотъ верстъ въ компаніи курьера Егора, понимаете-ли вы чего это стоитъ? Будучи увѣренъ что всѣ возраженія мои не поведутъ ни къ чему, я покорился своей судьбѣ и бросивъ повода моей лошади, пустилъ ее идти по собственному ея произволу. Чапаръ затянулъ какую-то Татарскую пѣсню, похожую на мяуканье влюбленнаго кота, Егоръ закурилъ трубку, а я сидѣлъ не помышляя болѣе ни о

чемъ, какъ только о человѣческой лѣни, о дурныхъ лошадяхъ и о ночлегѣ. Переходъ былъ всего въ восьмнадцать верстъ, кажется не много, не смотря на это дотащившись до станціи я едва, едва выбрался изъ сѣдла и насилу добрелъ до лачужки, гдѣ расположился ночевать, до такой степени эта ѣзда на прекрасномъ иноходцѣ исковеркала мнѣ члены.

На слѣдующій день такая же кляча перетащила меня черезъ Безобдалъ. На вершинѣ Безобдала дорога пролегаетъ черезъ такъ называемые волчьи ворота; каменныя скалы лежащія по обѣ стороны дороги образуютъ дѣйствительно родъ воротъ. Безобдалъ отдѣляетъ Грузію отъ Арменіи, и еслибы Географіи и не гласили объ этомъ, описывая Грузію и Арменію, то стоило-бы поглядѣть на самыя мѣста, чтобы убѣдиться въ томъ, что природа сама назначила этотъ хребетъ границею двухъ царствъ. Цвѣтущіе сады Грузіи, ея роскошная природа дышащая повсюду свѣжестію, блестящая, нѣжная исчезаетъ, чтобы дать мѣсто голымъ равнинамъ, покрытымъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ едва замѣтною, вялою, безцвѣтною зеленью и усѣяннымъ каменьями. На Безобдалѣ путешественникъ въ послѣдній разъ долженъ насладиться видомъ величественныхъ деревъ, пышныхъ ра-

стеній, и это прощаніе съ восхитительною природою тѣмъ тягостнѣе что долженъ покинуть ее въ ту минуту, когда она наиболѣе привлекательна для глаза, когда она является въ одеждѣ брачной, во всемъ блескѣ дѣвственной красоты своей. Въ самомъ дѣлѣ трудно вообразить себѣ мѣсто болѣе украшенное растѣніями нежели Безобдалъ. Деревья какъ будто согласились расположиться въ самыхъ живописныхъ положеніяхъ, и хотя можно поручиться, что рука человѣка не проходила по этимъ мѣстамъ, но замѣчательно что лѣсъ на этой горѣ такъ чистъ, какъ будто искусный садовникъ тщательно занимается содержаніемъ его въ порядкѣ. Я увѣренъ что никакая лѣсная дача при всѣхъ усиліяхъ человѣка, не можетъ быть доведена до такой великолѣпной степени совершенства, до какой природа своею материнскою попечительностію вознесла это мѣсто. Сады Магометова рая не могутъ быть красивѣе.

Спустившись съ Безобдала выѣхалъ я на огромную равнину, голую какъ ладонь, гдѣ глазъ утомляется отъ губительнаго единообразія. Коегдѣ отдаленныя горы, песчаные холмики, камни, бурьянъ. Дорога тянулась лѣниво, какъ вялый, скучный періодъ жизни безъ энергіи, безъ страстей, безъ радости и безъ горя. Хотя

дѣло шло къ концу Сентября, не смотря на то солнце пекло безъ милосердія. Все вокругъ меня было до такой степени безжизненно, что мною овладѣла ужасная тоска; прибавьте къ этому ломъ въ костяхъ отъ непривычной ѣзды, равнодушную пресную рожу Егора, ворчанье чапара, заспанные глаза конвойныхъ Кенгорли, вздохи моего слуги, и вы поймете что всякому человѣку можетъ сдѣлаться тошно въ эдакомъ положеніи. Я бы далъ Богъ знаетъ что за кустикъ, за ручеекъ на дорогѣ или за облачко, нѣтъ ничего ни на землѣ ни на небѣ. Признаюсь когда пишешь объ этомъ такъ дѣлается отдышка, всякое терпѣніе лопнетъ. Чтобы разсѣять себя хоть чѣмъ нибудь, спрашиваю у Егора какова будетъ дальше дорога.

«Все до самой Эривани такой прекрасни дорогъ гладка какъ здѣсь».

О варваръ, подумалъ я, это называешь ты прекрасной дорогой, безчувственная тварь, сухая душа, тебѣ кромѣ говядины да хлѣба не нужно никакой пищи для существованія. Мнѣ стало такъ досадно, что я даже не сказалъ ни слова въ возраженіе на эту фразу, взбѣсившую меня свыше всякаго описанія.

Такимъ образомъ добрался я до Эчміадзина. Этотъ Армянской монастырь заслужи-

ваетъ большаго вниманія во многихъ отношеніяхъ, по чему я и постараюсь сказать объ немъ съ наибольшею точностію все что мнѣ извѣстно. Онъ стоитъ на равнинѣ въ 15-ти верстахъ отъ Эривани и на разстояніи около 60 или 70 верстъ отъ подошвы Арарата. Изъ этаго читатель можетъ заключить, что пунктъ этотъ довольно важенъ. Гора служившая нѣкогда пристанью Ноева ковчега, свидѣтельница торжественной минуты примиренія неба съ землею, главный Армянскій монастырь въ мірѣ и знаменитая крѣпость прославившая оружіе Русскихъ, вотъ три предмета соединенные въ одной точкѣ, которыя во всякомъ человѣкѣ пробудятъ способность мыслить.

Эчміадзинъ окруженъ каменною стѣною и издали представляетъ видъ крѣпости, по угламъ находятся четыре круглыя башни, не многимъ превосходящія вышину стѣны. Церковь старинной ахритектуры величественно возвышается посреди одного изъ дворовъ внутри стѣны; четыре многоугольныхъ купола, оканчивающіеся вверху пирамидами вѣнчаютъ этотъ храмъ. Внутренность церкви равно какъ и ея наружность чрезвычайно мрачны: свѣту мало и стѣны выкрашены какою-то сѣроватою краскою, все это придаетъ ей не только какую-то таинственность

весьма приличную для мѣста посвященнаго молитвѣ, но и прохладу необходимую въ этомъ кухонномъ климатѣ.

Строенія монастырскія обширны; въ нихъ помѣщается Патріархъ, нѣсколько Архіереевъ и Архимандритовъ, и какъ мнѣ сказывали, до трехъ сотъ монаховъ и прислужниковъ. Комнаты назначенныя для трапезы довольно велики и содержаны хотя очень просто, но чисто.

Квартира Патріарха и Сѵнодъ занимаютъ много мѣста: я пріѣхалъ въ Эчміадзинъ часа за два до заката солнца. Услужливая братія приняла меня съ большою ласкою. Въ огромную комнату поставили большую кровать съ занавѣсками, достойную по величинѣ своей и по важному виду быть ложемъ самаго Патріарха всѣхъ Армянъ. Почтенный Архіерей Іосифъ удостоилъ меня тотчасъ по моемъ пріѣздѣ своего посѣщенія и просидѣлъ со мною около двухъ часовъ. Признаюсь, это время показалось мнѣ очень короткимъ, бесѣда отца Іосифа была чрезвычайно занимательна: въ короткихъ словахъ ознакомилъ онъ меня со многимъ, касающимся знаменитаго монастыря. Тогдашній Патріархъ Ефремъ старецъ, которому преклонныя лѣта не позволяли уже исполнять обязанностей, возложенныхъ на него его саномъ, былъ боленъ.

Мѣсто его заступалъ, по управленію монастыремъ и паствой, Іоаннесъ (теперешній Патріархъ). Отецъ Іосифъ сообщившій мнѣ это присовокупилъ, что Іоаннесъ узнавъ о прибытіи въ ихъ монастырь Русскаго, имѣетъ желаніе меня видѣть, но что на сей день отслушавъ вечерню онъ будетъ отдыхать, по чему и не можетъ принять меня, а проситъ пожаловать къ нему на другой день послѣ заутрени. Когда отецъ Іосифъ удалился, то мнѣ принесли отъ имени Патріарха хорошій ужинъ, состоявшій изъ разныхъ рыбъ, икры, баранины, сыру, винограду, дынь и другихъ плодовъ: все это было приправлено бутылкой отличнаго Ширазскаго вина, которое Патріархъ получаетъ вѣроятно отъ единовѣрца своего Армянскаго Архіерея, живущаго въ Джульфѣ, по близости Испагана, и который славится своимъ хорошимъ погребомъ. Утоливъ такимъ образомъ голодъ и жажду я возлегъ на приготовленное для меня Патріархальное ложе. Оно однако не совершенно соотвѣтствовало своему наружному виду: внутреннее достоинство его заключалось въ черезъчуръ мягкой перинѣ, при которой, какъ извѣстно по закону тяготѣнія, скоро, очутишься на голыхъ доскахъ прикрытыхъ легкимъ слоемъ пуху, и въ безчисленномъ множествѣ тѣхъ жи-

вотныхъ, которыя находятся въ вѣчной непримиримой враждѣ съ человѣкомъ, имѣющимъ намѣреніе спать. По этимъ уважительнымъ причинамъ, я предпочелъ зажечь свѣчу и принялся за чтеніе путешествія г. Шардена, чтобы посмотрѣть что̀ говоритъ онъ объ Эчміадзинѣ и лучше-ли меня удалось ему тутъ спать. Первое что мнѣ попалось, были невинныя жалобы почтеннаго путешественника, который говоритъ: «что онъ едва дотащился до Эривани, умирая отъ холода, страдая жестокою болѣзнію, очень неудобною во время дороги, и что въ Эчміадзинѣ чуть не заѣли его блохи». Эти строки меня какъ-то утѣшили, я вообразилъ себѣ бѣднаго Шардена больнаго, озябшаго, мучимаго подобно мнѣ, и мнѣ стало легче. Какъ вѣрны всѣ его описанія! Благодаря неизмѣнности Востока и вѣрности описаній смышленнаго купца, путешествіе его, еще черезъ два столѣтія будетъ «новѣйшимъ путешествіемъ по Персіи».

Поутру пошелъ я къ заутренѣ. Церковь была освѣщена множествомъ лампадъ, повѣшенныхъ симметрически групами въ серединѣ потолка и по бокамъ такъ, что каждая група образовала родъ люстры. Монаховъ было множество въ черныхъ рясахъ и въ остроконечныхъ клобукахъ, нѣсколько похожихъ на тѣ,

которые носятъ наши монахини. Армянское богослуженіе имѣетъ какъ извѣстно много общаго съ Греческимъ. Заутреня продолжалась болѣе двухъ часовъ. Пѣніе Армянъ очень нескладно и даже отчасти непріятно, потому что они всѣ поютъ въ носъ, или, если угодно, носомъ, какъ будто не раскрывая рта. Можете себѣ вообразить что это не очень благозвучно. Какъ бы то нибыло, не смотря на то, что я ничего не понималъ, мнѣ было очень пріятно постоять въ Христіанской церкви посреди Азіи. Образа, Распятіе, кажденіе, все это также какъ и у насъ. По окончаніи заутрени пошелъ я къ Патріарху Іоаннесу. Я нашелъ въ немъ сѣдаго старца лѣтъ за 60, довольно бодраго. Онъ сидѣлъ по Персидски на коврѣ; для меня былъ поставленъ стулъ. Квартира занимаемая Іоаннесомъ велика и убрана въ Азіатскомъ вкусѣ, т. е. устлана хорошими коврами, на стѣнахъ много позолоты. Разговоръ нашъ шелъ черезъ переводчика, Секретаря Сѵнода.—Распросы о Европѣ вообще и о Россіи въ особенности, не имѣли конца. Іоаннесъ съ восторгомъ говорилъ о счастіи, которымъ монастырь и вообще всѣ Армяне наслаждаются съ тѣхъ поръ какъ Эривань и Нахичевань подчинены владычеству Россіи. «Прежде мы никогда не были спокойны,

Персіяне всегда старались притѣснять насъ, а теперь никто насъ не тревожитъ, а напротивъ того мы пользуемся необыкновенными милостями Государя.—Императору угодно было даже пожаловать намъ ордена». Съ этимъ словомъ Іоаннесъ указалъ на сіящую на его груди Александровскую звѣзду и на нѣсколькихъ Архіресвъ украшенныхъ Владимірскими и Анненскими звѣздами. Намъ подали кофе въ маленькихъ филиграновыхъ чашечкахъ и послѣ того кальянъ. Съ непривычки я очень не ловко принялся курить, такъ, что часть воды вмѣстѣ съ дымомъ вливалась мнѣ въ ротъ и въ горло; этаго никто не замѣтилъ кромѣ меня. За незнаніе свое, курительной гидравлики, заплатилъ я нѣсколькими часами тошноты, произведенной водою напитанной табачнымъ дымомъ. Послѣ этаго я распростился съ Іоаннесомъ, который пригласилъ меня осмотрѣть все то чего я не успѣлъ разглядѣть вчера въ монастырѣ. Это бы я сдѣлалъ и безъ его просьбы. Вотъ результатъ моего путешествія по монастырю и забранныхъ мною отъ достовѣрныхъ людей справокъ:

Эчміадзинъ значитъ по-Армянски «Сошествіе Единороднаго Сына». Турки называютъ его *Ючъ-Клисъ*, т. е. три церкви. Время осно-

ванія монастыря относятъ къ царствованію Тиридата въ 300-мъ году по Р. Х. Строителемъ его былъ великомученикъ Григорій, который просвѣтилъ Арменію * свѣтомъ вѣры Христіанской. Нельзя думать однакоже, чтобы всѣ сданія, составляющія теперешнюю обитель, существовали съ тѣхъ поръ; нѣкоторыя изъ нихъ носятъ на себѣ отпечатокъ временъ гораздо позднѣйшихъ, да къ тому же нѣтъ сомнѣнія что число монаховъ въ началѣ было очень не велико, по чему и не было нужды въ столь большомъ помѣщеніи. Въ прежнія времена къ Эчміадзину принадлежало множество окружныхъ селеній, число ихъ теперь весьма уменьшилось не смотря на это монастырь богатъ, какъ отъ пожертвованій благочестивыхъ людей, такъ и отъ обработываемыхъ въ его пользу полей. Монахи не сознаются въ этомъ и грѣшатъ прикидываясь бѣдняками. Я думаю, что эта дурная привычка осталась въ святыхъ отцахъ съ недавняго, всѣмъ имъ памятнаго времени владычества Персіянъ, когда они должны были стараться скрывать свое имѣніе, чтобы оно не блеснуло въ глаза Правителямъ Эривани. Какъ бы то ни было, я убѣжденъ въ томъ, и многіе раздѣляютъ мое

* На этотъ счетъ согласны какъ Исторія Армянскаго Царства, такъ равно и путешественники, посѣщавшіе Эчміадзинъ.

мнѣніе, что Эчміадзинъ далекъ отъ того, чтобы нуждаться въ средствахъ къ своему содержанію, какъ то утверждаютъ нѣкоторые легковѣрные люди.

Въ Эчміадзинѣ, по свидѣтельству Шардена, хранились нѣкогда два гвоздя, которыми Спаситель былъ пригвожденъ ко кресту. Объ этихъ гвоздяхъ теперь никто незнаетъ, а показываютъ, между прочимъ, конецъ копія, которымъ былъ прободенъ Іисусъ Христосъ на крестѣ. Церковь богата мощами святыхъ, претерпѣвшихъ за вѣру; я не помню на память какихъ именно святыхъ, но знаю, что между прочими тамъ есть мощи Св. Георгія, основателя обители.

Не подалеку отъ монастыря находится колодецъ съ чудотворною водою. Эта вода, по словамъ Армянъ предохраняетъ отъ саранчи. Вѣра въ благотворную силу воды такъ велика, что за нею пріѣзжаютъ изъ отдаленныхъ странъ Арменіи, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ показывается саранча окрапливаютъ ею поля, послѣ чего саранча улетаетъ.

Повѣрья Армянъ довольно странны и не знаешь въ какой степени можно вѣрить нѣкоторымъ изъ нихъ, потому что ни для одного изъ нихъ нѣтъ никакихъ доказательствъ, иные же даже опровергаются фактами самыми поло-

жительными. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ мнѣніе Армянъ, что доселѣ никто не всходилъ и не можетъ взойти на Араратъ, что многіе пытались привести въ дѣйствіе это богопротивное намѣреніе, но что Провидѣнію не угодно было допустить до этаго ни одного смертнаго; что многіе, поднявшись на извѣстную высоту, были одолѣваемы сномъ и просыпались на томъ же самомъ мѣстѣ, откуда начали свое восхожденіе, будучи во снѣ чудеснымъ образомъ перенесены внизъ. Они убѣждены также въ томъ, что Ноевъ ковчегъ и доселѣ находится на вершинѣ Арарата и полагаютъ это обстоятельство одною изъ главныхъ причинъ, по чему Всевышнему не угодно дозволить людямъ всходить на священную гору. Это повѣрье кажется достаточно опровергнуто восхожденіемъ на Араратъ г. Паррота, который былъ на вершинѣ горы и не видѣлъ тамъ ковчега. Не смотря на это во всей Грузіи и Арменіи дѣло рѣшеное что г. Парротъ не бывалъ на вершинѣ Арарата: правда, онъ взобрался до извѣстной высоты, но тутъ явился ему духъ-хранитель горы съ огненнымъ мечемъ и разсѣкъ его на двѣ половины, которыя съ громомъ были сброшены къ подошвѣ горы. Это собственными глазами видѣлъ одинъ старикъ,

живущій по близости горы, мужъ добродѣтельный, который никогда не лжетъ, а громъ слышали многіе Армяне, стоявшіе въ то время у подошвы горы. Были здѣсь, послѣ того, коварные посланцы ученаго профессора, какіе-то ученики Арія, Папы и Валтура (Вольтера), которые подъѣзжали за тѣмъ, чтобы взять отъ старосты Эчміадзинской деревни и его товарищей письменное свидѣтельство въ дѣйствительности восхожденія г. Паррота на вершину завѣтной горы, но — Армяне не поддались! — Староста не дуракъ! онъ отказалъ наотрѣзъ, не смотря на милліонъ цѣлковыхъ, который предлагали ему за выдачу ложнаго аттестата посланцы Дерптскаго Профессора, и твердостью своей спасъ Араратъ отъ поруганія *фейлусуфовъ* (ученыхъ).—Принимая въ соображеніе этотъ милліонъ цѣлковыхъ, можно было-бы сомнѣваться въ справедливости всего этаго расказа, но почтенный Армянскій купецъ, расказывавшій мнѣ, на возвратномъ пути моемъ изъ Персіи, эти подробности въ Эривани, совершенно устранилъ всѣ сомнѣнія критики, присовокупленіемъ одного обстоятельства, которое было мнѣ неизвѣстно, но извѣстно всѣмъ Армянамъ. Оно состоитъ въ томъ, что г. Парротъ открылъ *аль-кимія* (философскій ка-

мень), дѣлаетъ золото, а цѣлковые растутъ у него подъ кроватью какъ шампиньоны. Эчміадзинскій староста, который любитъ Русскіе рубли, быть можетъ и соблазнился бы милліономъ Дерптскаго *фейлусуфа,* но онъ, очень основательно, побоялся чорта. Многія обстоятельства пребыванія г. Паррота и его спутниковъ въ окрестностяхъ Эчміадзина убѣдили тамошнихъ жителей, что ученый Профессоръ астрологъ, волхвъ и опасный колдунъ, который смотритъ на солнце какъ на оловянную тарелку, нисколько не жмуря глазъ, всякую ночь считаетъ звѣзды, и умѣетъ по своему произволенію производить дождь и хорошую погоду. По увѣренію *почтеннаго* Армянскаго негоціанта, всѣ видѣли у него какой-то волшебный инструментъ, состоящій изъ длиннаго тонкаго ящика, въ которомъ заключалась стеклянная трубка, наполненная нечистою силою, бѣлою, удивительно безпокойною и чрезвычайно могущественною. Г. Парротъ безпрерывно имѣлъ съ ней совѣщаніе. Однажды, въ самую ясную и сухую погоду, когда на небѣ не было ни одпаго облачка, г. Парротъ, недовольный за что-то своими провожатыми Армянами, бросился съ гнѣвомъ къ своему волшебному ящику, шепнулъ что-то нечистой силѣ,

заключенной въ трубочкѣ, и, поспѣшно закрывъ коварный инструментъ, сказалъ своимъ товарищамъ: «Поѣдемъ отсюда; часа чрезъ два здѣсь будетъ проливной дождь». Потомъ, обращаясь къ Армянамъ, онъ примолвилъ: «*Аллахъ ысмарладыкъ!* съ Богомъ! Прощайте! Вы мнѣ не нужны. Оставайтесь здѣсь».—Они уѣхали; Армяне остались. Эти добрые люди усѣлись въ кружокъ у подошвы горы, и отъ всей души закурили трубки; куря, смѣялись между собою надъ гнѣвомъ и предсказаніемъ профессора. Откуда тутъ быть дождю! Слава Богу, такой хорошей погоды еще у насъ не бывало въ нынѣшнемъ году! Но чтожъ вы думаете! Армяне уснули всѣ на томъ мѣстѣ, не подозрѣвая никакой *хіанетъ*, никакой «измѣны,» какъ вдругъ обрушилась на нихъ ужасная гроза, — дождь, градъ величиною съ страусово яйцо,—громъ,— молнія, — вѣтеръ, — да такой вѣтеръ, что по словамъ моего историка, у несчастныхъ Армянъ разметало бороды по волоску во всѣ четыре стороны свѣта. Они съ величайшимъ трудомъ спаслись домой, промокшіе до нитки, усталые и до-смерти напуганные безпримѣрною въ тѣхъ странахъ бурею, которую произвелъ ящикъ мстительнаго профессора. «Какъ послѣ того старостѣ» воскликнулъ мой собѣсѣдникъ, «полако-

миться на его милліонъ! Староста — человѣкъ благоразумный, — знаетъ свѣтъ, — борода у него убѣлена, слава Богу, не мукой въ мѣльницѣ, а опытностью: онъ никакъ не согласился покривить душою за деньги, Богъ знаетъ какія..... Нѣтъ, сударь, Армянъ не надуешь!... А что касается до восхожденія г. Паррота на Араратъ, то это — *бошъ! бошъ!* — пустяки! — пустяки!...!» Напрасно вы будете говорить Армянамъ, что восхожденіе г. Паррота точно, истинно, что объ этомъ напечатано въ Петербургѣ, они отвѣчаютъ вамъ, что это *бошъ* — пустяки! извѣстно что въ печати все врутъ.—Вообще, путешествуя по Арменіи вы встрѣчаете на каждомъ шагу какое нибудь мѣсто, ознаменованное великимъ историческимъ событіемъ. Здѣсь Армяне побѣждали Бела, тамъ Семирамида торжествовала свою свадьбу вышедши замужъ за Армянскаго царя. Тутъ то, тамъ другое, хвастовство страшное.

Армяне утверждаютъ, что мѣсто на которомъ построена Эчміадзинская церковь, есть то самое, на которомъ Ной сошедъ съ ковчега приносилъ первую жертву Богу. Доказать это не легко, а потому и вѣрить преданію довольно трудно. Также показываютъ мѣсто гдѣ Ной посадилъ виноградную лозу и приписываютъ этому

доброту винограда, растущаго въ Эривани, въ Эчміадзинѣ и въ окрестностяхъ. Это преданіе кажется также не имѣетъ права на мѣсто въ исторіи. Конечно близость Эчміадзина и Эривани отъ Арарата даетъ поводъ къ сохраненію этихъ повѣрьевъ, а желаніе Армянъ приписывать важныя историческія воспоминанія своему отечеству, заставляетъ ихъ всѣми мѣрами укоренять ихъ въ умахъ. Впрочемъ, превратившись изъ славной, великой Арменіи въ ничто, этой землѣ остается жить одними воспоминаніями, и можно дозволить ей, въ видѣ утѣшенія, въ видѣ возмездія за утраченную славу добавлять истинну вымысломъ, безвреднымъ для просвѣщеннаго человѣка, умѣющаго положить границу между исторіею и баснею. Къ тому же эти повѣрья имѣютъ свою прелесть: разсказываемыя на мѣстахъ они переносятъ насъ въ вѣка отдаленные; великіе перевороты земнаго шара, славныя дѣла давно минувшихъ лѣтъ воскресаютъ въ нашемъ воображеніи. Холодный разсудокъ придетъ, разрушитъ фантастическое зданіе, разберетъ все это, разложитъ систематически, выведетъ заключенія, но минутное очарованіе было, минутный трепетъ сердца согрѣлъ разноцвѣтную мечту — и этаго довольно. И что такое поэзія если не минутное повѣрье души? А

поэзія несравненно лучше всякой исторіи. Это давно уже доказано. И я, признаюсь, глядя на Араратъ, прислушиваясь къ разсказамъ старца-монаха, былъ на-время отторгнутъ отъ настоящаго, оно затмилось передъ моими глазами, чтобъ дать мѣсто восхитительной фантасмагоріи таинственнаго прошедшаго, вѣковой старинѣ!

Эчміадзинъ достопримѣчателенъ еще по одному случаю. Каждыя семь лѣтъ въ немъ варится съ большею церемоніею мѵро, которое разсылается по всѣмъ Армянскимъ церквамъ и монастырямъ. Внѣ стѣнъ Эчміадзинскаго монастыря находятся двѣ церкви. Архитектура ихъ не представляетъ ничего особенно привлекательнаго, кромѣ древности, которой они носятъ на себѣ отпечатки.

Пробывъ въ Эчміадзинѣ не съ большимъ сутки, я отправился оттуда въ Эривань, гдѣ также долженъ былъ остановиться на нѣкоторое время, чтобы осмотрѣть достопримѣчательности города. По правдѣ сказать ихъ не много. Время основанія Эривани покрыто густымъ туманомъ неизвѣстности, многіе ученые старались опредѣлить это съ точностію, но труды ихъ не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ. Догадки, предположенія, вотъ что доселѣ было писано и говорено о построеніи Эривани. Нѣко-

торые писатели говорятъ, что Эривань есть тотъ самый городъ, который Птоломей называетъ Терва. Не знаю на чемъ можетъ быть основано это мнѣніе: созвучіе двухъ именъ не есть достаточная причина для подкрѣпленія какого-бы то нибыло предложенія. Нельзя думать также чтобы Эривань была древній Вагаршанатъ *, (мысль изъясненная въ Географіи г. Мальтебрюна), потому что Эчміадзинъ, если вѣрить исторіи Армянскаго Царства Гг. Арзановыхъ и свидѣтельству г. St. Martin **, былъ построенъ въ Вагаршапатѣ. Эчміадзинъ отстоитъ отъ Эривани, какъ сказано было выше, на разстояніи 15 верстъ,—трудно предположить такое огромное протяженіе Вагаршапата. Не знаешь также что думать о мнѣніи, что Эривань есть древняя Артаксата или Артаксіазата, построенная Аннибаломъ, гдѣ Армянскіе Цари имѣли свое мѣстопребываніе. объ этомъ городѣ упоминаетъ Страбонъ ***. Какъ бы то нибыло, Эривань признана всѣми писателями однимъ изъ древнѣйшихъ городовъ Азіи. Довольно о древностяхъ, посмотримъ настоящее.

* Chardin Voyage de Paris á Ispahan T. I, page 213.

** Истор. Арм. Царства Арзановыхъ стр. 170. St. Martin. mémoires Historiques et geograhiques.

*** Strabon, T. IV ch. XIX p. 325, 528.

Городъ лежитъ въ какой-то ямѣ, окруженной почти отвсюду болѣе или менѣе значительными возвышенностями. Улицы узки, и кривы, домы разсѣяны между множествомъ садовъ, занимающихъ большую часть города. Крѣпость довольно велика, она обнесена рвомъ и высокою стѣною, сложенною изъ камня и глины; укрѣпленія въ иныхъ мѣстахъ имѣютъ видъ довольно правильный. Въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій Эривань пользовалась блестящею воинскою славою: она долгое время считалась неприступною и теперь взята силою Русскаго оружія. Должно надѣяться что подъ благотворнымъ вліяніемъ нашего Правительства, съ его предусмотрительною попечительностію, крѣпость придетъ въ лучшее еще состояніе, и тѣмъ оправдаетъ и въ позднѣйшія времена свою знаменитость.

Къ числу достопримѣчательныхъ зданій въ Эривани принадлежитъ домъ Сардаря. Онъ построенъ въ крѣпости, на краю обрыва идущаго на нѣсколько десятковъ сажень къ протекающей внизу рѣкѣ Зангѣ. Видъ изъ оконъ этаго дома удивительный! Подъ вами шумитъ и пѣнится Занга, черезъ нее перекинутъ каменный мостъ, за рѣкою цвѣтетъ огромный садъ принадлежащій Сардарю, далѣе вправо вид-

нѣются главы Эчміадзинскихъ церквей и наконецъ влѣво величественный Араратъ, сѣдовласый старецъ, носившій нѣкогда на снѣжной вершинѣ своей вмѣстилище избранныхъ разсадниковъ всего живущаго на землѣ. Я душевно сожалѣлъ что въ то время, когда я смотрѣлъ на Араратъ небо было со всѣхъ сторонъ совершенно чисто, ни одного облака, ни малѣйшей надежды на дождь и на радугу. Мнѣ хотѣлось бы въ виду этой древней горы видѣть «*сіе знаменіе завѣта, его же положихъ между мною и между всякою плотію, яже есть на земли* *».

Въ домѣ Сардаря есть извѣстная зеркальная зала, объ ней говорятъ гораздо болѣе, нежели сколько она заслуживаетъ. Стѣны и потолокъ покрыты, приклеенными къ нимъ разныхъ формъ, кусочками зеркалъ; оно не дурно, но не представляетъ ничего изящнаго. Впрочемъ въ этомъ домѣ не осталось, кромѣ этой залы, почти ничего Азіатскаго, пышное восточное безвкусіе замѣнено простотою и чистотою Европейскою, которыя введены туда живущимъ тамъ начальникомъ Армянской области.

Въ Эривани поразилъ меня блѣдножелтый цвѣтъ жителей, почти всѣ они ходили какъ тѣ-

* Кн. Моис. Бытія Гл. 9.

ни, какъ выходцы съ того свѣта; причина этому оказалась, злодѣйка лихорадка, которая полюбила Эривань до того, что лѣтомъ живетъ тамъ безвыѣздно и трясетъ все населеніе. Къ осени дѣйствіе ея утихаетъ. По прибытіи моемъ въ Эривань я засталъ только слѣдствія ея царствованія. Климатъ Эривани убійственный. Лѣтомъ жаръ нестерпимъ, воздухъ непомѣрно тяжелъ и напитанъ лихорадочными частицами. Въ добавокъ къ злокачественному климату, въ Эривани есть еще сильное вспомогательное средство для порожденія болѣзней, это вкусные сочные плоды разныхъ родовъ, въ особенности дыни, которыя тамъ въ изобиліи и неимовѣрно вредны. Я увѣренъ что въ Эривани можно бы выдѣлывать прекрасныя вина, потому что виноградъ тамошній чрезвычайно хорошъ, но туземцы не искусны въ винодѣліи и произведенія ихъ не могутъ похвалиться пріятнымъ вкусомъ, по этому-то люди зажиточные выписываютъ Кахетинское вино изъ Тифлиса. Въ Эривани живетъ много Татаръ и Армянъ, число Русскихъ ограничивается крѣпостнымъ гарнизономъ. Русскіе вообще жалуются на климатъ, туземцы же сносятъ его съ бо́льшимъ равнодушіемъ. Эривань не щеголяетъ красивыми строеніями, за исключеніемъ двухъ мечетей я

не замѣтилъ тамъ ничего что бы хоть не много кидалось въ глаза; Армянская церьковь не красива и не велика; базары довольно обширны, но не знаю по чему, можетъ быть отъ вліянія лихорадки они показались мнѣ мало оживленными. Вообще я долженъ сознаться что Эривань показалась мнѣ ужасно сонною, и признаки жизни въ ней до того слабыми, что мнѣ мнилось будто я нахожусь въ городѣ, изнуренномъ продолжительною блокадою. И теперь признаюсь, всякой разъ, когда я вспомню объ Эривани, мнѣ дѣлается ужасно душно, я чувствую тягость лучей Эриванскаго солнца. По этимъ причинамъ читатель пойметъ что я очень обрадовался, когда почтовый конь вынесъ меня на заслуженномъ хребтѣ своемъ изъ Эривани. Признаюсь въ настоящемъ я тогда выигрывалъ не много потому что изъ душнаго города выѣхалъ въ знойную степь, но такова природа человѣка, что онъ наскучивъ настоящимъ, во всякой перемѣнѣ надѣется найти лучшее. Такъ и я утѣшалъ себя мыслію, что подвигаясь впередъ, достигну наконецъ пріятнаго мѣстопребыванія. Эти мысли поддерживали меня въ продолженіи скучной дороги отъ Эривани до Нахичевани, я говорю скучной дороги, потому что она дѣйствительно такова, — голая степь ни-

когда не забавна, а какъ ею придется ѣхать дни и дни, то признаюсь она приглянется хуже ...ужь не знаю даже какое придумать сравненіе. Что же касается до медленной ѣзды, то я уже свыкался съ философіей моего чапара, который такъ удачно исправилъ нашу пословицу *тише ѣдешь, скорѣй будешь,* и скорая ѣзда дѣйствительно казалась мнѣ самою медлительною на свѣтѣ. Есть какая-то роскошь качаться, ровно какъ маятникъ, на тощей клячѣ, передвигающейся шагомъ между пылающимъ небомъ и накаленною землею,—роскошь, которую должно также ощущать и жаркое на механическомъ вертелѣ, когда оно лѣниво оборачивается на своей желѣзной оси. Тутъ только почувствовалъ я что на Востокѣ лѣнь разлита въ воздухѣ вмѣстѣ съ кислородомъ, началомъ огня, и что я счелъ бы себя не въ шутку несчастливымъ, если бы меня принудили пройти шаговъ двѣсти такъ скоро и суетливо, какъ люди ходятъ въ просвѣщенной Европѣ.

ГЛАВА IV.

—

Нахичевань. Эксанъ-Ханъ.—Аббасъ-Абадъ.—Карантинъ. — Араксъ. — Гергеръ. — Марандъ. — Софіянъ — Пріѣздъ въ Тебризъ.

Нахичевань... Тутъ опять сомнѣніе: когда и кѣмъ былъ построенъ этотъ городъ? Нѣкоторые писатели видятъ въ немъ древнюю Наксуану *, о которой упоминаетъ Птоломей. Мальтебрюнъ въ своей Географіи принимаетъ нѣкоторымъ образомъ это предположеніе **. Оно кажется имѣетъ основаніе, но не смотря на это, конечно никто не поручится за его до-

* Ptolomée Geogr, livre V, chap. 13.

** Maltebrun, précis de la geographie T. VIII, livre 122, p. 89.

стовѣрность, и эта мысль, равно какъ и всѣ другія по этому предмету, останется все-таки *предположеніемъ*.

Вообще должно сказать что мы доселѣ не имѣемъ ничего удовлетворительнаго какъ на счетъ географіи, такъ еще болѣе и на счетъ исторіи Арменіи. Эта страна забыта совершенно, ученыя изысканія не касаются ее почти вовсе, какъ будто бы всѣ согласились оставить во мракѣ все что касается до этаго, чрезвычайно занимательнаго края. Тѣ, которые волею или неволею принуждены были говорить объ Арменіи, или отъигривались шутками, или отдѣлывались общими мѣстами, не объясняющими ничего и недающими никакого точнаго понятія какъ о прежнемъ, такъ и о нынѣшнемъ состояніи страны. Мальтебрюнъ, написавшій множество томовъ Географіи, посвятилъ для цѣлой Армянской области только 42 строки!!! Воля ваша, а это уже такъ мало, что почти превращается въ ничто. Онъ очень подробно разсказываетъ вамъ о томъ, что древнія обитатели Дзунгаріи отличались голубыми глазами и рыжими бородами *, упоминаетъ о годѣ, въ которомъ изобрѣтена розовая эссенція **, а даже и не заикнется о томъ, когда построены Эри-

* Maltebrun précis de la géographie universelle T. IX, L. 136, p. 200.

** Maltebrun précis de la géogr. univ. T. VIII, L. 128, p. 401.

вань, Эчміадзинъ, не скажетъ вамъ ни слова объ историческихъ воспоминаніяхъ Арменіи. Жаль, очень жаль находить такія важныя недостатки въ книгѣ извѣстной, чтожъ дѣлать, въ мірѣ нѣтъ совершенства. Причины по которымъ Арменія забыта писателями весьма просты. Источники изъ которыхъ можно бы почерпнуть нужное для описанія этаго края не собраны, не приведены въ порядокъ и вообще чрезвычайно разбросаны. Трудъ ожидающій будущаго историка Арменіи безмѣренъ и потребуетъ, кромѣ прилежанія и неутомимости, необыкновенную вѣрность взгляда, потому что это лабиринтъ, въ которомъ самому просвѣщенному человѣку не трудно заблудиться. Исторія Армянскаго царства Арзановыхъ конечно похвальный трудъ, за который не одинъ человѣкъ поблагодаритъ ихъ, но она чрезвычайно сокращенна и скорѣе можетъ почесться оглавленіемъ исторіи, нежели самою исторіею. Сверхъ того писанная Армянами она во многихъ мѣстахъ можетъ быть обвинена въ пристрастіи, простительномъ для сына отечества и достойномъ осужденія для историка. Довольно сказать въ подтвержденіе моихъ словъ, что до сихъ поръ осталось въ Страбонѣ, на счетъ Арменіи, множество необъясненныхъ мѣстъ. и которыхъ кажется ни кто не прини-

мался объяснять. Будемъ надѣяться, что этотъ недостатокъ со временемъ пополнится и что потомки наши, путешествуя по Арменіи, будутъ въ состояніи говорить объ ней съ большею точностію и подробностію, нежели мы, грѣшные путешественники девятнадцатаго столѣтія. Будемъ надѣяться что дѣти наши, путешествуя шагомъ по Арменіи, будутъ имѣть возможность съ точностію разсказывать своимъ чапарамъ исторію каждаго мѣста. Пріятная усладительная надежда. — Обратимся къ Нахичевани.

Пріѣхавъ въ городъ, я остановился у Эксанъ-Хана къ которому имѣлъ письмо отъ Начальника Армянской Области. Эксанъ-Ханъ пользуется чиномъ Полковника Русской службы и имѣетъ въ вѣденіи своемъ внутреннее управленіе Нахичеванскаго округа. Онъ былъ на соколиной охотѣ когда я къ нему пріѣхалъ. Люди его, распознавъ во мнѣ Русскаго, отвели мнѣ тотчасъ комнату во флигелѣ дома назначенномъ для пріема гостей. Комната была убрана хорошо. Въ ней замѣтны были нѣкоторыя отступленія отъ Азіатскаго вкуса. Черезъ нѣсколько времени явился хозяинъ. Ломаннымъ Русскимъ языкомъ изъявилъ онъ мнѣ удовольствіе видѣть меня у себя. Онъ объявилъ что

на вечеръ званъ къ Полицеймейстеру города, къ которому соберется все Нахичеванское общество и приглашалъ меня съ нимъ туда, увѣряя что г. Полицеймейстеръ будетъ очень радъ моему посѣщенію. Желая видѣть какъ проводитъ время Нахичеванское общество, я призналъ слова Эксанъ-Хана убѣдительными и согласился съ радостію на его предложеніе.

Когда смерклось, къ крыльцу подвели двухъ коней, одного для Хана, другаго для меня, многочисленная дворня стояла въ ожиданіи нашего отбытія. Когда мы сѣли на лошадей и двинулись въ путь, то часть Ханскихъ нукеровъ отправилась съ нами, нѣкоторые изъ нихъ шли впереди неся наши трубки, другіе съ боковъ, иные же сзади. Отъ дома Эксанъ-Хана ѣдешь между развалинами и полемъ довольно далеко, самымъ же городомъ не много, потому что онъ очень не великъ. На дворѣ дома Полицеймейстера играла нескладная Азіатская музыка, до которой Ханъ большой охотникъ. Когда, вошедъ въ комнаты, мы усѣлись по мѣстамъ и закурили трубки, явился какой-то плясунъ, который началъ забавлять публику разными кривляньями. Въ заключеніи пляски нѣкоторые изъ присутствовавшихъ Хановъ приказали ему стать по середи комнаты и нагнуть спину. Лишь

только онъ это сдѣлалъ, какъ на него посыпались удары хлыстами. Ужимки, которыя онъ дѣлалъ отъ боли, смѣшили до крайности господъ Хановъ. Когда эта потѣха кончилась, то каждый изъ зрителей далъ плясуну отъ щедротъ своихъ сколько нибудь денегъ. Признаюсь, эта звѣрская забава производитъ очень непріятное впечатлѣніе на человѣка не привыкшаго къ увеселеніямъ такого отвратительнаго рода, и я очень былъ радъ, когда, по окончаніи этой церемоніи, хозяинъ попросилъ насъ въ другую комнату заняться карточною игрою. Эксанъ-Ханъ любитъ играть въ карты, но знаетъ только одну игру, самую простую и довольно скучную, употребительную у Татаръ и Персіянъ, это *Аспасъ*. Не стану разсказывать въ чемъ состоитъ эта игра, скажу только, что меня посадили за дѣло и что я за урокъ заплатилъ довольно дешево. Послѣ карточной игры угостили насъ ужиномъ политымъ хорошимъ Кахетинскимъ виномъ и за тѣмъ распустили по домамъ.

Эксанъ-Ханъ, пользующійся милостями Государя Императора, старается приноровляться къ Европейскому просвѣщенію. У него въ домѣ введено употребленіе ножей и вилокъ, кушанье приготовляется также не совсѣмъ Азіатское.

Пробывъ въ Нахичевани весьма короткое время, я не успѣлъ вовсе осмотрѣть города, отъ чего, какъ говорятъ добрые люди, не понесъ большой потери, потому что Нахичевань не представляетъ ровно ничего занимательнаго. Городъ малъ, не красивъ, развалинъ множество, да вотъ и все. На южной сторонѣ города, какъ говорили мнѣ, показываютъ какую-то допотопную гробницу. Признаюсь я не возъимѣлъ желанія идти на это мѣсто, потому что даже тѣ, которые мнѣ объ этомъ разсказывали, казалось, крѣпко не довѣряли преданію о памятникѣ давно минувшихъ лѣтъ. Сверхъ того я полѣнился идти. За чѣмъ ходить когда можно лежать? За чѣмъ тревожить свои члены, когда и безъ того можно быть счастливымъ на свѣтѣ, сидя полу-развалившись на мягкой софѣ и дѣлая кейфъ, то есть, ничего не дѣлая? Жизнь такъ коротка! Стоитъ ли тратить ее на ходьбу? Каждое движеніе ноги скрадываетъ секунду времени у лѣни, которая и есть счастіе.

О! когда брошусь я на восхитительные ковры Тебриза? Когда утону въ неописуемой пышности мягкихъ пуховыхъ подушекъ? Когда зажмурю глаза для того, чтобы вѣтерокъ навѣвалъ на мои вѣки свѣжесть напитанную запахомъ розъ и пѣніемъ соловьевъ Ира-

на? Когда, сидя на коврѣ бездѣйствія, подожму подъ себя ноги наслажденія, и закуривъ каліанъ восточной нѣги, длинною струею стану пускать въ голубой воздухъ Персидскихъ ночей дымъ земнаго счастія?

Нахичеванскій округъ составлявшій до трактата 1828 года Ханство, теперь вошелъ въ составъ Армянской области. Непосредственный его начальникъ есть Эксанъ-Ханъ, о которомъ было говорено выше и при которомъ находится приставомъ Штабъ-офицеръ Русской службы. Здѣсь, какъ и въ Эривани благословляютъ Русское Правительство избавившее землю отъ тягостнаго владычества Персіянъ. Объ этомъ впрочемъ по настоящему и говорить бы не слѣдовало, потому что всякій благомыслящій человѣкъ пойметъ безъ особыхъ доказательствъ и убѣжденій что̀ выиграла Армянская область съ перемѣною Персидскаго правленія на Русское. Впрочемъ о Персидскомъ правленіи будетъ у меня говорено далѣе съ довольно большею подробностію, и всякой разсудитъ тогда еще лучше и не вѣрующіе (синонимъ незнающихъ) вѣроятно убѣдятся въ истиннѣ моихъ словъ.

Изъ Нахичевани отправился я опять скитаться по тѣмъ же степямъ къ переправѣ че-

резъ Араксъ. Недоѣзжая дотуда видѣлъ я въ сторонѣ крѣпость Аббасъ-Абадъ, построенную Аббасъ-Мирзою лѣтъ 25 тому назадъ. Она строена по плану одного Французскаго инженера, находившагося въ службѣ Аббаса-Мирзы.

Перваго Октября въ шесть часовъ вечера я стоялъ на берегу Аракса въ Джульфинскомъ карантинѣ. Прощай мать родная Россія! Богъ дастъ свидимся! А если нѣтъ, то я твой и въ бусурманской землѣ, коли не иначе такъ пошлю тебѣ съ вѣтромъ восточнымъ сердечный вздохъ сына вскормленнаго твоею грудью! Прощай! Прощай!

Скрѣпившись духомъ, перекрестившись, я ступилъ въ большую уродливую лодку гдѣ уже были разложены мои пожитки. Нѣсколько Татаръ, Русскихъ подданныхъ, взялись за весла и мы отчалили отъ Русскаго берега. Араксъ вообще не очень широкъ, но чрезвычайно быстръ и подверженъ весною и осенью, въ особенности же весною, сильнымъ разливамъ; вода въ немъ мутна по причинѣ глинистаго русла рѣки. Должно сознаться что Джульфинскій карантинъ, послѣдняя точка на Русской землѣ, для человѣка ѣдущаго въ Персію, играетъ довольно плачевную роль: нѣсколько строеній сложенныхъ изъ булыжника, назначен-

ныхъ для помѣщенія и окурки проѣзжающихъ съ ихъ вещами, и подобная же лачужка, жилище смотрителя, фельдшера, исправляющаго должность доктора, и нѣсколькихъ солдатъ, употребляемыхъ на службу въ карантинѣ, вотъ и все. Ближайшее селеніе, Джульфа, лежитъ въ семи верстахъ отъ карантина, а вокругъ него голая однообразная степь, усѣянная мелкимъ камнемъ, пескомъ и бурьяномъ. Картина самая прозаическая!

Толчекъ! лодка ударилась о берегъ! А, здравствуй Персія, къ тебѣ ѣдетъ въ гости Русскій человѣкъ, ты знаешь Русскихъ людей? —Да, да, ты знаешь ихъ. Персидскій берегъ Аракса не занимательнѣе нашего. По близости рѣки нѣтъ никакихъ строеній. Когда я ступилъ на границу Ирана, у меня никто не спросилъ моего паспорта, ни кому не было дѣла до того кто я таковъ, откуда, куда ѣду и за чѣмъ, это здѣсь не въ модѣ. Должно признаться что это первое безпорядочное впечатлѣніе, получаемое въ то время, когда сводишь знакомство съ Персіею, не очень-то говоритъ въ ее пользу. Безпорядокъ! можетъ-ли быть что нибудь хуже безпорядка?

Первая станція на которую я прибылъ, была деревня Гергеръ, отстоящая отъ Аракса

на 15 верстъ. Солнце уже сѣло когда я прибылъ туда, а потому я и расположился тутъ ночлегомъ въ домѣ кедхуды *. Пріемъ былъ самый ласковый, радушный. Лишь-только я вошелъ въ комнату, явились пилавы, яичницы, дыни, арбузы, виноградъ и кальяны. Хозяинъ суетился, бѣгалъ изъ угла въ уголъ и не смотря на увѣренія мои что я сытъ, приносилъ новые подносы съ кушаньемъ. Квартира моя была довольно чиста, полъ устланъ коврами, въ каминѣ трещалъ сухой бурьянъ.

Деревня не имѣетъ ничего достопримѣчательнаго.

На слѣдующее утро отправился я далѣе, и сдѣлавъ переходъ въ 5 агаджей **, (около 35 верстъ), остановился въ мѣстечкѣ Марандѣ (ученые видятъ въ немъ древній городъ Морунду) ***. Дорога ровная, но за то и незанимательная, изрѣдка вправо и влѣво небольшія деревушки, а за тѣмъ все степь ограниченная болѣе или менѣе отдаленными горами. Въ Марандъ прибылъ я довольно рано и не смотря на усталость пошелъ знакомиться съ кривыми, и неопрятными улицами этаго мѣстечка. Марандъ лежитъ на равнинѣ. Съ юго-восточной

* *Кедхуда*, деревенскій староста.

** Агаджъ равняется 6 или 7 верстамъ нашимъ.

*** Ptolomée geogr, livre VI chap. 2.

стороны его тянется не большая цѣпь горъ, которую я полагаю боковымъ отпрыскомъ Эльбурса. Мѣстечко довольно велико и изобилуетъ множествомъ садовъ. Стройные тополи, кудрявые карагачи, непостоянная виноградная лоза то обнимающая персиковое дерево, то какъ-бы не взначай обвивающаяся около абрикоса, то, какъ-бы устыдясь своей невѣрности, таящаяся между высокими земляными грядами, эта вольная природа, не закованная въ цѣпи садовникомъ, прельщала даже меня хотя я ѣхалъ вовсе не съ тѣмъ, чтобы восхищаться прелестями Персіи. На меня, признаюсь, всегда имѣетъ очень дурное дѣйствіе излишняя похвала воздаваемая кому или чему бы-то нибыло, и это можетъ быть было причиною по чему я смотрѣлъ на Персію дурнымъ глазомъ, съ предубѣжденіемъ. Надобно сказать правду, что многіе господа путешественники сдѣлали изъ нее что-то въ родѣ земнаго рая.

На слѣдующій день за два часа до восхожденія солнца я ѣхалъ уже, полусонный, по дорогѣ въ Тебризъ. Одиннадцать *агаджей*! Это не бездѣлица! Дай Богъ терпѣнія!

Дорога идетъ сначала версты три паралельно видѣннымъ мною изъ Маранди горамъ, потомъ поворачиваетъ къ нимъ перпендику-

лярно, и тянется около четырехъ часовъ ѣзды ущельемъ въ которомъ бѣжитъ небольшая рѣчка, вливающаяся въ гостепріимный Араксъ. Виды хороши. Небрежно разбросанныя по горамъ деревни, представляютъ глазу живописныя картины. При выѣздѣ изъ ущелья находится, на правой сторонѣ, большая деревня Софіянъ. Названіе ее было поводомъ къ разнымъ предположеніямъ о томъ что она была прежде; но признаюсь, довольно говорить о древности *городовъ*, оставимъ генеалогію *деревень* въ покоѣ, по правдѣ оно не много скучновато.

Софіянъ достопримѣчателенъ для меня потому, что я оттуда увидѣлъ Тебризъ. Онъ представился мнѣ въ видѣ темной полосы растянутой на большомъ пространствѣ. Мнѣ оставалось до него около 25 верстъ. Солнце пекло немилосердно, мнѣ было жарко. Верховыя лошади устали, вьюки, не смотря на дѣятельность чапара, погонявшаго усердно тощихъ клячь, отставали. Я сказалъ, что мнѣ было жарко, но какъ понять сѣверному жителю закутанному три четверти года въ шубу, что значитъ солнце Персіи! Возьмите самый жаркій Іюльскій день въ Петербургѣ и вы получите одинъ изъ самыхъ прохладнѣйшихъ дней Персидскаго Октября.

Медленно тянулась наша процессія. Тебризъ давно уже видѣнъ, а до него еще очень далеко! Показанія встрѣчающихся по дорогѣ мужиковъ очень различны, спросишь у одного, сколько до Тебриза?—Два небольшихъ агаджа. Встрѣтишь другаго, тотъ шлетъ вамъ въ отвѣтъ что до города *хорошихъ* три съ половиной агаджа. Чапаръ утверждалъ, что лучше его никто въ мірѣ незнаетъ разстоянія, и что отъ того-то кургана, который видѣнъ изъ-за того-то пригорка, останется до Тебриза ровнехонько полтора агаджа, то есть около одиннадцати верстъ. Это разногласіе на счетъ разстояній не есть впрочемъ отличительная черта Персіянъ, оно принадлежитъ почти всему міру по проселочнымъ дорогамъ, не имѣющимъ верстовыхъ столбовъ.

Всѣ эти разсужденія и утѣшенія недостаточны для меня, потому что мнѣ хочется пить—а воды ни капли. Тутъ вспомнилъ я моего стараго учителя чистописанія, который бывало ни къ селу, ни къ городу, ежеминутно толковалъ мнѣ о терпѣніи. Если бы у меня нашлось его въ ту минуту поболѣе, то было бы очень не дурно. Жажда которую нѣтъ возможности удовлетворить, это мучительная пытка. Судьба однако не совершенно меня покинула. Съ правой стороны около дороги увидѣлъ я

бѣгущаго опрометью по полю Персіянина, навьюченнаго двумя огромными арбузами. Поровнявшись со мною онъ низко поклонился и съ униженнымъ видомъ провозгласивъ *пешкешь* *, представилъ мнѣ свои арбузы. Можно себѣ вообразить что я съ жадностію схватилъ одинъ изъ нихъ, что бы освѣжить *душу*. Таковыя приношенія въ большой модѣ въ Персіи. Въ Русскомъ переводѣ слово пешкешь собственно значитъ: «вотъ вамъ мои арбузы или другое что́, дайте мнѣ за нихъ вашихъ денегъ». Проѣхавъ нѣсколько саженъ, я получилъ новый подарокъ: другой Персіянинъ, ободренный первымъ примѣромъ, сунулъ подъ ноги моей лошади огромнаго рогатаго барана. Этаго рода сцены повторялись часто, сначала это меня развлекало, я смѣялся отъ души, а потомъ надоѣло до крайности такъ, что я началъ сердиться.

Такимъ образомъ добрался я до рѣчки, протекающей верстахъ въ трехъ отъ Тебриза. Черезъ нее перекинутъ большой каменный мостъ, но не смотря на это, всѣ предпочитаютъ миновать его и переправляются въ бродъ, потому что онъ заваленъ огромными камнями, и что можно рисковать сломать подъ-часъ шею себѣ, или лошади, или обѣимъ вмѣстѣ. Въ этой рѣч-

* Подарокъ, приношеніе.

кѣ утолилъ я свою жажду самою отвратительною водою. Спасибо и за ту!

Пріѣхавъ въ предмѣстіе Тебриза я былъ пораженъ ужаснымъ смрадомъ, охватившимъ меня: — я ѣхалъ мимо бойни.

По кривымъ и узкимъ закаулкамъ столицы Аббаса-Мирзы, главнаго города Адербаеджана древней *Атропатены*, я пріѣхалъ въ Армянскій кварталъ въ домъ Русской Миссіи. Я обнялся съ людьми, которыхъ сроду не видывалъ, какъ будто съ родными кровными, я понялъ вполнѣ смыслъ слова «отечество», — я понялъ магическую силу его, которая тянетъ другъ къ другу единоземцевъ, встрѣчающихся на чужой сторонѣ. Пожатіе руки одного изъ членовъ того великаго семейства, къ которому и я принадлежу, такъ согрѣло мнѣ душу, что я забылъ Персію, я думалъ быть подъ небомъ нашей родной Россіи.

ГЛАВА V.

—

Тебризъ. Мугаммедъ-Мирза. — Хозровъ-Мирза. — Джангиръ-Мирза. — Представленіе мое Наслѣднику Престола. — Пріемная зала. — Бюстъ Мирзы-Салега. — Аббасъ-Мирза. — Аркъ. — Мугаммедъ — Али-Ханъ — Анекдотъ о калейдоскопѣ. — Базары.

Приступая къ описанію Тебриза я долженъ предварить читателя на счетъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, которыя будутъ относиться до всѣхъ городовъ Персіи. Я не намѣренъ говорить никогда о числѣ жителей, потому что ни одинъ Географъ, означавшій это въ своемъ сочиненіи не можетъ поручиться за точность своихъ словъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ опредѣлить то, чего не льзя измѣрить? Какими спо-

собами, какими средствами будете вы пользоваться? Ни одинъ родъ счисленія народа не извѣстенъ въ Персіи. Человѣкъ родится, умретъ, пріѣдетъ, уѣдетъ—и это знаютъ только одинъ Мулла да близкіе родственники, остальнымъ до этаго нѣтъ никакого дѣла. Полагаться же на слова Персіянъ, значитъ провалиться въ бездну лживыхъ преувеличеній, которыя могутъ привести васъ къ довольно страннымъ результатамъ: они населятъ Персію сотнями милліоновъ. Догадки основанныя на расчетѣ вѣроятностей, (calcul des probabilités) вотъ все, что достается въ удѣлъ Географу, но вѣдь это все-таки догадка, а не фактъ. Благодаря Бога я не совсѣмъ обязанъ скучать за этими приблизительными расчетами и потому умалчиваю, и буду умалчивать объ нихъ страха ради того, чтобы не выставить ложнаго своего или чужаго мнѣнія. Градусы долготы и широты, которыми путешественники любятъ украшать начала описаній городовъ, также не по моей части. А по чему?—Потому что это также старо и извѣстно, какъ сказка про *бѣлаго быка.*

Вотъ мое предувѣдомленіе; хотъ ему по настоящему и не мѣсто въ серединѣ книги, но я имѣю на такое размѣщеніе свою важную причину, а именно ту, что предувѣдомленія, слѣ-

дующія за заглавіемъ, очень часто бываютъ *проходимы мимо вниманіемъ* *; когда же они въ серединѣ, то отъ нихъ убѣжать не такъ легко и опытному по этой части читателю. Сіе же для меня имѣетъ великую важность.

Тебризъ раскинутъ на большой равнинѣ и состоитъ изъ двухъ частей, изъ самаго города и изъ предмѣстій. Самый городъ далеко не такъ великъ какъ предмѣстія. Онъ окруженъ каменною стѣною съ зубчатыми верхами и съ кругловатыми башнями, вокругъ стѣны вырытъ глубокій и довольно широкій сухой ровъ. Тебризъ издали не представляетъ ничего особенно примѣчательнаго, высокихъ зданій мало, минаретовъ вовсе нѣтъ (говорятъ что причиною этому частыя землетрясенія, объ нихъ далѣе, будетъ говорено подробнѣе), отъ чего и кажется все чрезвычайно единообразнымъ; плоскія крыши, домы сѣроватаго цвѣту. Къ числу достопримѣчательныхъ строеній въ городѣ принадлежатъ дворецъ Наслѣдника Престола, такъ называемый Аркъ, каравансарай и базаръ Аббаса-Мирзы, и нѣкоторые домы частныхъ людей, этихъ послѣднихъ не много. Кстати о дворцѣ я разскажу первое представленіе мое Мугаммеду-Мирзѣ, а для этаго начну съ него са-

* Изрѣченіе одного изъ современныхъ Русскихъ писателей.

маго. Мугаммедъ-Мирза, старшій сынъ покойнаго Аббаса-Мирзы, слѣдственно внукъ Фетхъ-Али-Шаха, рожденъ отъ матери благородной крови Каджаровъ. По смерти отца своего онъ назначенъ дѣдомъ Наслѣдникомъ Престола и признанъ таковымъ Русскимъ и Англійскимъ Дворами. Онъ молодъ (теперь ему около 30 лѣтъ) росту не большаго, довольно толстъ и имѣетъ пріятную наружность. Изъ числа братьевъ его извѣстенъ Русскимъ Хозровъ-Мирза, бывшій въ Петербургѣ, онъ моложе Мугаммеда и рожденъ отъ другой матери. Хозровъ-Мирза, обласканный милостями нашего Двора, по возвращеніи въ Персію, велъ жизнь самую безпорядочную, онъ проигрывалъ въ карты все свое имѣніе, къ надменному своему характеру присоединилъ своевольство и неуваженіе къ волѣ своего дѣда и повелителя такъ, что Фетхъ-Али-Шахъ принужденъ былъ отправить его въ Ардебиль вмѣстѣ съ братомъ его Джангиръ-Мирзою, гдѣ они и содержались подъ присмотромъ. Не смотря на эту мѣру, они не переставали поступать предосудительно, ведя тайныя сношенія съ начальниками кочующихъ около Ардебиля племянъ, такъ что Шахъ грозился наказать ихъ примѣрно, и ни просьбы матери ихъ, ни ходатайства нѣкоторыхъ друзей ихъ, не

могли освободить ихъ изъ заточенія, котораго они впрочемъ въ полной мѣрѣ заслуживали.

Но довольно на время объ роднѣ Мугаммеда-Мирзы, возвратимся къ нему самому и къ моему свиданію съ нимъ.

Дней черезъ шесть по моемъ прибытіи, Русскій Полномочный Министръ графъ Симоничь, объявилъ мнѣ, что надобно меня представить Наибу Средоточія Вселенной, Убѣжища міра, Тѣни Аллаха на землѣ. Я былъ очень радъ предложенію. Наслѣдникъ назначилъ аудіенцію на другой день въ 2 часа послѣ полудня. Въ часъ я уже былъ готовъ, т. е. одѣтъ какъ слѣдовало для представленія Его Высочеству.

По обычаю, установленному въ отношеніи къ нашему посольству, въ назначенное время явился на квартиру графа Симонича *Ишикъ-Агасы* (Церемоніймейстеръ) Мугаммедъ-Мирзы, который и объявилъ что Его Высочество ожидаетъ насъ во дворцѣ своемъ. Шествіе двинулось въ должномъ порядкѣ. Впереди шло множество ферашей (постельничьихъ) съ длинными палками для очищенія дороги, потомъ ѣхалъ Церемоніймейстеръ и наконецъ Полномочный Министръ со свитою. Признаюсь, увидѣвъ это въ первый разъ въ жизни, я былъ пораженъ, удивленъ и разсмѣшонъ этимъ. Съ одной стороны мнѣ ка-

залось это величественнымъ, съ другой смѣшнымъ, я вспомнилъ извѣстное Французское изрѣченіе «du sublime au ridicule, il n'y a qu'un pas» (отъ высокаго къ смѣшному одинъ шагъ). Дикій крикъ ферраціей сопровожденный размахами ихъ безконечныхъ палокъ, ихъ пестрыя одежды, вся эта толпа, весь этотъ шумъ, странно дѣйствовали на меня свѣжаго Европейца не пріучившаго глазъ свой къ Азіятскому вкусу. Проѣхавъ довольно далеко по перекрившимся улицамъ и тѣснымъ базарамъ, мы прибыли ко дворцу; проѣхали въ первыя ворота и очутились среди большаго двора. У одной изъ стѣнъ стоялъ караулъ изъ сарбазовъ, который увидѣвъ Русскаго Посланника сталъ въ ружье и по командѣ офицера сдѣлалъ на Англійской манеръ накараулъ, что было довольно некрасиво, но замѣтна была однакоже тѣнь порядка. Доѣхавъ до вторыхъ воротъ, мы сошли съ лошадей и отправились пѣшкомъ черезъ второй, также довольно большой дворъ, изъ котораго вошли въ садъ. Дошедъ до середины сада, Церемоніймейстеръ, предшествовавшій намъ, остановился и отвѣсилъ поясный поклонъ, я посмотрѣлъ кому онъ кланяется и увидѣлъ въ залѣ, выходящей окнами въ садъ, кого-то сидящаго на креслѣ. Это былъ Мугаммедъ-Мирза. Мы, Европейцы

остановились также, и въ видѣ поклона приложили руки къ фуражкамъ. Мугаммедъ сдѣлалъ знакъ головой и мы пошли далѣе.

У входа въ залъ церемоніймейстеръ снялъ свои туфли, а мы галоши. На порогѣ мы остановились, повторили поклоны и были привѣтствованы Мугаммедъ-Мирзою, который сказалъ намъ вѣжливо *хошъ амедитъ* (добро пожаловать). Церемоніймейстеръ удалился въ уголъ залы, гдѣ и сталъ въ почтительной позиціи опершись на свою палку, а мы заняли мѣста на приготовленныхъ для насъ креслахъ. Разговоръ шелъ черезъ переводчика. Началось распросами о здоровьѣ, потомъ министръ представилъ меня Мугаммедъ-Мирзѣ. Я былъ предупрежденъ, что на всѣ вопросы должно отвѣчать не запинаясь, скоро и не имѣть угрызеній совѣсти, если придется прибѣгнуть къ импровизаціи, только бы пустить какъ можно болѣе пыли въ глаза. Эти совѣты старался я употребить съ пользою, какъ можно будетъ замѣтить изъ слѣдующихъ здѣсь разговоровъ. Я былъ такъ рекомендованъ Его Высочеству, что онъ не могъ имѣть никакого сомнѣнія на счетъ того, что я принадлежу къ числу самыхъ знатныхъ особъ въ Россіи; точно тоже думаютъ тамъ и о всѣхъ чиновникахъ Миссіи. Это необходимо потому что внушаетъ

въ Персидскомъ правительствѣ должное почтеніе къ Русскимъ, безъ котораго, съ ними не льзя вести ни малѣйшаго дѣла.

Въ слѣдствіе этаго Мугаммедъ-Мирза спрашивалъ меня, когда я видѣлъ въ послѣдній разъ Государя. Я отвѣчалъ, что въ день моего отъѣзда. Въ этомъ случаѣ я точно не солгалъ, потому что имѣлъ счастіе встрѣтить Его Величество на улицѣ въ то самое время, когда я въ дорожномъ экипажѣ выѣзжалъ изъ Петербурга. Потомъ Мугаммедъ спросилъ о Цесаревичѣ, тутъ я долженъ былъ прибѣгнуть ко лжи, сказавъ, что имѣлъ счастіе видѣть Его Высочество за два дня до моего отъѣзда.

Узнавъ отъ Полномочнаго Министра, что я прежде служилъ въ военной службѣ, Мугаммедъ спросилъ меня, въ какомъ полку я служилъ и чѣмъ командовалъ? Я отвѣчалъ, что въ Преображенскомъ, первомъ пѣхотномъ полку Гвардіи Его Величества и что командовалъ... тутъ я задумался. Сказать, что я былъ Подпоручикомъ и командовалъ, по силѣ этаго, отдѣленіемъ, мнѣ казалось слишкомъ малымъ,—назвать себя бывшимъ баталіоннымъ командиромъ было бы слишкомъ дерзко, тѣмъ болѣе, что въ Персіи командиръ регулярнаго баталіона сарбазовъ очень важное лице. Колеблясь между совершенной

истинной и чрезмѣрной поэзіей, я рѣшился однакоже сказать правду.

Мугаммедъ-Мирза казалось былъ этимъ доволенъ и спросилъ во сколько дней я пріѣхалъ изъ Петербурга.—Въ 12 былъ мой отвѣтъ.

— *Машаллахъ, Барикелла!* Браво, браво! Вы скоро, очень скоро ѣздите.

Я замѣтилъ Его Высочеству, что причиною этой скорой ѣзды, хорошо устроенныя почты и расторопность нашихъ ямщиковъ и лошадей.

Я объяснилъ это тѣмъ, что у нихъ не въ употребленіи экипажи, и что верхомъ не льзя поспѣвать такъ скоро.

Въ этомъ вкусѣ разговоръ продолжался съ полчаса. Потомъ мы встали, поклонились и пошли; при выходѣ остановились у порога для поклона, и тоже самое сдѣлали какъ и при приходѣ нашемъ посереди сада. За тѣмъ сѣли на лошадей и отправились домой.

Теперь, когда я уже выѣхалъ изъ дворца, я вамъ скажу кое-что о залѣ въ которой принималъ насъ Наслѣдникъ Персидскаго престола.

Она довольно обширна, и какъ видно было выше, выходитъ окнами въ садъ; окна же эти начинаются отъ полу и идутъ почти до самаго потолка безъ всякихъ промежутковъ вдоль

всей стѣны такъ, что это похоже на оранжерею или, если хотите Русское слово, на теплицу. Маленькія разноцвѣтныя стекла и рѣзная работа рамъ, напоминаютъ готическія зданія. Стѣны залы разрисованы разными цвѣтами и птицами, краски самыя яркія и позолоты много. Тутъ стоитъ тронъ Наслѣдника Престола. Онъ похожъ на обыкновенное кресло съ высокою спинкою и сдѣланъ изъ краснаго дерева съ позолоченными деревянными же украшеніями. На стѣнахъ висятъ двѣ большія картины. Одна представляетъ лагерь Аббаса-Мирзы и самаго Принца верхомъ посереди войскъ, все это намалевано безъ малѣйшаго уваженія къ живописи вообще и къ перспективѣ въ особенности. Другая картина такая мудреная, что я никакъ не могъ добиться ея смысла: вдали видъ какого-то Европейскаго сраженія и на первомъ планѣ три фигуры во весь ростъ, Генералъ, вѣроятно съ адъютантомъ своимъ, поднимаетъ раненаго упавшаго съ лошади офицера. Персіяне увѣряютъ, что картина эта должна представлять Наполеона, но я не могу понять откуда взялась эта мысль, не говоря уже о лицахъ, самые даже костюмы не даютъ ни малѣйшаго повода къ такому предположенію. Это впрочемъ не важная вещь, а вотъ напримѣръ не угодно-ли взглянуть на этотъ

бюстъ, высѣченный изъ чистаго бѣлаго мрамора, работа превосходная. Онъ представляетъ Персіянина въ мохнатой шапкѣ съ бородой, кто бы это могъ быть? Вѣрно Фетхъ-Али-Шахъ думалъ я. Но какимъ образомъ, гдѣ и кто его могъ сдѣлать?—Не понимаю, это вѣрно не Персидская работа. Загадка разгадалась не такъ какъ я думалъ. Исторія этаго бюста довольно любопытна, вотъ она. Нѣкто по имени *Мирза-Салегъ, Мустофи* Фетхъ-Али-Шаха, (должность которая по нашему переводится, не извѣстно по какой причинѣ, званіемъ Статсъ-Секретаря), человѣкъ образованный и большой щеголь, принадлежавшій къ свитѣ Хозровъ-Мирзы, при посѣщеніи имъ Петербурга, ѣздилъ въ Англію и тамъ велѣлъ сдѣлать бюстъ свой за довольно большую сумму. Когда Мирза-Салегъ пріѣхалъ въ Персію, то покойный Аббасъ-Мирза узналъ что онъ привезъ изъ Англіи свой портретъ сдѣланный изъ мрамора. Его Высочество пожелалъ видѣть эту дивную вещь. Однаго взгляда довольно было,—онъ рѣшилъ участь бюста. На бѣду Мирзы-Салега онъ имѣлъ несчастіе понравиться Аббасу-Мирзѣ, и Принцъ, основываясь на законѣ воспрещающемъ всѣмъ частнымъ людямъ дѣлать свои портреты, потому что это право исключительно принадлежитъ только чле-

намъ Царской фамиліи, приказалъ отнять у г. Статсъ-Секретаря бюстъ и поставить его въ пріемной залѣ своего дворца. Должно сознаться, что идея богатая! Такъ какъ я уже заговорилъ объ Аббасѣ-Мирзѣ, то и распространюсь не много на его счетъ. Объ немъ надобно говорить въ Адербаеджанѣ, гдѣ всѣ его знаютъ, гдѣ онъ много оставилъ по себѣ памятниковъ, гдѣ всѣ слѣды его нравственной и политической жизни такъ свѣжи.

Аббасъ-Мирза былъ третій сынъ Фетхъ-Али-Шаха, но не смотря на то, что старшіе братья имѣли болѣе права нежели онъ, на наслѣдованіе Престола, покойный Шахъ уважая въ немъ тѣ качества, которыя въ послѣдствіи сдѣлали ему имя даже въ Европѣ, назначилъ его своимъ преемникомъ. Тутъ кстати можно замѣтить, что право наслѣдованія Престола въ Персіи не основано ни на какихъ законахъ и что Повелитель Ирана дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ руководствуясь единственно своею волею. Не менѣе того старшіе братья и дяди всегда считаютъ себя обиженными, если выборъ падетъ не на нихъ. Излишнимъ полагаю распространяться здѣсь на счетъ тѣхъ кровопролитій, которыя сопровождали возшествіе на престолъ Аги-Мугамедъ-Хана, Фетхъ-Али-Шаха и другихъ

Государей Персіи,—на это есть исторія и кому угодно узнать объ этомъ во всей подробности и достовѣрности, тому можно посовѣтовать прочесть твореніе Малькольма, книгу хорошую, стоющую вниманія во многихъ отношеніяхъ.— Возвращаюсь къ Аббасу-Мирзѣ. Онъ былъ человѣкъ предпріимчивый и умный. Желаніе быть полезнымъ своему отечеству было въ немъ велико и проявлялось многими благородными усиліями на пользу общую. Заведеніе сарбазовъ, улучшеніе устройства войскъ вообще, принятіе въ Персидскую службу свѣдущихъ иностранцевъ, основаніе въ Тебризѣ арсенала, построеніе обширнаго базара,—все это доказываетъ въ Аббасѣ-Мирзѣ стремленіе къ добру, къ порядку и слѣдственно къ благоденствію того края, который былъ ввѣренъ его управленію. При такихъ хорошихъ расположеніяхъ должно бы было ожидать отъ Аббаса-Мирзы важныхъ, великихъ дѣлъ, которыя бы принадлежали къ числу главнѣйшихъ событій исторіи Персіи.— Этаго должно было дѣйствительно ожидать, но выдавать надежды за сущность, за настоящее, этаго отнюдь не слѣдовало, а это сдѣлано и вотъ отчего многіе имѣютъ на счетъ Аббаса-Мирзы слишкомъ высокое и ложное мнѣніе. Въ пристрастіи обвинять меня не льзя, потому

что я не имѣю никакой причины говорить то или другое, кромѣ одного побужденія писать истинну. Отдавъ полную справедливость хорошимъ качествамъ покойнаго Аббаса-Мирзы, я выставлю въ нѣсколькихъ словахъ его дурныя свойства и потомъ предоставлю каждому, разсудить по усмотрѣнію, чего стоитъ Аббасъ-Мирза и справедлива-ли, заслужена-ли имъ та слава, которою онъ пользуется.

Онъ былъ вспыльчивъ. Въ минуту гнѣва готовъ былъ рѣшиться на все, но это лихорадочное положеніе скоро миновалось. Хотя вспыльчивость вообще негодится, но ее можно простить тому, у кого вмѣстѣ съ первымъ порывомъ улетаетъ и самое семя злобы. Этимъ отличался Аббасъ-Мирза и я бы не упомянулъ даже объ этомъ свойствѣ его характера, еслибы оно не сопровождало его въ дѣлахъ важныхъ, еслибъ минуты, въ которыя онъ рѣшался на отважныя предпріятія, не были бы также мимолетны, еслибъ онъ не былъ также безхарактеренъ въ благихъ начинаніяхъ какъ и въ гнѣвѣ своемъ. Все у него было вспышка, все начиналось хорошо, но недоставало жару чтобы поддержать начатое, недоставало силъ вынести долгое испытаніе; то самое мужество которое его оживляло въ началѣ, совершенно исчезало

въ послѣдствіи, однимъ словомъ, у него не было того что мы называемъ *выдержкою*, или если хотите *терпѣніемъ*, необходимаго свойства всякаго человѣка, трудящагося для какой-нибудь цѣли, на какой-нибудь конецъ. Доказательствомъ его безхарактерности можетъ служить обращеніе его съ первымъ Министромъ. Онъ не могъ его терпѣть, знавъ въ немъ вреднаго человѣка, и при малѣйшемъ неудовольствіи, просто, безъ чиновъ билъ его, и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣлъ довольно твердости не только удалить его, но даже позволялъ ему управлять собою самовластно. О томъ, каковъ былъ этотъ первый Министръ носившій званіе Каймакама, читатель увидитъ въ послѣдствіи въ своемъ мѣстѣ. Съ этою слабостію характера Аббасъ-Мирза соединялъ еще наклонность ко всевозможнымъ чувственнымъ наслажденіямъ, извѣстнымъ на Востокѣ, которыя разстроивая здоровье, отнимали у него большую часть времени и заглушали въ немъ часто голосъ разсудка до того, что онъ жертвовалъ въ пользу ихъ наиважнѣйшими дѣлами. — Желая образовать свою страну, онъ вовсе не старался образовать самаго себя.

Вотъ краткій очеркъ характера Аббасъ-Мирзы. Соединивъ его хорошія и дурныя ка-

чества, всякій благомыслящій человѣкъ можетъ оцѣнить его и назначить ему то мѣсто, которое онъ заслуживаетъ. Я увѣренъ что всѣ бывшіе въ Персіи, или тщательно занимавшіеся сю, согласятся со мною, что Аббасъ-Мирза могъ бы принести важную пользу своему отечеству, если бы слабости его не были такъ велики, и что онъ сдѣлалъ для Персіи очень мало такого, что бы могло дать ему право на то блестящее имя, которое даютъ ему люди разсматривавшіе дѣла его поверхностно или не занимавшіеся ими вовсе.

Возвратимся къ зданіямъ. Аркъ, древнее полуразрушенное строеніе съ высокою башнею, въ которомъ нынѣ находится арсеналъ, основанный Аббасомъ-Мирзою. Онъ состоитъ подъ начальствомъ Мугаммедъ-Али-Хана, человѣка умнаго, свѣдущаго въ механикѣ. Онъ былъ въ Англіи и тамъ образовалъ себя. Способности его удивительны: ему стоитъ взглянуть на самую сложную машину, чтобы сдѣлать ей подобную. Такой человѣкъ могъ бы быть чрезвычайно полезенъ, если бы двѣ причины не мѣшали ему подвигаться впередъ. Чрезмѣрная страсть къ крѣпкимъ напиткамъ и недостатокъ поощренія со стороны правительства. Первое отнимаетъ у него половину времени, а второе

убиваетъ въ немъ всякое стремленіе къ добру и пользѣ. На счетъ этаго разсказываютъ анекдотъ который можетъ быть и вымышленъ, но не менѣе того характеризуетъ нравы края. Вотъ онъ:

Въ царствованіе Фетхъ-Али-Шаха жилъ былъ въ Тегеранѣ нѣкто, не знаю какъ по имени, положимъ Гусейнъ-Бекъ. Этотъ Гусейнъ былъ великій мастеръ на всякія штуки. Онъ поправлялъ часы, чинилъ замки и т. д. Шахъ получилъ въ подарокъ отъ какого-то *кафира* прехитрый калейдоскопъ, въ которомъ, по мѣрѣ поворачиванія, являлись портреты разныхъ извѣстныхъ лицъ. Шахъ восхищался затѣйливой игрушкой и до того употреблялъ ее, что механизмъ разстроился. Средоточіе вселенной изволилъ сильно разгнѣваться и не зналъ какъ пособить дѣлу. Въ Тегеранѣ только и рѣчей было что объ испорченномъ калейдоскопѣ, никто не могъ придумать средства исправить его; умы надсѣдались по пустому. Вѣсть о злощастномъ приключеніи доходитъ до ушей Гусейнъ-Бека. Онъ является къ Шахскому *Хазнодару* (хранителю сокровищъ) и объявляетъ ему, что услышавъ о несчастномъ приключеніи, постигшемъ Фетхъ-Али-Шаха, онъ явился предложить свои услуги и исправить испорченную игрушку. Ха-

знодаръ доложилъ Шаху. Калейдоскопъ выданъ Гусейнъ-Беку. Тегеранскій искусникъ разглядѣвъ въ чемъ дѣло, вздумалъ не только исправить, но даже пополнить Шахскую забаву. Къ находившимся въ калейдоскопѣ портретамъ, прибавилъ онъ изображеніе Фехтъ-Али-Шаха и отнесъ къ *Хазнодару*. Шахъ долго любовался выдумкою своего подданнаго, и въ вознагражденіе трудовъ его, сказалъ: «*Барикелла, барикелла!*» (браво, браво.) Гуссейнъ Бекъ считалъ себя крайне обиженнымъ тѣмъ болѣе, что иностранецъ, вручившій Шаху калейдоскопъ, былъ осыпанъ его щедротами. Механикъ отправился снова къ Хазнодару и просилъ одолжить ему еще на время калейдоскопъ, подъ предлогомъ нѣкоторыхъ исправленій, которыя онъ хотѣлъ въ немъ сдѣлать. Хазнодаръ на этотъ разъ не затруднился выдачею.

Проходятъ три, четыре дня, недѣля, Гусейнъ-Бекъ не является. Посылаютъ къ нему на квартиру, находятъ двери запертыми, спрашиваютъ сосѣдей, они говорятъ что не видали его уже давно. Наконецъ выламываютъ дверь, входятъ въ комнату, она пуста, только на полу лежитъ, что-то завернутое въ бумагу и письмо. Развертываютъ пакетъ и находятъ въ немъ калейдоскопъ разбитый въ мелкіе куски. Письмо

было писано рукою Гусейнъ-Бека. Онъ объявлялъ въ немъ, что видя труды свои ничѣмъ не вознагражденными, онъ очень радъ возможности, представившейся ему отплатить за нанесенную ему обиду, и что, если угодно имѣть объ немъ извѣстіе, то можно адресоваться къ Имаму Маскатскому, къ которому онъ отправляется.

Этотъ анекдотъ не важный по своему изобрѣтенію, (если онъ выдуманъ) даетъ ясное понятіе о томъ, какъ мало дорожитъ правительство трудами людей искусныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ сильно укоренилось недовѣріе къ нему въ народѣ, который разсказываетъ такія вещи, какъ образщикъ поступковъ Шаха въ подобныхъ случаяхъ. Послѣ этаго, нечего удивляться тому что въ Персіи проявляется мало изобрѣтательныхъ умовъ, что туда не вводятъ ничего новаго. Всякое предпріятіе требуетъ поддержки, всякому человѣку дана большая или меньшая доля самолюбія, подстрекайте его и соревнованіе принесетъ должные плоды, не обращайте на него вниманія и всякое доброе намѣреніе умретъ не явившись на свѣтъ, и бездѣйствіе будетъ наградою безпечности, неблагодарности. На свѣтѣ мало такихъ людей, или лучше сказать, нѣтъ такихъ людей, которые бы рѣшились трудиться безъ всякаго возмездія, —

иному деньги, иному почести, иному извѣстность — всякому нужна награда, это аксіома нетребующая доказательствъ, дознанная вѣками, подтверждающаяся ежедневно.

Виноватъ, отступленія преслѣдуютъ меня безъ мѣры. Но какъ остановиться, мысли гонятъ одна другую, думаешь дать себѣ воли на двѣ строки, а глядь ужь написалъ и цѣлую страницу.

Арсеналъ находящійся въ такъ называемомъ Аркѣ, содержится довольно порядочно, тамъ дѣлаютъ лафеты для орудій, чинятъ все нужное для артиллеріи, приготовляютъ фейерверки и исполняютъ всѣ работы подъ надзоромъ Мугаммедъ-Али-Хана очень хорошо. Пушки подаренныя Русскимъ Царемъ Падишаху Ирана также находятся тутъ.

Базары въ Тебризѣ довольно многочисленны и снабжены хорошими товарами, въ числѣ ихъ особенно отличается, величиною и хорошею постройкою, базаръ Аббаса-Мирзы. Во время послѣдней Персидской войны, когда Русскіе были въ Тебризѣ, то наши солдаты, которые умѣютъ вездѣ найтись и все передѣлать на свой ладъ, ввели тамъ въ моду продавать на съѣстныхъ базарахъ готовый вареный чай, на подобіе того, какъ у насъ продаютъ сбитень; за ничтож-

ную плату имъ давали чашку чаю и кусокъ сахару. Вообще должно замѣтить, что въ Тебризѣ вспоминаютъ съ восторгомъ о пребываніи нашихъ войскъ. Строгая дисциплина, воспрещающая нанесеніе какого бы то ни было рода обидъ туземцамъ, восхищала Персіянъ, они едва вѣрили глазамъ своимъ, чтобы непріятель могъ такъ вѣжливо обходиться съ ними тогда, какъ войска Его Величества Падишаха Персіи грабятъ вездѣ какъ разбойники. Жители цѣлыхъ деревень убѣгаютъ съ пожитками изъ домовъ своихъ, видя приближеніе Шахскаго воинства. Русскіе же за все имъ платили и они видѣли въ этомъ нашествіи непріятеля благословеніе Божіе. Скорый сбытъ товаровъ, быстрое движеніе капиталовъ, живость въ городѣ, все это очень памятно и теперь еще въ Тебризѣ, гдѣ Русскихъ любятъ и уважаютъ.

ГЛАВА VI.

—

Знакомства. — Англійскій Посланникъ. — Мирза-Салегъ.

Такъ какъ я имѣю намѣреніе подчинять разсказъ мой по мѣрѣ возможности хронологическому порядку, т. е. отмѣчать впечатлѣнія по мѣрѣ того, какъ я самъ получалъ ихъ извнѣ, то и прошу читателя не удивляться тому, что онъ часто можетъ-быть замѣтитъ у меня недостатокъ связи, предметы могутъ показаться разбросанными, меня упрекнуть въ недостаткѣ системы. Къ этому упреку я готовъ, но я бы не желалъ, чтобы кто нибудь могъ подумать что я это сдѣлалъ невзначай, что идеи и происшествія безъ моего вѣдома ложились

на бумагу въ безпорядкѣ. Размѣщеніе принятое мною не можетъ назваться совершеннымъ безпорядкомъ: сегодня я видѣлъ Аркъ, я говорю объ немъ, завтра базары и объ нихъ идетъ рѣчь. По этому-то прошу читателя извинить меня, если я, изъ шумнаго базара, попрошу его сдѣлать со мною нѣсколько визитовъ въ ожиданіи важнѣйшихъ событій. Русскіе знакомцы повели меня къ Англійскому Посланнику. Домъ Серъ-Джона Кембля очень хорошъ, устроенъ и меблированъ со вкусомъ, хозяинъ человѣкъ пріятный, радушный, принялъ насъ очень ласково. Кальяны играли важную роль, ихъ подавали намъ по обыкновенію три, а въ промежуткахъ разносили вино и какіе-то сухари бѣлые какъ снѣгъ, жесткіе какъ камень и не имѣющіе совершенно никакого вкуса. Я съ почтеніемъ смотрѣлъ на эти сухари, потому что они, по словамъ присутствовавшихъ, изготовляются въ Англіи и совершаютъ многолѣтнія путешествія не подвергаясь ни малѣйшей порчѣ, но признаюсь никакъ немогъ добраться въ нихъ того тонкаго вкуса которымъ восхищаются Англичане. Этимъ пресловутымъ сухарямъ есть особенное названіе по Англійски такое же жесткое, какъ они сами, которое я однако забылъ, бѣда не велика.

Серъ-Джонъ-Кембль находился долго въ Индіи, въ службѣ компаніи, и разсказывалъ намъ много любопытнаго на счетъ этаго неисчерпаемаго источника богатства Англіи. Между прочимъ онъ весьма занялъ насъ описаніями житья-бытья слоновъ въ Индіи, какъ ихъ высылаютъ въ лѣсъ ломать деревья и какъ эти неповоротливые колоссы искусно распоряжаются въ такихъ случаяхъ. Слонъ подойдетъ къ дереву и начинаетъ напирать на него плечомъ если дерево уступаетъ его усиліямъ, то онъ отправляется къ другому; если же нѣтъ, то слонъ испускаетъ какой-то особенной условный крикъ, по которому является къ нему на помощь товарищъ, если двое не могутъ управиться они требуютъ къ себѣ третьяго и работаютъ до тѣхъ поръ, пока не достигнутъ цѣли, пока не повалятъ съ ногъ какой нибудь вѣковый дубъ, тополь или другое дерево. Вообще, должно удивляться сильному инстинкту слоновъ, вселяющихъ къ себѣ съ перваго взгляду чрезмѣрное почтеніе, внушаемое ихъ ростомъ и всѣмъ наружнымъ видомъ, но въ которыхъ трудно предположить развитіе умственныхъ способностей въ такой степени.

Отъ слоновъ рѣчь перешла къ людямъ, слѣдуя тому закону, что въ природѣ все стре-

мится къ совершенству. Люди также заслужили похвалу Посланника въ отношеніи къ ихъ честности, но не къ уму.

Тамъ познакомился я съ нѣкоторыми Англійскими офицерами, иные принадлежатъ къ Миссіи, другіе же состоятъ на службѣ Персидскаго Шаха, многіе изъ нихъ говорятъ по-Французски и почти всѣ болѣе или менѣе дурно по-Персидски.

Изъ дома Англійской Миссіи повели меня къ Мирзѣ Салегу, знакомому читателямъ по предъидущей главѣ, гдѣ мы видѣли изображеніе его въ пріемной залѣ Наслѣдника Персидскаго Престола. Онъ встрѣтилъ насъ громкимъ кашлемъ, задыхаясь отъ табачнаго дыма. Мирза-Салегъ хорошо говоритъ по-Англійски и по-Французски. Въ Лондонѣ и въ Петербургѣ онъ вздыхалъ по Восточномъ небѣ, въ Тебризѣ жалуется на скуку, не можетъ вспомнить безъ сердечнаго сожалѣнія о разнообразной жизни и увеселеніяхъ Европейскихъ городовъ. Одно утѣшеніе остается г. Статсъ-Секретарю жить подъ небомъ Персіи, въ дыму роднаго Восточнаго каліана и вкушать лозный сокъ Европейскаго винограда. Словохотность есть вообще отличительная черта Персіянъ начиная отъ придворныхъ и кончая послѣднимъ поселяниномъ, все

что имѣетъ языкъ одаренный способностію говорить, не оставляетъ никогда въ бездѣйствіи, этотъ, по мнѣнію Эзопа лучшій и пагубнѣйшій даръ небесъ. Мирза-Салегъ, чтобъ не отстать въ этомъ отъ своихъ соотечественниковъ, насказалъ намъ тьму тьмущую всякой всячины, при чемъ счелъ долгомъ и обязанностію бранить Каймакама. А кто такое, и что такое Каймакамъ, спроситъ, а если не спроситъ то по крайней мѣрѣ въ правѣ спросить у меня читатель. Кто онъ такой, объ этомъ я могу дать свѣденіе и даже могу описать мое первое свиданіе съ нимъ, но въ подробности на счетъ его особы входить не буду и не смѣю, потому что не узнавъ человѣка коротко, не льзя и говорить объ немъ много, это впереди, этому будетъ и время и мѣсто. На первый случай не угодно-ли пожаловать со мною въ домъ Его Выскостепенности. Путемъ-дорогой разскажу я то что знаю о г. Каймакамѣ. Каймакамъ есть званіе, означающее по нашему Православному Приставъ или что-нибудь подобное. Обязанность его заключается въ управленіи дѣлами подчиненными вѣдомству Наслѣдника Престола. А такъ какъ Шахъ по старости и лѣни не хочетъ много заниматься дѣлами, то Европейскія Миссіи живутъ въ Тебризѣ и дипломатическая часть

поручена Наслѣднику Престола. Изъ этаго можно заключить что Каймакамъ, какъ первый Министръ Наслѣдника, представляетъ лице довольно значительное и занимательное для Европейцевъ. Теперь вы знаете читатель кто Каймакамъ, вы понимаете всю важность этаго имени, этаго слова, этихъ звуковъ: «Каймакамъ». Пожалуйте со мной!

Домъ Каймакама снаружи ни чѣмъ не отличается отъ домовъ другихъ достаточныхъ Персіянъ: таже стѣна на улицу, тотъ же дворъ внутри стѣны, тѣ же окна съ мѣлкими разноцвѣтными стеклами. Онъ принялъ меня въ небольшой комнаткѣ, очень просто отдѣланной, лежа на коврахъ; подъ головой были у него круглыя подушки на подобіе вальковъ. Онъ былъ боленъ. Лишь только я вошелъ онъ привѣтствовалъ меня обыкновенной фразой Персидскаго краснорѣчія, и привставъ съ своего ложа усѣлся на коврѣ. Удовлетворивъ, въ антрактахъ каліанной, кофейной и чайной церемоніи, его любопытству на счетъ времени моего выѣзда изъ Петербурга, дорогъ, погоды, моихъ намѣреній на счетъ пребыванія моего въ Персіи и проч., я увидѣлъ вошедшаго въ комнату Каймакамова слугу, съ серебряной чашей, наполненной водою. Замѣтивъ вѣроятно по лицу

моему что я желалъ узнать на какой конецъ принесена эта чаша, Его Высокостепенность былъ такъ вѣжливъ, что не далъ мнѣ времени на догадки, которыя впрочемъ вѣрно не привели бы меня къ желанной цѣли. Онъ объявилъ мнѣ что чувствуя себя нездоровымъ, онъ намѣренъ лечиться этою водою, то есть, опустить въ нее маленькой лоскутокъ бумаги съ написанными на немъ по-Персидски или Арабски словами и выпить воду оставя спасительную бумажку, не ложный талисманъ на днѣ. Все это онъ съ точностію, и ни мало не церемонясь исполнилъ въ моемъ присутствіи. Я, съ своей стороны, былъ ему за это очень благодаренъ, потому что иначе вѣроятно никогда бы и не зналъ о существованіи такихъ цѣлебныхъ талисмановъ. Дѣло не шуточное! И вслѣдъ за этимъ я распростился съ Каймакамомъ и васъ читатель прошу не гнѣваться на меня за то, что свиданіе мое съ первымъ Министромъ было такое незанимательное, прозаическое, что же дѣлать; Богъ дастъ доживемъ до любопытнѣйшей эпохи, и тогда увидимъ этаго же самаго Каймакама въ положеніяхъ по-интереснѣе пріема заколдованной воды. Терпѣніе. Перейдемъ пока къ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА VII.

—

Нѣкоторыя замѣчанія на счетъ внѣшней торговли Персіи, въ особенности въ отношеніи къ Россіи.

Внѣшняя торговля всякаго государства есть одно изъ главнѣйшихъ мѣрилъ степени его просвѣщенія. Развитіе умственныхъ силъ пробуждаетъ въ человѣкѣ новыя потребности, неимѣніе у себя дома, того, что мало по малу обращается въ необходимость, заставляетъ входить въ сношенія съ сосѣдями болѣе или менѣе отдаленными, и эти сношенія приносятъ важную пользу образованности; это извѣстно, доказано, стало-быть объ этомъ нечего и гово-

рить. Въ этомъ отношеніи слѣдственно внѣшняя торговля Персіи также любопытна какъ и всякой другой земли, но для подробнаго разсмотрѣнія этаго обширнаго предмета, должно посвятить гораздо болѣе мѣста нежели сколько то позволяетъ рамка моихъ воспоминаній. По этой причинѣ я ограничусь однимъ обзоромъ внѣшней торговли Персіи съ Россіею и отчасти съ Англіею.

Торговлю Россіи съ Персіей должно раздѣлить на двѣ части: на торговлю съ Адербаеджаномъ и на торговлю съ Гиляномъ и съ Мазандераномъ, или иначе, на торговлю черезъ Грузію и Армянскую область и на торговлю черезъ Каспійское море. Первый путь сообщенія идетъ отъ Тифлиса черезъ Коды, Муганлы, Пипнсъ, Истибулакъ, Дилиджанъ, Чубуклы, Ахту, Эривань, или иначе (по мнѣнію г. Небольсина, изъясненному имъ въ его книгѣ о внѣшней торговлѣ Россіи), отъ Тифлиса черезъ Джелалъ-Оглу, Безобдалъ, Абаранполь, Эчміадзинъ въ Эривань. Далѣе обѣ дороги идутъ на Нахичевань, Джульфу или Ордубадъ, Марандъ, Софіянъ въ Тебризъ, столицу Адербаеджана, главный пунктъ, складочное мѣсто Европейской торговли съ Персіею. Должно однако замѣтить что дорога означенная г. Небольсинымъ въ его

прекрасномъ и полезномъ сочиненіи черезъ Джелалъ-Оглу, не совсѣмъ удобна для провоза товаровъ по причинѣ гористаго мѣста и по неимѣнію хорошихъ дорогъ. Второй путь сообщенія идетъ изъ Астрахани въ Персидскіе порты Каспійскаго моря: въ Зензили, Рештъ и частію въ Астрабадъ и Бальфрушъ. Изъ этихъ портовъ Русскіе товары расходятся во внутреннія провинціи Персіи, по самымъ безопаснымъ путямъ сообщенія.

Главный торговый городъ Персіи для Европы есть безъ сомнѣнія Тебризъ, и потому я исключительно займусь имъ. Должно начать съ того что Тебризъ по близости своей къ нашей границѣ (всего два дня перехода отъ Аракса до Тебриза съ вьюками) представляетъ для насъ первое мѣсто, въ которомъ товары наши идущіе черезъ Грузію и Армянскую область, могутъ быть сбыты. Разсмотрѣвъ теперь съ другой стороны торговлю Англіи съ Персіею, мы находимъ что она имѣетъ также два пути: одинъ черезъ Бендеръ-Буширъ (этотъ путь есть собственно путь торговли Остъ-Индской Компаніи съ Персіею) и другой черезъ Требизондъ и Арзерумъ въ Тебризъ. Главный путь сообщенія есть послѣдній и въ этомъ случаѣ Тебризъ стоитъ на дорогѣ, по которой Англійскіе товары

идутъ изъ Требизонда въ какой-бы то нибыло пунктъ Персіи. Изъ этаго видно что въ Тебризѣ сходится вся главная Европейская торговля. Тебризскіе базары наводнены иностранными товарами, капиталы въ безпрерывномъ движеніи и не смотря на всю эту жизнь, на всю дѣятельность Персія далеко еще не снабжается потребнымъ для нее количествомъ Европейскихъ товаровъ, и если иногда иностранные товары, продающіеся на сроки не легко сбываются, и даже можетъ быть не приносятъ той выгоды которой купцы отъ нихъ ожидаютъ, то этому никакъ не должно полагать причиной недостатокъ въ потребителяхъ. Это проистекаетъ ни отъ чего инаго, какъ отъ ложнаго или поверхностнаго знанія Европейцами мѣстныхъ обстоятельствъ или нуждъ и неумѣнія ихъ принаровляться ко вкусу Персіянъ, что однако, при небольшомъ стараніи, и даже при ограниченныхъ способахъ, весьма не трудно узнать съ точностію. Главныя ошибки нашихъ Европейскихъ купцовъ состоятъ въ томъ, что они привыкли, не знаю по чему, считать Азію вообще, а Персію въ особенности за какое-то захолустье, куда воронъ костей своихъ не заноситъ, гдѣ все живутъ разбойники и воры, гдѣ родная копѣйка не охранена ни чѣмъ, гдѣ всегда должно дѣйствовать на-авось. По

этому самому мало купцовъ, особенно Русскихъ, могущихъ располагать большими капиталами, рѣшались доселѣ на какія-нибудь торговыя предпріятія въ Персіи.—Страхъ, это чудовище съ безконечно-огромными глазами, удерживаетъ всѣхъ. Но чего бояться? Нѣтъ сомнѣнія что до тѣхъ поръ, пока Русскіе купцы будутъ думать что все то, что продается въ Москвѣ и Петербургѣ, можетъ быть продано и въ Тебризѣ, или не думая ничего, будутъ посылать въ Персію какъ въ край заброшенный, забытый, всякую дрянь, никуда негодную, то они конечно въ правѣ бояться какъ огня прямыхъ сношеній съ Тебризомъ; потери, которыя они понесутъ, могутъ быть значительны, и въ такомъ случаѣ это будетъ должное возмездіе за безпечность и нехотѣніе постигать собственныя выгоды.

Но если, напротивъ того, благоразумные, дальновидные капиталисты захотятъ обратить вниманіе на Персію, приложатъ нѣкоторое стараніе къ изученію духа Азіатской торговли, то результаты покажутъ имъ, что труды ихъ не пропали, они убѣдятся въ томъ что Персіею пренебрегать нечего, что она бездонная пропасть, могущая поглощать огромныя массы Европейскихъ произведеній, если эти произведенія сообразны съ ея нуждами и соотвѣтству-

ютъ вкусу ея жителей, условіе необходимое, безъ котораго никогда и нигдѣ не льзя ручаться за успѣхъ. Пусть попробуетъ какой нибудь спекулаторъ привезти въ Европейскую державу Персидскихъ бараньихъ шапокъ, или никуда негодныхъ шалей, онъ убѣдится тогда что не въ одной Персіи дурно сбываются дурныя и не нужныя вещи. Но этаго никто ни когда не сдѣлаетъ. А отъ чего? Отъ-того что всѣ Европейскіе купцы слишкомъ хорошо знаютъ Европу чтобы пуститься на такой ложный расчетъ. Слѣдственно, торговля Европы съ Персіею отъ того не достигла должнаго развитія своего, что наши купцы вовсе не знаютъ Персіи и къ несчастію кажется не дѣлаютъ ни шагу чтобы наконецъ познакомиться съ нею; они имѣютъ объ ней точно такое же понятіе какъ Персидсіе купцы о Европѣ, которые точно также съ большимъ трудомъ рѣшаются ѣхать въ землю *Кафировъ*. Не хорошо и то, что наши за-Араксовскіе сосѣди не знаютъ кто мы таковы, а ужь намъ, просвѣщенному міру, не знать что у насъ дѣлается подъ бокомъ, это не только стыдно, но даже и очень грѣшно. Я знаю чѣмъ оправдывается купечество. Оно говоритъ что многіе купцы продавая товары свои на срокъ, часто не получали денегъ, что

торговать на чистыя деньги не возможно, потому, что ни одинъ Персидскій купецъ на это не согласится и что по этому потери поносимыя Европейцами, весьма бываютъ значительны и повторяются очень часто. Но это возраженіе нельзя считать дѣйствительнымъ, потому что примѣры дурныхъ спекулаторовъ не суть законы для людей понимающихъ истинные расчеты. Всякой хорошій купецъ не будетъ гнаться за огромной прибылью, а будетъ довольствоваться барышемъ обезпечивающимъ его издержки и доставляющимъ ему обыкновенныя выгоды, которыхъ отъ торговли ожидать можно. Но дѣло въ томъ, что Европейскіе купцы, привозящіе товары свои въ Тебризъ, считаютъ совершенный ими подвигъ до того важнымъ, что незнаютъ сами какъ оцѣнить свой великій трудъ. Они думаютъ, что пріѣзжая въ Тебризъ для своихъ выгодъ, они оказываютъ тѣмъ необыкновенную честь и милость Персіи и хотятъ заставить ее платить ужасныя суммы за вещи самыя ничтожныя, обыкновенныя. Отсюда проистекаютъ всѣ запутанности въ дѣлахъ Европейскихъ торговцевъ которые, сбывая въ долгъ за дорогія цѣны свои товары, дожны потомъ хлопотать и иногда, хотя очень рѣдко, не получаютъ сполна своихъ денегъ. Если же бы

они, напротивъ того, назначали умѣренныя цѣны, то нашлось бы много покупщиковъ на чистыя деньги, дѣла сдѣлались бы проще и не было бы никогда и рѣчи о потеряхъ, впрочемъ, по моему образу мыслей, только мнимыхъ. Сверхъ этаго должно замѣтить что иски Европейскихъ купцовъ, Русскихъ и Англійскихъ, для полученія должныхъ имъ денегъ, очень рѣдко остаются неудовлетворенными, или лучше сказать, они почти всегда получаютъ слѣдующее имъ, потому что Россійская и Англійская Миссіи всегда принимаютъ въ нихъ живое участіе и по уваженію, которымъ онѣ въ Персіи пользуются, настоянія ихъ, чтобы Европейскіе купцы не понесли убытковъ, никогда не остаются безъ успѣха. Конечно, есть случаи гдѣ, при всемъ желаніи, не льзя сдѣлать ничего; но гдѣ же не бываютъ банкрутства, гдѣ же найти такую блаженную землю, гдѣ бы вовсе не было несостоятельныхъ должниковъ, это не есть исключительная принадлежность Персіи, это несчастіе — космополитъ, не щадящее ни одпаго государства.

Сравнивая торговые пути ведущіе изъ Россіи и Англіи въ Тебризъ легко убѣдиться въ томъ что Россія, въ этомъ случаѣ, пользуется важнымъ преимуществомъ передъ Англіею. Не говоря уже о близости нашей границы, а по-

тому и о возможности, безъ большихъ издержекъ, доставлять въ Персію Русскіе товары изъ Грузіи и изъ Астрахани, стоитъ только подумать о совершенной съ этихъ сторонъ безопасности сообщеній и сравнить ихъ съ путемъ, по которому слѣдуетъ Англійская торговля черезъ Константинополь и Требизондъ. Наши товары идутъ по нашимъ же владѣніямъ и по сѣверной Персіи, странѣ спокойной и даже нѣсколько образованной. Англійскіе же, идущіе черезъ Требизондъ должны проходить по владѣніямъ Турецкимъ и Персидскимъ, наводненнымъ кочующими племенами грабителей. Не далѣе какъ въ 1834 году Курдинцы Джелалійскаго племени разграбили караванъ близь деревни Каракліисъ, неподалеку отъ Діадина и Баязида. Сто тридцать вьюковъ съ товарами на сумму 93,106 тумановъ, т. е. около милліона рублей, попались въ руки жадныхъ Курдинцовъ. И чтожъ? Не смотря на эти несчастные случаи, повторяющіеся отъ времени до времени, оффціально публикованные факты * показываютъ, что ежегодно отправляется въ Персію черезъ Требизондъ и Арзерумъ около 5500 вьюковъ на верблюдахъ, лошадяхъ и лошакахъ. Полагая, круглымъ числомъ, каждый вьюкъ цѣною въ 1000

* Коммерч. газета 1836 N° 47.

рублей, получимъ сумму пяти съ половиною милліоновъ, на каковую Персія ежегодно получаетъ разныхъ товаровъ черезъ Требизондъ. Главные предметы сего привоза суть: ситцы, миткали, кисеи, плисы бархаты, сахаръ и ромъ.

Не говоря уже о важныхъ оборотахъ, предпринимаемыхъ Англичанами, скажу здѣсь только что трое Англійскихъ купцовъ Борджесъ, Бономъ и Бикъ, живущіе въ Тебризѣ, получили въ 1834 году изъ Англіи товаровъ на 790,000 рублей, а Персидскіе купцы въ тотъ же годъ привезли изъ Константинополя Турецкихъ и Европейскихъ товаровъ на 14.976,144 руб.

Въ томъ же 1834 году отпущено изъ Россіи въ Персію товаровъ на 2.256,406 руб. а привезено оттуда на 6.022,994 руб. *.

Эти факты, не весьма утѣшительные, заставятъ невольно всякаго призадуматься и искать причины такого незначительнаго торга. Прошу читателя припомнить разсужденія написанныя за нѣсколько страницъ передъ симъ и онъ вѣрно согласится со мною, признаетъ мнѣніе мое, основанное на самыхъ простыхъ не затѣйливыхъ разсужденіяхъ,—справедливымъ.

Одинъ изъ нашихъ Русскихъ купцовъ, Шуйскій купецъ Степанъ Посылинъ, доказалъ пра-

* Виды Торговли за 1834 г.

вославному міру что съ Персіей торговать можно, что Персіяне не звѣри лютые, что Иранъ не адъ и не разбойничій притонъ. Его повѣренный въ Тебризѣ, г. Вышегородцевъ продалъ тамъ въ 1832 году товаровъ слишкомъ на 900,000 рублей: ситцы, нанка, каленкоръ, миткаль, демикотонъ, каламенка, сахаръ-мелисъ, кошениль, были главные предметы ихъ оборота. Неужели такой результатъ попытки торговыхъ сношеній съ Персіею не ободритъ никого, неужели не найдутся другіе, предпріимчивые люди, которые бы захотѣли послѣдовать прекрасному примѣру г. Посылина. Не скажу однако же, что благонамѣренные, дальновидные купцы должны слѣпо идти по стопамъ г. Посылина,— вовсе нѣтъ. Всякое дѣло трудно въ начинаніи, честь и слава тому, кто сдѣлаетъ первый шагъ, по новому неизвѣданному еще пути, и по тому должно смотрѣть съ снисхожденіемъ на ошибки и промахи, дѣлаемые при первыхъ попыткахъ новаго предпріятія,— безъ нихъ не льзя обойтись. Улучшать и усовершенствовать, исправлять замѣченные недостатки, есть обязанность послѣдователей. Еслибъ съ самаго начала все было хорошо, то чтожъ осталось бы дѣлать сыновьямъ и внукамъ начинателей? Такъ и здѣсь; прекрасная мысль г. Посылина тре-

буетъ улучшеній, которыя очень не трудно привести въ исполненіе и которыя принесутъ огромныя выгоды. Первымъ и главнѣйшимъ шагомъ къ улучшеніямъ должно быть, по моему мнѣнію, ближайшее разсмотрѣніе мѣстныхъ обстоятельствъ. Для этаго нужно ознакомиться короче съ краемъ, вникнуть въ характеръ его обитателей, изслѣдовать ихъ потребности и прихоти. Если, сообразуясь съ этимъ, какой нибудь капиталистъ начнетъ правильный, обдуманный торгъ съ Персіею, то труды его непремѣнно увѣнчаются блистательнымъ успѣхомъ. У насъ на Руси говорятъ: «Лиха бѣда начало»! Да вѣдь начало ужъ давно сдѣлано, желательно только идти далѣе, не оставаться всегда при началѣ. И какъ, казалось бы, въ нашъ промышленный, расчетливый, смѣлый вѣкъ, въ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, воздухоплаванія, какъ не найтись людямъ благомыслящимъ, которые бы рѣшились на дѣло гораздо менѣе сомнительное, нежели каковы были въ началѣ локомотивы и пароходы? Будемъ надѣяться что скоро, скоро Тебризъ, Зензили, Рештъ и Бальфрушъ наполнятся Русскими товарами, и что мятые, но полновѣсные Персидскіе червонцы, будутъ кучами сыпаться въ купеческія Русскія Конторы, устроенныя въ

торговыхъ городахъ Персіи. То-то житье будетъ. Я уже вижу въ будущемъ эти блаженныя времена, и сердце радуется какъ подумаю, что со временемъ можно будетъ безъ всякихъ хлопотъ и просьбъ, выписывать себѣ изъ Персіи, черезъ Московскихъ или Петербургскихъ купцовъ, чудесный Ширазскій табакъ, восхитительные Феррагунские ковры и сладострастныя Кашемирскія шали. Въ ожиданіи этаго благополучія заключаю мои разсужденія о внѣшней торговли Персіи, и перехожу къ предметамъ менѣе важнымъ для иныхъ, но болѣе занимательнымъ для многихъ.

ГЛАВА VIII.

—

Окрестности Тебриза. — Халатъ-Пушанъ. — Аперджанъ. — Уджанъ. — Сады. — Кладбища.

Послѣ этаго короткаго серьознаго эпизода, обращаюсь къ прежнему, т. е. къ Тебризу, или лучше къ его окрестностямъ, потому что о самомъ городѣ сказалъ я кажется все что знаю; если это мало, то прошу извиненія.

Окрестности Тебриза не представляютъ много достопримѣчательнаго и лѣнивый путешественникъ имѣлъ бы полное право не выходить изъ города и тѣмъ избавиться отъ труда отдѣлывать въ своемъ путешествіи статью «Описаніе окрестностей города Тебриза». Не смотря на это, и строго придерживаясь принятаго

мною правила, говорить о всемъ видѣнномъ и слышанномъ мною, скажу вамъ объ этомъ мимоходомъ нѣсколько словъ.

Верстахъ въ семи отъ Тебриза, по дорогѣ въ Тегеранъ находится небольшое восьмиугольное зданіе, родъ увеселительной бесѣдки Шаха и Наслѣдника престола. Эта бесѣдка называется Халатъ-Пушанъ, что значитъ по Персидски *надѣваніе халата*. Названіе это дано ей потому что принцы получающіе въ подарокъ отъ Его Величества Убѣжища Міра почетные халаты, должны являться туда для возложенія ихъ на свои, возвеличенныя милостію Шаха, плечи. При такихъ торжественныхъ случаяхъ соблюдается извѣстная церемонія и одаренный Принцъ возвращается, въ сопровожденіи большой свиты, въ городъ. Бесѣдка Халатъ-Пушанъ довольно красива. Она стоитъ посреди большаго бассейна наполненнаго свѣтлою водою и окруженнаго высокими, стройными и пушистыми деревьями. Въ шести верстахъ оттуда, по той же дорогѣ, раскинута, на берегу не большой, но быстрой рѣчки, деревня Басминджъ.

Вообще около города есть много большихъ и малыхъ деревень. Къ числу примѣчательнѣйшихъ по красотѣ мѣстоположенія должно отнести деревню Анерджанъ принадлежащую Тебриз-

скому Муштенду. Она лежитъ въ 25 или 30-ти верстахъ отъ Тебриза. Дорога ведущая къ ней чрезвычайно живописна, она идетъ прелестною долиною, орошенною быстрымъ ручейкомъ, около котораго растутъ, какъ въ прекрасной садовой аллеѣ, высокія тополи.

Говорить-ли о садахъ? Ихъ хотя и много, но мало такихъ, которые бы могли обратить на себя особенное вниманіе. Фрукты вообще хороши; виноградъ, персики, абрикосы, черешня, арбузы и дыни растутъ въ изобиліи, и надѣляютъ часто сыновъ Атропатены наравнѣ съ обитателями другихъ областей Ирана лихорадками и другими фруктовыми болѣзнями, которыя однако не удерживаютъ охотниковъ отъ вкушенія сочныхъ и ароматныхъ плодовъ, раззолоченныхъ великолѣпнымъ восточнымъ солнцемъ.

Вообще однако климатъ Тебриза считается въ Персіи здоровымъ, что дѣйствительно справедливо, разумѣется сравнительно съ другими полосами Персіи гдѣ воздухъ кажется напитанъ лихорадочными атомами, и гдѣ, въ добрую пору, лихорадка не ограничивается сотрясеніемъ людскихъ костей, а поселяется даже въ собакъ, куръ и кошекъ. Оно право почти такъ.

Тебризское вино, приготовляемое Армянами, не отлично, однако же не можетъ назвать-

ся и дурнымъ: оно что называется по-Французски potable. Я увѣренъ, что если бы въ Тебризѣ были свѣдущіе виноделы, то прекрасный разнородный виноградъ производилъ бы отличныя вина на радость пріѣзжихъ Европейцевъ и туземныхъ почитателей Бахуса.

Заговорясь о фруктахъ и винѣ чуть чуть было не забылъ сказать вамъ что верстахъ въ тридцати пяти или сорока отъ Тебриза, по Тегеранской же дорогѣ, стоитъ небольшой дворецъ Уджанъ, окруженный хорошимъ садомъ. Онъ построенъ на равнинѣ которая считается прохладнѣйшимъ мѣстомъ во всемъ Адербаеджанѣ и славится хорошими пастбищами. Здѣшній климатъ однако нездоровъ по причинѣ близости болотъ, издающихъ въ лѣтнюю пору злокачественныя испаренія. Дворецъ идетъ быстрыми шагами къ разрушенію, подобно большей части хорошихъ зданій въ Персіи. По этому случаю, сопровождавшій меня Европейскій слуга мой, отъ простоты сердца сдѣлалъ преумное замѣчаніе. «Видно въ Персіи прежде лучше жили и больше строили хорошихъ домовъ, а теперь *что ниже то жиже*, что дальше то хуже». Это замѣчаніе такъ хорошо, такъ вѣрно схвачено, что я не осмѣливаюсь прибавлять къ нему собственныхъ моихъ заключеній и коммен-

таріевъ, которые испортивъ его наивность не могутъ быть яснѣе и точнѣе.

Не подалеку отъ Тебриза находятся каменоломни гдѣ добывается прекрасный мраморъ, въ особенности желтый, и его привозятъ въ довольно большемъ количествѣ въ Тебризъ для украшенія городскихъ зданій и памятниковъ на кладбищахъ.—Кстати о кладбищахъ, они расположены всѣ за городомъ и содержаны опрятно, хотя и безъ роскоши. Памятники состоятъ большею частію изъ лежащихъ горизонтально на землѣ плитъ съ надписями; иногда въ изголовьѣ ставится еще камень въ видѣ треугольника, или четвероугольника. Обыкновенно разъ въ недѣлю собираются туда родственники, а болѣе родственницы усопшихъ, и плачутъ надъ бренными остатками своихъ родителей, мужей, женъ, братьевъ, сестеръ и дѣтей. Этотъ прекрасный обычай, сохранившійся доселѣ изъ глубокой старины, казался мнѣ, въ чемъ я могъ ошибиться, къ несчастію только обычаемъ, безъ участія сердца; мнѣ казалось что эти посѣщенія могилъ дѣлаются по привычкѣ, а не по душевной потребности. Должно однако сказать что для того, чтобы плакать, рыдать, разрывать еженедѣльно раны сердца и не выплакать жизни въ годъ, надобно имѣть или каменное

сердце, такое же холодное какъ могильные памятники, или привыкнуть къ этому и лить изъ очей слезы какъ ключевую воду. На кладбищахъ около Тебриза вовсе нѣтъ деревъ и зелени: они раскинуты на голомъ каменно-песчаномъ грунтѣ, не отгорожены ни чѣмъ и потому иногда легко проѣдешь мимо кладбища принявъ его за какое-нибудь мѣсто гдѣ предполагается воздвигнуть новое зданіе, и на этотъ конецъ навезено много камня. Какое сравненіе съ нашими тѣнистыми рощами гдѣ прахъ отшедшихъ друзей нашихъ покоится подъ благотворной защитой гостепріимныхъ деревьевъ.— Такъ какъ рѣчь зашла о рыданіяхъ на кладбищахъ, то я скажу здѣсь нѣсколько словъ о Персидскомъ траурѣ. Онъ состоитъ во первыхъ въ томъ что правовѣрные не красятъ себѣ въ это время ни бороды, ни рукъ, ни ногтей, а во вторыхъ посыпаютъ себѣ плечи и шапки рубленной соломой. Это напоминаетъ древнихъ которые посыпали себѣ главу пепломъ въ знакъ печали. Но полно плакать, оставимъ неутѣшныхъ Персидскихъ вдовъ и сиротъ, пусть они скитаются по кладбищамъ, а сами отправимся въ какое-нибудь другое мѣсто повеселѣе Тебризскихъ кладбищъ. Но кудажъ бы?—Въ Тебризѣ и внѣ стѣнъ его осмотрѣли мы ка-

жется все, что стоило осматривать. И такъ намъ остается ждать событій или случая, которые бы вывели насъ отсюда. Въ ожиданіи пройдетъ не много времени, мы вѣрно скоро двинемся изъ Тебриза. Фетхъ-Али-Шахъ болѣнъ и даже многіе тихомолкомъ поговариваютъ о его смерти.

ГЛАВА IX.

—

Смерть Фетхъ-Али-Шаха. — Анекдоты о немъ. — Аллаяръ-Ханъ. — Стихотворенія Фетхъ-Али-Шаха. — Мугаммедъ-Шахъ. — Селямъ. — Извѣстія изъ Тегерана. — Зелли. — Султанъ. — Каймакамъ.

Однажды утромъ я гулялъ по узкимъ и мрачнымъ улицамъ Тебриза, которыя безконечно извиваясь, кажется, какъ-будто бѣгаютъ домовъ. Съ перваго взгляда можно было примѣтить, что какая-то тайна ходила по городу. Народъ толпился по базарамъ и образовалъ группы; любопытные со вниманіемъ прислушивались къ разсказамъ вполголоса; купцы сидя на пяткахъ у пороговъ лавокъ, не съ такимъ усердіемъ тянули дымъ своихъ кальяновъ, слиш-

комъ часто поглаживали длинныя бороды, складывали руки на кушакахъ и всѣми ужимками давали уразумѣть, что они,—слава Аллаху,—знаютъ кое-что *про это дѣло.* Въ одной толпѣ, у которой я остановился, раздалось довольно внятно:

—Аллахъ видитъ мое сердце! Что я за собака, чтобъ мнѣ васъ обманывать? пять дней тому назадъ, за два часа до полуденной молитвы, выѣхалъ я изъ Тегерана, и завтракалъ передъ отъѣздомъ съ пишихдметомъ Мугаммедъ-Багиръ Хана, Беглербега Тегеранскаго: онъ стоялъ за дверью въ то время какъ Ханъ читалъ письмо изъ Испагана.

—Это все вздоръ, возразилъ другой голосъ: всякой, кто былъ въ Тегеранѣ, знаетъ, что слуги Беглербега ужасные лгуны, и можно только удивляться, какъ *шейтанъ* * не вырвалъ у нихъ досихъ поръ языки изъ горла.

—Полно вамъ спорить изъ пустяковъ, сказалъ одинъ старикъ: не прерывайте Гуссейнъ-Бега, дайте ему кончить свою исторію.—

Гуссейнъ-Бегъ, какъ человѣкъ обладающій важною тайной, заткнулъ лѣвую руку за кинжалъ, а правою поправилъ шапку, и, посмотрѣвъ выразительно на присутствовавшихъ, началъ важно:

* Чрт.

—Я сказалъ что Пишхидметъ Беглербега стоялъ за дверью, когда Бахиръ-Ханъ читалъ письмо изъ Испагана одному изъ пріятелей своихъ Мирзѣ-Измаилу. Сказалъ ли я, или нѣтъ?

—Сказалъ! Чтожъ было въ Испаганѣ!

—Постойте! Скажу. Письмо было писано рукою высокостепеннаго Ишикъ-Агасы (Коменданта порога, Церемоніймейстера).

—Да его небыло тогда въ Испаганѣ.

—Молчи, *пезевенкъ!* Ничего незнаешъ. Я говорю вамъ, что письмо было писано самимъ Ишикъ-Агасы. Сказалъ ли я, или нѣтъ!

—Хорошо! Ну, такъ вотъ Пишхидметъ Мугамметъ-Бахиръ-Хана слышалъ слово въ слово отъ начала до конца все письмо Ишикъ-Агасы. Въ немъ было написано, что Падишахъ, Убѣжище Міра, изволилъ скушать въ Испаганѣ за ужиномъ четыре дыни разомъ.

—Аллахъ! Аллахъ! четыре дыни!

—Да! Четыре дыни. Хорошо! Я сказалъ, что Падишахъ изволилъ скушать за ужиномъ четыре дыни. Послѣ того онъ изволилъ пить много шербета, и на другой день опасно занемогъ лихорадкою.

—Лжетъ!

—*Истагфиръ-Аллахъ!* Я не хочу и слушать такихъ рѣчей.

—Береги свою бороду Гуссейнъ-Бегъ! не *пацдайся грязи!* Что это за вѣсти разсѣеваешь ты про Падишаха.

Гуссейнъ-Бегъ посмотрѣлъ съ презрѣніемъ на окружающихъ, и однимъ взглядомъ уничтожилъ того, кто называлъ его лгуномъ. Онъ вытянулъ шею, расправилъ усы и сказалъ твердымъ голосомъ:

—Вы всѣ болваны. Самому *шейтану* не нужно такихъ глупцевъ. Знайте же, бараньи головы, что Падишахъ умеръ!

—*Аманъ! Аманъ! Истагфиръ Аллахъ! Вай, вай!* закричали хоромъ въ толпѣ, и въ одну секунду разскащикъ, тѣснимый прежде отвсюду любопытною публикою, остался одинъ посреди улицы; всѣ кинулись бѣжать отъ него какъ отъ зачумленнаго. Никому не приходило въ голову, чтобы Фетхъ-Али-Шахъ могъ когда нибудь умереть. Каковъ бы онъ нибылъ, но въ теченіи сорока-лѣтняго царствованія его, всѣ такъ привыкли имѣть его своимъ повелителемъ, что мысль о новомъ Государѣ не могла ужиться ни подъ одной бараньей шапкой. Упавшее теперь, какъ снѣгъ на голову, извѣстіе о смерти Фетхъ-Али-Шаха перепугало всѣхъ до крайности въ Тебризѣ. Большая часть думала, что это хитрая выдумка начальниковъ, которые

ищутъ обличить кого-нибудь изъ правовѣрныхъ въ недостаткѣ преданности къ Падишаху, и на этомъ основаніи ободрать его какъ липку или можетъ быть даже выколоть ему глаза. —

По этой причинѣ не трудно понять паническій страхъ, который овладѣлъ всѣми при разсказѣ Гусейнъ-Бега.

Нѣкоторые сбирались даже итти къ Бегглербегу Тебриза съ жалобою на Гуссейна, осмѣлившагося выдумать такую ужасную новость. Разумѣется, никто не вѣрилъ его разсказамъ.

Однако пріѣзжающіе изъ Тегерана, если не вполнѣ подтверждали извѣстіе о смерти Шаха, всѣ единогласно говорили, что его величество при-смерти болѣнъ; но правительственныя мѣста на всѣ вопросы по этому предмету, отзывались совершеннымъ невѣдѣніемъ, говоря, что не имѣютъ никакихъ свѣдѣній. Наконецъ, спустя три дня послѣ сцены здѣсь описанной, прибылъ посланный изъ Тегерана къ Наслѣднику престола Мугамедъ-Мирзѣ, съ извѣстіемъ что великій дѣдъ его, Фетхъ-Али-Шахъ отъ этаго тлѣннаго міра «изволилъ переѣхать» въ міръ вѣчный 8 Октября, въ Испаганѣ, послѣ кратковременной болѣзни, причиненной дѣйствительно невоздержаніемъ въ пищѣ. Чудесныя Испаганскія дыни погубили его.

Фетхъ-Али-Шахъ умеръ на семьдесять шестомъ году отъ роду послѣ тридцати девяти лѣтъ царствованія. Какъ Государь, онъ не совершилъ ничего такого, что бы могло дать ему право на блестящее имя въ Исторіи, но какъ человѣкъ, онъ, по характеру своему, стоитъ того, чтобы обратить на себя вниманіе современниковъ. Постараюсь дать объ немъ нѣкоторое понятіе. Начну, какъ водится, съ его наружности, и хотя она, по портретамъ приложеннымъ къ разнымъ путешествіямъ, извѣстна, болѣе или менѣе, читающей публикѣ, тѣмъ не менѣе я не хочу лишить себя удовольствія начертать здѣсь на память изображеніе бывшаго Падишаха Ирана. Оно не трудно и можетъ быть сдѣлано въ двухъ словахъ.

Фетхъ-Али-Шахъ былъ небольшаго росту и очень худощавъ. Выразительные глаза и довольно большой, нѣсколько горбатый носъ, были единственныя черты его лица, видныя изъ-за густой бороды, которая начиналась подъ самыми глазами и простиралась до нижнихъ областей желудка. Эта борода считалась самою длинною во всей Персіи. Живописцы, льстя во всѣхъ случаяхъ Шаху, вмѣстѣ съ другими придворными, увеличивали ее до безконечности на портретахъ. Вотъ все, что можно сказать о на-

ружности покойнаго «Убѣжища Міра». Можетъ быть, еслибъ ощупать его черепъ, нашлось бы въ немъ что нибудь любопытнаго для приверженцевъ системы доктора Галла, но, во-первыхъ, я не принадлежу къ приверженцамъ вышерѣченнаго доктора, а во-вторыхъ врядъ-ли кому, кромѣ шахскаго цирюльника, удавалось имѣть честь осязать вмѣстилище «ума равняющагося сложности всѣхъ умовъ въ мірѣ».

Всевозможныя чувственныя наслажденія и удовлетвореніе господствующей его страсти копить деньги составляли главную цѣль его жизни. Гаремъ его состоялъ изъ *трехъ сотъ* привиллегированныхъ женщинъ, а если причесть къ нимъ прислужницъ и танцовщицъ, то всего набралось бы болѣе *тысячи душъ женскаго пола*. За то и оставилъ онъ послѣ себя *девятьсотъ тридцать пять* человѣкъ потомковъ, сыновей, дочерей, внуковъ, внучекъ и прочаго. Большая часть ихъ жила при немъ, въ Тегеранѣ, а остальные были разбросаны по всей Персіи. При выборѣ женъ Фетхъ-Али-Шахъ не стѣснялся ни какими законами: дамы самаго высокаго званія, женщины самаго низкаго происхожденія, понравившись его шахскому величеству, безъ лишнихъ церемоній дѣлались его сожительницами. Первая жена Шаха, въ послѣднее время

его царствованія, была дочь *кебабчи*, продавца жаренаго мяса на базарахъ, и нажила титулъ *таджи-доулетъ*, «Короны государства».

Скупость Фетхъ-Али-Шаха превосходила всякое понятіе: онъ самъ сознавался, что день въ который ему не удалось ничего положить въ свой кошелекъ, считался у него потеряннымъ днемъ жизни, и что онъ не могъ спокойно спать послѣ этаго ночью. Про него разсказываютъ въ Персіи бездну анекдотовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, по моему мнѣнію, весьма интересны, потому что они изображаютъ Шаха нѣсколькими чертами.

Онъ имѣлъ привычку почти каждый день выѣзжать верхомъ за городъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ десятковъ вельможъ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ, отъѣхавъ отъ города версты четыре, увидѣлъ онъ нищаго, стоящаго у колодца который кричалъ во все горло самымъ жалобнымъ голосомъ: *Деръ раги Худа, іекъ кара пуль-бе-лепъ бе-дегидъ!* «На пути Бога, дайте мнѣ одинъ мѣдный грошъ»! Гуламъ шаха (верховой прислужникъ) сбирался уже исполнить свою обязанность, и поскакалъ къ нищему съ поднятою плетью, какъ вдругъ Шахъ приказалъ ему остановиться, подозвалъ бѣдняка къ себѣ, началъ шутить съ нимъ, распра-

нивать объ его семействѣ, объ его дѣлахъ, и насмѣявшись до-сыта его отвѣтами, вынулъ изъ кармана червонецъ и сказалъ: «вотъ тебѣ червонецъ, я даю его какъ капиталъ, съ тѣмъ уговоромъ, что ты подѣлишься со мной процентами». Нищій взялъ червонецъ, и долго не могъ прійти въ себя отъ изумленія, такъ что Шахъ давно уже проѣхалъ съ своею свитою, а онъ все еще стоялъ какъ вкопаный на томъ же мѣстѣ, не сводя безсмысленнаго взора съ блестящей монеты.—Наконецъ обернулся онъ въ ту сторону, гдѣ виднѣлся шахскій поѣздъ: долго слѣдилъ онъ его глазами, какъ-бы углубленный въ грустную думу.—Вдругъ пришла ему въ голову чудная мысль; онъ сѣлъ на камнѣ возлѣ колодца подъ тѣнью густаго чинара, и, держа въ рукѣ червонецъ рѣшился ждать обратнаго проѣзда его величества. Нѣсколько разъ демонъ соблазнялъ его положить деньги въ карманъ и отправиться домой, однакожъ онъ устоялъ противъ искушенія. Завидѣвъ издали Падишаха, онъ всталъ съ мѣста и почтительно ждалъ приближенія Убѣжища Міра. Шахъ подъѣзжая къ нищему, узналъ его и пришелъ въ бѣшенство: онъ полагалъ, что ему понравились золотыя деньги и что онъ проситъ еще. Каково было его удивленіе, когда нищій подошелъ къ его лошади и

протягивая руку отдавалъ Шаху червонецъ. — «Что это значитъ?» спросилъ Шахъ.— «Я отдаю вамъ ваши деньги, государь, потому что при дѣлежѣ процентовъ прійдется мнѣ отдать послѣднюю рубашку съ тѣла». Шаху очень понравилось это приключеніе: онъ взялъ червонецъ назадъ, и во всю дорогу много забавлялся на счетъ нищаго, радуясь внутренно тому, что получилъ обратно выданныя деньги, издержанныя «на пути Бога», для исполненія одной изъ первыхъ обязанностей вѣры Пророка: онъ не надѣялся на этотъ приходъ!

Всякой разъ какъ Шахъ выѣзжалъ на охоту, это удовольствіе приносило ему болѣе денегъ чѣмъ дичи. Дѣлалось это очень просто. Онъ приглашалъ обыкновенно съ собой нѣсколькихъ вельможъ.—Всѣ боялись этой чести: она была разорительна. Начать съ того, что Фетхъ-Али-Шахъ, по примѣру Людовика XIV не давалъ ни когда промаху,—ни изъ ружья, ни изъ лука, ни даже при метаніи *джеридомъ* *: на случай не удачи, слуги имѣли съ собой достаточное количество благовременно убитой дичи. Когда Шахъ сбирался стрѣлять, онъ обращался къ одному изъ присутствующихъ и говорилъ: «Ханъ! Шахъ стрѣляетъ на твое здо-

* Короткое копье.

ровье»! Тогда откинувъ на сторону свою огромную бороду, онъ прицѣливался. Лишь только выстрѣлъ раздается, слуги бросаются впередъ и черезъ нѣсколько минутъ приносятъ его величеству убитое животное. Въ этомъ промежуткѣ времени, Шахъ стоя на мѣстѣ, клалъ руки за спину, а ханъ, на здоровье котораго стрѣляли, обязанъ былъ положить въ «золотую руку» повелителя столько золота, сколько могъ по своему состоянію. Мало было такихъ, которые смѣли заплатить за честь, сдѣланную имъ выстрѣломъ менѣе пятидесяти *баджъ-огли* (червонныхъ): это исключеніе допускалось только въ пользу самыхъ не богатыхъ, которымъ самъ Шахъ говорилъ: «ты бѣднякъ; отъ тебя довольно и тридцать или двадцать пять, *баджъ-огли*». Привычка обращаться съ деньгами, надѣлила Фетхъ-Али-Шаха удивительною способностью, которую въ Европѣ тотчасъ приписали бъ магнетизму и ясновидѣнію: онъ, по вѣсу, зналъ сколько денегъ держитъ въ горсти и не ошибался, какъ говорятъ, никогда ни на одинъ червонецъ.

Посылка, кому нибудь изъ придворныхъ, чашки молока или блюда плодовъ, стоила также осчастливленному льстецу «царя царей» изрядной суммы денегъ.

Такимъ образомъ, покойный Шахъ не упускалъ ни одного случая, гдѣ, и отъ кого бы то нибыло, онъ могъ брать деньги. Страсть къ золоту, доводящая часто скрягъ до самыхъ безразсудныхъ поступковъ, имѣла и на него такое же вліяніе. Стоитъ только заглянуть въ учрежденный имъ образъ управленія Персіею. Всѣ области государства раздѣлилъ онъ между своими сыновьями, которые и имѣли ихъ какъ-бы на арендѣ, и были обязаны выплачивать Шаху извѣстную сумму въ годъ. Принцы—правители Мазандерана и Шираза нажились до того, что сдѣлались богаче самаго отца и отказывались платить ему подъ разными предлогами. Послѣ нѣсколькихъ письменныхъ убѣжденій доставить должную сумму, Фетхъ-Али-Шахъ отправлялся самъ съ войсками къ предѣламъ одной изъ этихъ провинцій, Принцы, испуганные, выѣзжали къ отцу на встрѣчу и повергали къ стопамъ его по нѣскольку тысячь червонныхъ,—можетъ быть самую незначительную часть того, что имъ слѣдовало внести, но при видѣ золота Шахъ всегда умилостивлялся: онъ отправлялся обратно въ Тегеранъ. Эта финансовая система очень проста и вѣрна.

Главные его расходы относились къ содержанію огромнаго Гарема, который дѣйстви-

тельно пожиралъ тьму денегъ, и къ платежу пенсій, назначенныхъ тѣмъ изъ сыновей, которые не управляли провинціями. Роскошь при дворѣ была вовсе не такъ велика, какъ это можетъ быть думаютъ въ Европѣ, основываясь на понятіяхъ о восточной пышности и на сказаніяхъ многихъ путешественниковъ, большая часть которыхъ поистинѣ не знаю откуда брали свѣденія свои о Персіи. Богатыя краски ихъ описаній вовсе не похожи на голыя степи, занимающія огромную часть Персіи и на безвкусныя дѣла рукъ ея жителей. Прочитавъ почти все писанное объ этой странѣ, я долженъ по совѣсти отдать справедливость книгѣ, изданной двѣсти лѣтъ тому назадъ, — путешествію Шардена. Добросовѣстность, съ какою оно написано, заслуживаетъ похвалы самаго строгаго критика. Персія не дѣлаетъ ни какихъ успѣховъ въ просвѣщеніи, умы стоятъ всегда на одной и той же точкѣ, весьма близкой къ точкѣ замерзанія, такъ, что картина Шардена, списанная вѣрно съ натуры, можетъ прожить еще столько же и остаться лучшею книгою объ «отечествѣ розъ и соловьевъ». Дай Богъ побольше такихъ книгъ во всѣхъ словесностяхъ.

Жители большихъ городовъ вообще не очень строго держатся законовъ Пророка. Что

касается до вина, то, не смотря ни на запреты Корана, ни на усердіе Муллъ, иногда довольно строгихъ блюстителей чистоты вѣры и нравовъ, эта контрабандная жидкость въ большомъ употребленіи въ высшемъ сословіи и у богатыхъ людей. Правда, что открыто ни одинъ правовѣрный не осмѣлится осквернить устъ своихъ прикосновеніемъ къ чашѣ съ виномъ, но за то тайкомъ, запершись въ отдаленныя комнаты гаремовъ, Персіяне напиваются пьяны хуже всякаго *кафира.* Тебризскій Беглербегъ, Фетхъ-Али-Ханъ, человѣкъ пожилой, до того пристрастился къ вину и притупилъ имъ вкусъ, что уже никакой напитокъ не приводилъ его въ опьяненіе. Онъ обратился съ просьбою къ Англійскимъ купцамъ, и они выписали для него какого-то спирту необыкновенно крѣпкаго. Фетхъ-Али-Ханъ мѣшалъ этотъ спиртъ на половину съ ромомъ и достигалъ въ нѣкоторой степени своей цѣли, выпивъ заразъ отъ двухъ до трехъ и болѣе стакановъ этаго огненнаго напитка. Покойный Шахъ былъ тоже преданъ тайно употребленію запрещенной влаги: послѣ его смерти найдено въ его погребѣ безчисленное множество бутылокъ Ширазскаго вина. Онъ не взыскивалъ за этотъ грѣхъ и съ своихъ приближенныхъ. Въ одно изъ своихъ путешествій,

на обратномъ пути въ Тегеранъ, Фетхъ-Али-Шахъ, взъѣхавъ на Кафланъ-кухъ, хребетъ горъ, отдѣляющій Адербаеджанъ отъ Хамсы, и слѣдовательно и отъ Ирака, сказалъ Тебризскому Беглербегу, о которомъ мы сей-часъ говорили, «О! какъ пріятно мнѣ здѣсь! До меня доходитъ запахъ Иракк». Беглербегъ, думая что дѣло идетъ объ аракѣ (водкѣ), началъ клясться бородою, могилою своего отца, и всѣмъ что̀ было для него свято, что въ этотъ день онъ не бралъ въ ротъ ни какого крѣпкаго напитка. Шахъ много тѣшился этимъ недоразумѣніемъ.

Въ числѣ характеристическихъ анекдотовъ о Фетхъ-Али-Шахѣ, какъ не упомянуть о томъ, который болѣе всѣхъ можетъ интересовать Русскаго, именно объ участи постигшей великолѣпную хрустальную кровать, посланную нашимъ Дворомъ въ подарокъ Падишаху Ирана. Кто изъ Петербургскихъ жителей не спѣшилъ любоваться на чудесное произведеніе здѣшняго стекляннаго завода, которое должно бы было жить вѣки на славу Русскихъ мастеровъ?—Въ книгѣ судебъ написано было иначе. Когда привезли это диво въ Тегеранъ, восхищенный Шахъ приказалъ поставить его въ одной изъ великолѣпнѣйшихъ залъ своего дворца: это было ис-

полнено Русскимъ чиновникомъ г. Носковымъ, который привезъ кровать въ столицу Персіи. Фетхъ-Али-Шахъ долго немогъ наглядѣться на свое великолѣпное ложе, и всѣ придворные, осматривая его, держали по цѣлымъ часамъ пальцы во рту отъ удивленія. Персидскіе поэты писали оды къ этой кровати; въ Тегеранѣ только и говорили-что о хрустальной кровати, «которая сіяетъ подобно тысячи одному солнцу». Между тѣмъ возгорѣлась война съ Россіей. Эривань была взята, Нахичевань также. Русскіе приближались къ стѣнамъ Тебриза. Въ одно прекрасное утро, Шахъ, возвратившись съ прогулки, проходилъ мимо той залы гдѣ стояли подарки Русскаго Государя. Красота кровати соблазнила Убѣжище Міра: не смотря на войну, ему захотѣлось полежать на ней. Вздумано, сдѣлано. Спустя не болѣе чертверти часа послѣ того какъ «тѣнь Аллаха» улеглась и покоила уставшіе члены, пріѣзжаетъ чапарь (курьеръ) изъ Тебриза съ извѣстіемъ, что главныя города Адербаеджана и мѣстопребываніе наслѣдника Персидскаго престола, заняты Русскими. Бѣшенство Шаха, когда онъ узналъ объ этомъ, не имѣло границъ. Онъ по суевѣрію своему, приписалъ взятіе Тебриза, невѣрной кровати, на которой онъ въ тотъ день первый

разъ расположился. Тотчасъ велѣлъ онъ разобрать этотъ даръ, уложить его въ ящики, въ которыхъ хрусталь была привезена, и поставить въ подвалы. Ревность слугъ Шаха, къ исполненію какъ можно скорѣе его воли, была такъ велика, что они въ торопяхъ переломали много кусковъ. Съ тѣхъ поръ ни кто не видалъ болѣе знаменитой кровати, и вѣроятно никто ее уже и не увидитъ.

Но гнѣвъ Шаха не ограничился разрушеніемъ кровати: онъ принялся перебирать въ умѣ, кто бы еще, кромѣ этой хрустали, могъ быть причиною взятія Тебриза. Свѣтлая идея мелькнула въ головѣ его, и онъ тотчасъ же послалъ за Аллаяръ-Ханомъ.

Аллаяръ-Ханъ, происходящій изъ фамиліи Каджаровъ, то есть, нынѣ царствующаго дома, носитъ почетное званіе Асифу-дъ доулета, «Государственнаго Соломона,» и женатъ на одной изъ дочерей Шаха. По этому видно что онъ довольно важный человѣкъ въ Государствѣ.

Пославъ за нимъ, Шахъ отправился въ одно изъ отдѣленій своего дворца, выходящее окнами на большой мейданъ (площадь) и приказалъ разослать передъ ними коверъ. Аллаяръ-Ханъ, привыкшій къ частымъ посылкамъ Шаха, который любилъ его общество, припаря-

дился какъ слѣдуетъ; надѣлъ шалевую *киче*, богатую *чуху* и заткнулъ за поясъ, осыпанный дорогими каменьями, кинжалъ. Его однако жъ удивило приказаніе Шаха, явиться не во внутреннія комнаты дворца, а на большой мейданъ, предъ тѣмъ флигелемъ дворца, изъ котораго Шахъ обыкновенно смотрѣлъ разныя *телаши*, (зрѣлища), происходящія на площади. Когда тотъ явился на назначенное мѣсто, Шахъ далъ ему окончить всѣ обыкновенные поклоны и льстивыя фразы, и потомъ началъ: «Какъ съ близкимъ къ Шаху лицемъ, хотѣли мы съ тобой поговорить о постигшемъ насъ несчастіи. Ты знаешъ что невѣрные овладѣли Тебризомъ?»— «Слышалъ я, отвѣчалъ онъ, что непобѣдимая армія Вашего Величества побѣждена этими проклятыми, и сердце мое, преданное Шаху, превратилось въ воду отъ горести. Но Аллахъ великъ, и если только тѣнь вашего благорасположенія неуменьшится для вселенной . . . . .» —«Вздоръ» грозно проговорилъ Шахъ. «Вздоръ! Моя тѣнь тѣнью, а ты долженъ знать, что всему этому причиною ты». — *Истагфиръ Аллахъ!* Избави Боже! могу ли я, ничтожнѣйшій рабъ, недостойный лобызать прахъ туфлей вашихъ, быть причиною такого важнаго происшествія? Что я за собака, чтобъ быть при-

чиною взятія Тебриза? Развѣ я не готовъ броситься въ *джегеннемъ* (въ адъ), для пользы службы моего Шаха и благодѣтеля?» — «Полно врать, старая лисица! не ты ли мнѣ совѣтовалъ начать войну съ Русскими»?—«Правда, я былъ въ числѣ тѣхъ, которые совѣтывали вамъ, Падишахъ, стязать рай и прославить оружіе ваше уничтоженіемъ этихъ злыхъ. Да успѣхъ этого зависѣлъ не отъ меня». — «Врешь! Ты увѣрялъ меня что войско мое непобѣдимо». — «Да кто жъ можетъ противостать силѣ Падишаха, Убѣжища Міра!» — «Молчи, не увеличивай моего гнѣва; я выучу тебя впередъ подавать мнѣ совѣты мудрые и знать толкъ въ дѣлахъ». Съ этими словами Шахъ хлопнулъ въ ладони и явились четыре *ферраша*, «постельничіе» съ колодкою и палками; повалили государственнаго Соломона на коверъ, заключили ноги его въ роковыя доски, и по знаку «тѣни Аллаха на землѣ» отколотили преизрядно по пятамъ зятя Его Величества. Государственный Соломонъ лежалъ три недѣли съ распухшими ногами послѣ этой попытки въ мудрости *.

* Впрочемъ точность повелѣваетъ сказать, что Асифу-дъ-доулетъ, значитъ не государственный Соломонъ, — но государственный великій везирь Соломоновъ. По преданіямъ восточныхъ, Асифъ былъ визиремъ Соломона, и отнюдь не уступалъ ему въ мудрости.

Расказавъ такимъ образомъ причуды Фетхъ-Али-Шаха, долгъ вѣрнаго историка велитъ мнѣ отдать честь трудамъ, понесеннымъ покойнымъ повелителемъ правовѣрныхъ на поприщѣ отечественной литературы. Фехтъ-Али-Шахъ писалъ стихи и *диванъ* или собраніе его стихотвореній находится теперь въ Петербургѣ въ Публичной Библіотекѣ. Услужливость, ученаго Профессора восточныхъ языковъ при Казанскомъ Университетѣ, Каземъ-Бека доставила мнѣ случай ознакомиться съ произведеніями дѣда нынѣ царствующаго Шаха. Вотъ свѣденія которыя, доставилъ мнѣ г. Каземъ-Бекъ.

Диванъ Шаха начинается предисловіемъ, написаннымъ самымъ высокопарнымъ напыщеннымъ слогомъ новѣйшихъ Персидскихъ прозаиковъ. Сочинитель этаго предисловія, котораго имя неизвѣстно, былъ вѣроятно тотъ, кто первый, по повелѣнію Шаха, собралъ его разнородныя стихотворенія. Весьма примѣчательно что въ этомъ диванѣ несоблюденъ обыкновенный порядокъ, требуемый необходимо отъ каждаго прозаика и стихотворца. Въ Персіи и вообще на Востокѣ все предпринимается съ благословеніемъ Божіимъ, а потому всякое сочиненіе должно начинаться воззваніемъ къ Аллаху и хвалами Мугаммеду. У Фетхъ-Али-Шаха

этаго нѣтъ, онъ прямо приступаетъ къ дѣлу и начинаетъ описаніемъ дивной красоты своей возлюбленной. Вотъ содержаніе первыхъ стиховъ, которые представляю въ подстрочномъ переводѣ прозой, изъ опасенія, чтобы не пожертвовать иногда, въ пользу звучнаго стиха, оригинальностію подлинника. Послушайте эти пылкіе чисто восточные восторги.

«Локоны твои, — эмблема райскихъ цвѣтовъ! Твой взглядъ ежеминутно разтерзываетъ душу пронзительными стрѣлами, а яхонтъ губъ твоихъ даруетъ силу умирающему тѣлу. Твой взоръ предвѣщаетъ безсмертіе старцамъ и юношамъ».

«Яхонтъ губъ твоихъ беретъ душу чтобы дать сорвать съ себя поцѣлуй. О прелесть моя! возьми мою душу, только дай мнѣ поцѣлуй».

Большой охотникъ до поцѣлуевъ былъ Фетхъ-Али-Шахъ, скажете вы; да кажется что такъ и девять сотъ тридцать пять человѣкъ потомковъ, служатъ достаточными живыми доказательствами пылкости чувствъ его.

Фетхъ-Али-Шахъ однако отвлекъ насъ слишкомъ далеко отъ Тебриза. По прошествіи нѣсколькихъ дней, миновалъ страхъ, овладѣвшій всѣми при полученіи перваго извѣстія о смерти Шаха. Персіяне мало по-малу свык-

лись съ мыслію о кончинѣ человѣка, котораго имя въ теченіи сорока лѣтъ стояло у нихъ почти наравнѣ съ именемъ Аллаха. Мугаммедъ Мирза, сынъ покойнаго Аббасъ-Мирзы, бывшаго наслѣдникомъ Персидскаго трона, былъ, по смерти отца своего, назначенъ дѣдомъ своимъ Фетхъ-Али-Шахомъ, заступить по немъ его мѣсто. Съ этимъ званіемъ Мугаммедъ-Мирза жилъ въ Тебризѣ, и имѣлъ въ своемъ управленіи весь Адербаеджанъ и все регулярное войско. Спустя нѣсколько дней онъ назначилъ у себя во дворцѣ селямъ, «поклонъ». Всѣ придворные, находящіеся при его особѣ, духовенство, представители купечества, явились для поздравленія новаго Шаха. Молодой Монархъ сидя на тронѣ, сказалъ краткую рѣчь, въ которой изъяснилъ сокрушеніе свое о кончинѣ дѣда и объявилъ, что онъ въ скоромъ времени намѣренъ ѣхать въ Тегеранъ, чтобы принять бразды правленія.

Вечеромъ въ тотъ же день получены изъ Тегерана довольно непріятныя вѣсти. Зелли-Султанъ, одинъ изъ старшихъ сыновей покойнаго Шаха, жившій въ Тегеранѣ, узнавъ о смерти отца, провозгласилъ себя Шахомъ и ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ и слышать ничего о законномъ наслѣдникѣ престола. Въ числѣ

множества глупостей, которыя этотъ Принцъ надѣлалъ въ свое короткое княженіе, онъ писалъ Мугаммедъ-Шаху, приглашалъ его оставаться спокойно въ Тебризѣ, сохранялъ ему всѣ званія, дарованныя покойнымъ дѣдомъ, и увѣрялъ, что онъ, его государь и повелитель, уважая память и исполняя волю августѣйшаго родителя своего, будетъ всегда почитать Мугаммеда законнымъ своимъ наслѣдникомъ. Это письмо, и другія частныя извѣстія, изъ которыхъ видно было, что Зелли-Султанъ, овладѣвъ Шахскою казною, сыплетъ горстями деньги, чтобы пріобрѣсти себѣ друзей, безпокоили нѣсколько Мугаммедъ-Шаха, и онъ началъ помышлять объ отъѣздѣ. Вообще надобно сказать, что Персіяне много думаютъ, въ десятеро больше говорятъ, и почти ничего не дѣлаютъ. Такъ было и въ этомъ случаѣ, гдѣ, напротивъ, надлежало дѣйствовать съ силою и твердостію, какъ того требовали обстоятельства. Въ Персіи не возможно кончить самаго пустаго дѣла безъ ужасной потери времени. Никакое событіе, какъ бы оно важно ни было, не заставитъ Персіянина отстать отъ его привычекъ. Ни какой разговоръ не обойдется безъ трехъ кальяновъ табаку, чашки чаю и чашки кофе. — Накурившись и напившись, вы можете, если

достанетъ у васъ времени, приступить къ дѣлу. Всѣ эти продѣлки, сопровождаемыя мудрыми изрѣченіями, освѣдомленіемъ объ исправности вашего мозга, и рыганьемъ, которое у знатныхъ въ большой модѣ, пожираютъ все золотое время такъ, что просидѣвъ часъ у Персіянина, употребишъ три четверти часа на эти пріятныя препровожденія времени.

Теперь надобно вывесть на сцену новое дѣйствующее лице, весьма примѣчательное, — перваго Министра и совѣтника новаго Шаха, лице, которое находилось въ этомъ званіи и при Аббасъ-Мирзѣ; человѣка важнаго по необыкновенному вліянію и на дѣла всей Персіи, и на поступки своихъ государей въ ихъ частномъ быту; однимъ словомъ Мирзу Абуль-Касима, Каймакама и Атабека, то есть, Намѣстника и наставника.

Вообразите себѣ человѣка средняго росту, съ толстымъ брюхомъ, съ карими, всегда прищуренными, глазами, съ довольно большимъ и развалистымъ носомъ, съ жидкою черно-красноватою бородою, съ двумя выходящими изъ-за верхней губы клыками, и вы будете имѣть нѣкоторое понятіе о томъ какъ красивъ былъ Каймакамъ. Одѣвался онъ всегда съ большимъ нерадѣніемъ, ѣлъ до крайности неопрятно; послѣ

всякаго обѣда можно было набрать корзину всякаго провіанту, который по дорогѣ въ ротъ оставался у него въ бородѣ и на платьяхъ. Не знаю, почему не занимался онъ собою: потому-ли, что полагалъ небрежность въ наружности достояніемъ великаго человѣка, званіе, на которое онъ крѣпко мѣтилъ, или потому, что это было въ его природѣ; только трудно было найти въ мірѣ созданіе противнѣе этаго человѣка, который игралъ такую роль въ государствѣ. Его поступки отличались всегда неимовѣрными странностями, все что есть предразсудковъ въ Персіи, сосредоточивалось въ немъ. Интересно было послушать какъ онъ заказывалъ себѣ кушанье. Когда ему принесутъ длинный списокъ блюдъ, изъ которыхъ онъ долженъ былъ назначить то, что ему болѣе нравилось, онъ бралъ въ руки четки и гадалъ по нимъ передъ всякимъ кушаньемъ; и то изъ нихъ, при которомъ оказывалось на отдѣленныхъ шарикахъ четное число, было выбираемо, какъ здоровое на этотъ день; о томъ, которое ознаменовывалось числомъ нечетнымъ, не могло быть и рѣчи.

Вѣрный слуга его, Гасанъ — также лице презанимательное. Это была олицетворенная глупость, и Мирза-Абуль-Касимъ всегда говорилъ,

что именно за эту добродѣтель и держитъ его при себѣ. Глупый прислужникъ былъ, по его мнѣнію, сокровище неоцѣненное. «Посмотрите,» говаривалъ онъ: «это не человѣкъ, а чудо, дайте ему прочесть что хотите, онъ прочтетъ безъ остановки, спросите, что онъ читалъ, такъ, хоть выколи ему глаза, ничего незнаетъ».

Но Каймакамъ рѣшительно былъ умнѣйшій человѣкъ во всей Персіи, и онъ былъ бы уменъ даже въ Европѣ. Честолюбіе и страсть къ деньгамъ составляли основаніе его характера: онъ удовлетворилъ ихъ въ полномъ смыслѣ слова, потому что сдѣлался важнѣйшимъ лицемъ въ государствѣ, управлялъ волею Шаха, и имѣлъ, какъ говорятъ, до четырехъ сотъ тысячь червонныхъ годоваго доходу. У него были два сына: одинъ изъ нихъ, Мирза-Мугаммедъ, былъ визиремъ Мугаммедъ-Шаха, не только въ то время, когда тотъ былъ наслѣдникомъ престола, но и въ началѣ его царствованія.—Другой, Мирза-Али, еще почти ребенокъ, не имѣлъ никакой должности, но былъ очень уважаемъ всѣми. Вся Персія ненавидѣла Каймакама, какъ человѣка недоброжелательнаго и какъ грабителя: взятки, которыя онъ бралъ всюду, превосходятъ всякое описаніе; и говорили, что два его зуба, выходящіе наружу изъ-подъ верхней гу-

бы, съѣдали всѣ доходы Адербаеджана. Хитрость его была необыкновенна. Мнѣ разсказывали очевидцы, что будучи какъ-то приглашенъ къ Англійскому Посланнику для переговоровъ, по одному важному дѣлу, въ которое ему нехотѣлось мѣшаться, онъ пробылъ въ домѣ Посланника восемь часовъ, и избѣжалъ всякаго разсужденія о предметѣ свиданія. Онъ явился туда за два часа до полудня; сперва какъ водится, начались угощенія: когда все унесли, онъ попросилъ Посланника дать ему сладкихъ лимоновъ, потомъ дынь; ѣвши все это очень долго, притворился не совсѣмъ здоровымъ и просилъ позволенія прилечь отдохнуть, увѣряя, что, поспавши съ полчаса, онъ готовъ будетъ говорить о чемъ угодно. Вся эта сцѣна, до сна, продолжалась около двухъ часовъ. Прислонивъ голову къ подушкамъ софы для отдыха, Персидскій дипломатъ пролежалъ въ этомъ положеніи цѣлыхъ пять часовъ съ зажмуренными глазами, между-тѣмъ какъ Посланникъ съ безпокойствомъ ждалъ минуты его пробужденія. Наконецъ его высокостепенность изволилъ возстать, и, узнавъ, что на минаретахъ поютъ уже призывъ къ вечернему намазу, онъ принялся за умовеніе, за молитву, за извиненія передъ хозяиномъ, что пропустилъ часъ, въ который

должно ему ѣхать къ Шаху, и улизнулъ со двора. Таковъ былъ знаменитый Каймакамъ, первый паяцъ въ этой землѣ паяцовъ, гдѣ на каждомъ шагу, при небольшомъ расположеніи къ комическимъ предметамъ, поймаешь оригинальную фигуру, которую можно сейчасъ пустить на балконъ балагана для потѣхи публики. Имя его, сдѣлалось пугаломъ для всей Персіи; но онъ имѣлъ большое вліяніе на Мугаммедъ-Шаха, который былъ, такъ сказать, орудіемъ его воли.

Главныя силы Шаха, то есть, регулярная пѣхота и артиллерія, подъ начальствомъ Эмиръ-Низама, находились тогда въ окрестностяхъ Хоя. Рѣшившись выступить къ Тегерану, Мугаммедъ-Шахъ послалъ къ Эмиръ-Низаму приказаніе, явиться съ войскомъ въ Тебризъ. Черезъ нѣсколько дней, вмѣсто войска, прибылъ изъ Хоя чапаръ съ извѣстіемъ, что ни одинъ солдатъ не хочетъ тронуться съ мѣста прежде, нежели получитъ должное ему жалованье: инымъ не было оно выдано за пять и за шесть лѣтъ! Эта новость произвела тревогу: казна новаго Шаха оказалась несостоятельною, а между-тѣмъ отвсюду раздавались крики—«денегъ, денегъ»! Денегъ рѣшительно не было. Вся надежда была на несмѣтныя богатства Каймака-

ма; но его Высокостепенность не подавалъ знака жизни и прикидывался бѣднякомъ. Положеніе Шаха было отчаянное: надобно было однакожъ начать что-нибудь. Знаменитый Персидскій *иншаллахъ*, (Богъ дастъ), вывелъ изъ бѣды. Послали вторичнаго курьера къ Эмиръ-Низаму, приглашая его привести войско и обѣщая солдатамъ, что по прибытіи ихъ въ Тебризъ они будутъ удовлетворены. А изъ какихъ суммъ, этаго никто не зналъ. *Инщаллахъ*, найдутся! Хотя вообще Персіяне не привыкли очень много довѣрять своему правительству, однако, на этотъ разъ, кажется Аллаху точно было угодно подать руку помощи Мугаммедъ-Шаху: войско пришло и расположилось лагеремъ за стѣнами Тебриза.

ГЛАВА X.

—

Персидскій лагерь.—Башня съ которой бросаютъ невѣрныхъ женъ.—Эмиръ-Низамъ.—Вечерняя заря.—Персидское войско.—Сарбазы.—Кавалерія.—Артиллерія.—Али-Ханъ, *Насакчи-Баши*.—Разговоръ о Каймакамѣ.—Мугаммедъ-Вели-Мирза.—Злодѣйское умерщвленіе Касимъ-Хана.

Я сожалѣю, что мои читатели не могутъ поѣхать со мною въ лагерь Персидскаго регулярнаго войска. Чудеса да и только! Какъ не посмотрѣть на этотъ знаменитый лагерь! Аллахъ! Неси меня конь мой. Вотъ мы проѣхали базары. Вотъ, въ двухъ шагахъ оттуда, домъ Тебризскаго Беглербега, Фетхъ-Али-Хана, кото-

рый вѣрно молится о душѣ покойнаго Падишаха съ стаканомъ рому въ рукахъ. Его ферраши валяются у дверей съ длинными палками, и ждутъ не прикажетъ ли высокостепенный господинъ отогрѣть кому пятки палками или взамѣнъ палокъ, взять съ него золота. А вотъ и городская стѣна: только миновать возвышенное мѣсто, гдѣ правовѣрные часто творятъ свои намазы, и мы у воротъ города. Тѣхъ, которые отправляются въ Тебризъ, не худо предварить, чтобы они проѣзжали осторожно по этому дряхлому мосту, висящему надъ глубокимъ рвомъ, и нетрогали бы своей лошади ни шпорами, ни плетью: не то, съ ними какъ-разъ случится то, что случилось съ однимъ Французомъ. Онъ ѣхалъ по этому же самому мосту, и вздумалъ школить своего коня. Конь зафыркалъ, сталъ на дыбы и свалился черезъ перилы въ ровъ, такъ, что нашли однѣ косточки Француза и его коня. Наконецъ мы за-городомъ. Надобно еще миновать теперешній арсеналъ съ высокою башнею, — скверное мѣсто, откуда бросаютъ невѣрныхъ женъ. Мнѣ расказывали примѣчательный случай. Разъ какъ-то была присуждена къ этому наказанію одна молоденькая женщина, которую уличили въ невѣрности къ мужу. Ее взвели на вершину

башни, которая ужасно высока, и оттуда толкнули въ ровъ. Къ счастію прелестная преступница сохранила на себѣ много одежды: тугія парчевыя юбки и шаровары, образовали вокругъ нея родъ парашюта; она довольно долго удерживалась въ воздухѣ, и, упавши въ ровъ только повредила себѣ немного ногу. Персидскіе законники, видя въ этомъ перстъ Божій, обличающій невинность женщины, не позволили возобновлять надъ нею казни и приказали мужу принять ее обратно въ свой домъ.

Поворотивъ отъ башни на лѣво и проѣхавъ нѣсколько шаговъ мимо рва, потомъ длинною и широкой улицей, я увидѣлъ на право большую равнину: что-то бѣлое, что-то красною, шумъ, безпорядокъ, суета. . . . Это Персидскій лагерь! Я счелъ долгомъ прежде всего засвидѣтельствовать мое почтеніе начальнику.— «Гдѣ высокостепенный Эмиръ-Низамъ»? Этотъ вопросъ былъ предложенъ мною одному изъ его людей.

«Въ своей палаткѣ, *сагибъ!* отвѣчали мнѣ. Я поѣхалъ къ нему.—*Эсселямъ алейкюмъ! Алейкюмъ селямъ!* Пошли обоюдные возгласы при видѣ другъ друга; за тѣмъ «пожатіе руки съ притряской,» освѣдомленіе о состояніи нашихъ мозговъ, и такъ далѣе. Слава Аллаху, кончи-

лась проклятая прелюдія! Эмиръ-Низамъ, усѣвшись и усадивши меня кричитъ:—*Бечега! калі-унъ!* «Ребята, кальянъ»! Тутъ онъ разсыпался въ изъявленіяхъ своего сожалѣнія, что рѣдко со мною видится (я едва зналъ его) и, наговоривъ три короба всякой всячины, коснулся неизбѣжнаго предмета, Европы, которую онъ зналъ только въ лицѣ Россіи, бывши въ Петербургѣ съ Хозровъ-Мирзою. Отъ Европы не далеко до *Енги дюнья,* «Новаго Свѣта,» или Америки, которая для Восточныхъ еще столько же нова, какъ была для насъ въ день смерти Христофора Колумба. Вотъ какимъ образомъ зашла рѣчь объ этомъ. Онъ началъ говорить о безконечномъ протяженіи Россіи отъ береговъ Аракса до Невы; оттуда свернулъ онъ на разстоянія вообще и вдругъ спросилъ меня: «скажите, пожалуйте, сколько агаджей (7 верстъ) отъ Тебриза до Новаго Свѣта»? Не запинаясь ни мало, я отвѣчалъ ему наугадъ «тридцать пять тысячь агаджей»!—«А сколько будетъ до туда мензилей (станцій)»?—Навѣрное не упомню», отвѣчалъ я, «знаю что около десяти тысячь».— Остальная часть разговора не представляла ничего интереснаго,—все повторенія однаго и того же, хвастливыя фразы съ обѣихъ сторонъ, запутанные комплименты, которые даже не вхо-

дятъ въ ухо, а летаютъ по воздуху какъ мухи. Раскланявшись съ главнокомандующимъ сухопутныхъ силъ «новаго царя царей,» я былъ вполнѣ вознагражденъ за его невѣжество зрѣлищемъ восточной природы, столь умной въ своемъ великолѣпіи, столь искусной въ употребленіи богатыхъ красокъ своихъ. Дѣло шло къ вечерней зарѣ, когда я вышелъ изъ палатки Эмиръ-Низама. Солнце, этотъ царь восточныхъ странъ, уже скрылось за горизонтомъ, уже утонуло въ волнистыхъ очеркахъ невысокаго хребта, синѣющаго вдали; но послѣдніе, прощальные лучи еще радовали глазъ, золотя или лучше сказать, зажигая вершины красныхъ горъ, стоящихъ по ту сторону Тебриза. Развалины Решидіе, замка построеннаго Решидомъ, Визиремъ Шаха Казана, шесть сотъ лѣтъ тому назадъ,—разбросанныя на пологихъ и крутыхъ скатахъ этихъ горъ, рѣзко отдѣлялись отъ ихъ массы. Въ Тебризѣ вечеръ, съ заходящимъ солнцемъ уже самъ по себѣ картина чудесная, необыкновенная. Но прибавьте къ этому заунывное пѣніе муэззиновъ, возвѣщающихъ съ кровли каждой мечети часъ молитвы къ Всесильному, эти вопли, дикіе для Европейскаго уха, но отнюдь не безъ гармоніи, и которыя я бы уподобилъ стонамъ души, преданной вѣчнымъ

мукамъ; прибавьте шумъ безалаберной музыки въ лагерѣ, барабанный бой, оклики часовыхъ; вообразите себѣ все это поражающимъ въ одно мгновеніе слухъ и зрѣніе ваше, и вы невольно забудете невѣжество, лагерь и комплименты Персіянъ. Это разнообразное представленіе, эта смѣсь чего-то святаго съ чѣмъ-то грубымъ, самая нестройность звуковъ, при видѣ исполинскаго рисунка, набросаннаго рукою Создателя, произвели надо мною несказанное впечатлѣніе. Я до того заглядѣлся и заслушался, что долго не могъ прійти въ себя, долго не могъ различить, что это за муравьи суетятся вокругъ меня, какъ я очутился среди ихъ, и что за крошечные бѣленькіе домики окружаютъ меня со всѣхъ сторонъ. Эта вторая картина, видъ лагеря, казалось мнѣ такою незначительною и нищенскою, что я думалъ видѣть передъ собою безсмысленную пародію того пышнаго зрѣлища, которымъ за минуту я восхищался.

Страненъ Персидскій лагерь для Европейскаго глаза, соединяющаго всегда съ понятіемъ о войскѣ, идею необыкновеннаго порядка и однообразія. Вовсе не такъ у этихъ сыновъ Востока: эти палатки всѣхъ возможныхъ видовъ и величинъ, круглыя, четырехъ-угольныя, восьми-угольныя, овальныя, высокія, плоскія, огром-

ныя, маленькія, разбросаны были въ лирическомъ безпорядкѣ по равнинѣ. Ослы, лошаки, верблюды, привязанные къ палаткамъ, жуютъ свою порцію *самана* (рубленой соломы) или ячменю, или прогуливаются между ними, запутываясь въ веревкахъ, прикрѣпляющихъ къ землѣ ставки, которыя расположены такъ неудачно, что представляютъ настоящій образъ паутины. Еслибъ непріятель напалъ ночью на Персидскій лагерь, нельзя себѣ вообразить, какой безпорядокъ могъ бы произойти отъ тревоги: бо́льшая часть солдатъ передавила бы другъ друга, не будучи въ состояніи выбраться изъ этаго хитросплетенія веревокъ и кольевъ.

Надобно признаться, что вообще, Персидскій солдатъ, какъ пѣхотный, такъ кавалерійскій и артиллерійскій, вовсе не имѣетъ воинственнаго виду. Нарисовать *сарбаза* (регулярнаго пѣхотинца) очень не трудно. Можно начать съ головы или съ ногъ, это все равно. Голова его выбрита, за исключеніемъ *зюльфовъ* (пуклей на вискахъ) и *чуба* (хохла на маковкѣ), и прикрыта черной бараньей шапкой. Изъ этого видно, что голова солдата ни чѣмъ не отличается отъ головъ гражданскихъ чиновниковъ и прочаго народонаселенія. Красный однобортный мундиръ съ широкими полами, сидитъ на

немъ мѣшковато, и горестный видъ воина, заключеннаго въ эту странную для него оболочку, ясно доказываетъ что она ему не по вкусу. Широкіе бѣлые шаровары, собранныя внизу и прикрѣпленныя въ полъ-икры ремнями башмаковъ въ родѣ сандалій, заставляютъ его вздыхать по своимъ длиннымъ *киче* и *чухѣ*, какъ по одѣянію болѣе благопристойному, или, по-крайней мѣрѣ, болѣе сообразному съ его понятіемъ о благопристойности. Портупея и перевязь лежатъ на крестъ на его груди, и большое ружье, тяжестію своею, кажется, такъ и давитъ его къ землѣ. Все это надѣто и держится криво и косо. Съ сотворенія міра и по нынѣ, ни одинъ человѣкъ, съ оружіемъ въ рукахъ прогуливающійся по земному шару, не имѣлъ такого страннаго, смѣшнаго и вмѣстѣ жалкаго виду. Хотя Англійскіе офицеры, находящіеся въ службѣ его Шахскаго Величества, стараются образовать войско, не жалѣя ни Goddam'овъ ни другихъ энергическихъ восклицаній, при обученіи солдатъ, однако все что-то не ладится. Примѣтивъ впереди себя караулъ, который занимался вечернею зарею, я поѣхалъ къ нему, и увидѣлъ довольно курьозныя вещи. Несчастный барабанщикъ и два или три флейщика, ни сколько не думая о томъ, что всѣ они за-

пяты однимъ и тѣмъ же дѣломъ, работали всякой по-своему; безъ малѣйшаго уваженія къ такту и гармоніи. Въ это время караулъ стоялъ подъ-ружьемъ, выстроившись въ наикривѣйшую по возможности линію, и представляя собой самое безпорядочное цѣлое, какое только можно вообразить. Иные стояли сложивъ подъ ружьемъ руки, другіе почесывали въ головѣ, и такъ далѣе. Англійскій Офицеръ стоялъ съ боку и командовалъ ими по-Персидски. По пробитіи зари, онъ прокричалъ громко— направо! Тутъ пошла каша неизъяснимая: цѣльные обороты и полу-обороты, обороты на право и на лѣво, на лѣво-кругомъ, все это смѣшалось вмѣстѣ; музыка, состоящая изъ множества флейтъ и барабановъ, большихъ и маленькихъ, грянула изо-всей мочи, и караулъ двинулся съ мѣста въ такомъ же порядкѣ, въ какомъ стоялъ на мѣстѣ. Я поѣхалъ дальше къ артиллеріи: она покрасивѣе пѣхоты, и польза отъ нея должна быть дѣйствительнѣе. Пушки хорошо содержатся, люди вообще гораздо расторопнѣе и, какъ говорятъ, любятъ свое дѣло и подаютъ надежды на будущее. Но, для непривычнаго глаза, чрезвычайно смѣшно видѣть артиллериста съ банникомъ въ рукахъ и въ этой одеждѣ. Упряжка ихъ похожа на нашу; однако она нѣ-

сколько опасна, потому что подъ пушки употребляютъ все жеребцовъ, отчего происходятъ иногда несчастія. Тебризскій арсеналъ, надъ которымъ начальствуетъ нѣкто Мугаммедъ-Али Ханъ, человѣкъ смышленый, который ѣздилъ въ Англію и не даромъ совершилъ это путешествіе, могъ бы снабжать артиллерію хорошими лафетами; но великая скупость и небреженіе правительства не позволяютъ завести ничего путнаго, такъ, что колеса въ иныхъ орудіяхъ до-сихъ поръ некрашены. Верблюжья артиллерія, кажется, можетъ быть признана оружіемъ совершенно безполезнымъ, какъ по неправильности своихъ выстрѣловъ, такъ, и по недостаточной силѣ снарядовъ, не говоря уже объ той ужасной медленности, съ какою она во время дѣла должна дѣйствовать. Вообще, должно сказать, что изъ Персіянъ трудно, если не невозможно, сдѣлать хорошихъ воиновъ: необыкновенная трусость, всеобщая въ Персіи, есть первое и главное препятствіе; а присоединивъ лѣнь и нерадѣніе, трудно вообразить себѣ, чтобы при такихъ условіяхъ можно было устроить какую-нибудь армію. Регулярной кавалеріи, вовсе нѣтъ: говорятъ, что новый Шахъ имѣетъ намѣреніе завести нѣсколько эскадроновъ, но отъ намѣренія до исполненія

долга пѣсня; а то, что толкуютъ объ Азіатскомъ наѣздничествѣ, совсѣмъ не такъ страшно, какъ оно кажется въ краснорѣчивыхъ описаніяхъ. Ни одинъ наѣздникъ не вступитъ съ непріятелемъ въ рукопашный бой, и ни одинъ изъ нихъ неумѣетъ порядочно стрѣлять съ лошади, правда, что всѣ они владѣютъ конемъ какъ собственными ногами: но что въ этомъ за польза, если у нихъ нѣтъ столько духа чтобы наскакать на противника? Къ тому же число кавалеристовъ, которые имѣютъ хорошихъ лошадей, весьма ограниченно, и большая часть ихъ, будучи бѣдны, ѣздятъ на такихъ клячахъ, что Боже упаси. Лошадь Персидской или Арабской породы не означаетъ еще хорошей лошади; есть Азіатскіе кони, на которыхъ тамъ разъѣзжаютъ съ мечемъ въ рукахъ, такіе, что ни дать ни взять, наши водовозные или извощичьи одры.

Персидскіе Офицеры—лица весьма забавныя. Одежда ихъ состоитъ изъ сюртука доходящаго до колѣнъ, съ шитымъ воротникомъ и съ густыми эполетами; изъ панталонъ, засупутыхъ подъ сапоги, и изъ той же бараньей шапки. Не понимая ничего изъ своего дѣла, они ужасные охотники разглагольствовать и хвастать. Одѣтые въ такую форму, они имѣютъ видъ

самый оффиціальный, и на лицѣ у нихъ написано, что они почитаютъ себя выше всего на свѣтѣ. Англичане, обучающіе солдатъ, не входятъ въ хозяйственныя распоряженія о продовольствіи, выдачѣ жалованья и такъ далѣе; эта обязанность возложена на Персидскихъ Офицеровъ и военачальниковъ, которые, не считая за грѣхъ класть въ карманъ деньги, проходящія черезъ ихъ руки, обкрадываютъ бѣдныхъ солдатъ съ неслыханною наглостью. Причисляя себя къ просвѣщеннымъ людямъ государства, они соображаются во всемъ съ пріемами высшаго сословія. Отличительная черта этихъ людей, какъ постигающихъ Европейскіе обычаи, и первый шагъ ихъ къ просвѣщенію, есть употребленіе бѣлыхъ носовыхъ платковъ, которые обыкновенно бываютъ не обрубленные, такъ что нитки, какъ бороды, висятъ съ краевъ. Эмиръ-Низамъ изъ щегольства, всегда вертитъ въ рукахъ свой носовый платокъ.

Въ лагерѣ, встрѣтилъ я знакомца моего, Али-Хана, *Насакчи-Баши*, начальника жандармовъ: я очень радъ былъ съ нимъ видѣться; онъ страшный болтунъ и иногда довольно оригинальный; я пригласилъ его ѣхать со мною изъ лагеря въ городъ. Дорогою наговорилъ онъ мнѣ множество новостей, по большой части

выдуманныхъ, и объявилъ, что отправляется въ Тегеранъ въ свитѣ Шаха. Фигура этаго Али-Хана и его образъ изъясненія преуморительны. Огромные бычачьи глаза на выкатѣ, расплюснутый носъ, безконечный ротъ, всё лице въ морщинахъ и желто-коричневаго цвѣта. Мы ѣхали шагомъ. Отъ политическихъ новостей перешелъ онъ къ разнымъ баснямъ и прибауткамъ, и цѣлые полчаса докладывалъ мнѣ какой-то анекдотъ, объ обезьянѣ и человѣкѣ, сопровождая разсказъ ужимками и тѣлодвиженіями, достойными обезьяньей исторіи, такой запутанной и безтолковой, что я окончательно ничего не понялъ. Я предпочелъ обратить его къ предшествовавшему.

— Незнаете ли вы чего нибудь о Каймакамѣ, спросилъ я его: мнѣ бы хотѣлось знать что-нибудь объ немъ; онъ человѣкъ необыкновенный.

— Ба! необыкновенный! возразилъ онъ, приподнявъ съ видомъ презрѣнія нижнюю губу къ верху, отчего лице его наморщилось какъ грибъ, обданный кипяткомъ.

— Развѣ вы Каймакама считаете дуракомъ что отзываетесь объ немъ съ такимъ презрительнымъ видомъ?

Али-Ханъ испугался, думая, что я хочу донести на него; но я скоро разувѣрилъ и успокоилъ его, смѣясь въ душѣ объ его страхѣ. Разговоръ пошелъ своимъ порядкомъ.

— Разскажите мнѣ, Ханъ, что-нибудь о Каймакамѣ, сказалъ я съ улыбкою, чтобы ободрить его: клянусь вамъ головою, ни одна душа въ Персіи не узнаетъ того, что вы мнѣ сообщите.

— Да что я вамъ стану разсказывать про этого мерзавца! Кромѣ низкихъ поступковъ я за нимъ ничего незнаю.

— Какъ, мерзавца? закричалъ я довольно громко. Неужели Каймакамъ мерзавецъ!

— Ахъ, ради Аллаха, какъ вы меня пугаете! сказалъ Али-Ханъ. Мнѣ все кажется, что какой нибудь наушникъ Каймакама подслушиваетъ насъ, и мнѣ придется плохо.

По безотчетному чувству страха, хотя мы были въ чистомъ полѣ, Али-Ханъ сталъ оглядываться во всѣ стороны, но онъ тотчасъ самъ устыдился своей чрезмѣрной трусости и началъ смѣяться надъ ней вмѣстѣ со мною. Потомъ, онъ снова принялъ важный видъ, погладилъ бороду и произнесъ краткую молитву, которую Персіяне часто ни къ селу ни къ городу примѣшиваютъ къ разговорамъ.

—Что жъ, Ханъ, вѣдь вы все еще ничего не разсказали мнѣ про Каймакама? Любилъ ли его покойный Аббасъ-Мирза?

— Такъ любилъ, что не проходило дня, чтобъ онъ его не выбранилъ или не прибилъ. Что онъ за человѣкъ, этотъ Каймакамъ! Пхе!.. онъ не человѣкъ; дрянь. Я напримѣръ, такъ дѣло другое: мнѣ отъ роду шестьдесятъ лѣтъ; въ службѣ я уже сорокъ лѣтъ, и двадцать три года находился при покойномъ *Наибъ-Султанѣ* (наслѣдникъ престола) Аббасъ-Мирзѣ, въ должности *Насакчи* и *Насакчи-Баши*. Что онъ за собака чтобъ равняться со мною? Слава Аллаху, я отъ его Высочества покойнаго Наибъ-Султана получилъ въ двадцать три года, за мою примѣрную службу, всего только одну оплеуху, а онъ нахватался оплеухъ, *валлахъ, билляхъ*, ей-ей, болѣе чѣмъ звѣздъ на небѣ.

Я едва не свалился съ лошади со смѣху, и удержалъ порывъ веселости, только для того чтобы продолжать разговоръ, который становился забавнымъ и давалъ въ одной чертѣ полную мѣру низости Персіянъ. Я рѣшился спросить его.

—Скажите однако, эта оплеуха, которую изволилъ дать вамъ его Высочество Аббасъ-Мирза была крѣпкая или нѣтъ?

—Такъ, довольно было больно; у него была тяжелая рука.

—А за что изволилъ онъ васъ ударить?

—Да все за этаго собачьяго сына, Каймакама! Онъ былъ сердитъ на него за его вѣчныя глупости, я какъ-то подвернулся въ ту минуту, сказалъ что-то не впопадъ, онъ меня и хлопъ! *Иншаллахъ,* если угодно Аллаху я когда нибудь оскверню гробъ отца Каймакама!

—По всему вижу я, что вы его не терпите; однако когда бываете у него, то вѣрно говорите, что готовы «принести за него въ жертву вашу голову».

— А что я за дуракъ, чтобы, говорить иначе? Мнѣ дороги глаза мои. Увѣряю васъ, еслибъ онъ узналъ хоть сотую долю того что я вамъ говорю, мнѣ бы не развязаться съ нимъ и на томъ свѣтѣ. Ради Алія, не будемъ больше говорить объ немъ; его имя мнѣ противно.

Мы проѣхали остальную часть пути почти безмолвно. Приближаясь къ моей квартирѣ, я извинился, что немогу пригласить его къ себѣ, потому что заверну домой только на одну минуту, и потомъ опять уйду со двора.

— Прощайте *барунъ,* сказалъ грозный начальникъ исполнительной Полиціи. Еще одно словечко!.... Не можете ли вы, душа моя,

прислать мнѣ еще нѣсколько бутылочекъ того шербету, которымъ вы меня подарили съ недѣлю назадъ.

Съ удовольствіемъ, любезный Ханъ. *Худа гафизъ!*

—Аллахъ да хранитъ сыновъ вашихъ!

Мы разошлись. Приведъ домой, я отправилъ къ старику Али-Хану, шесть бутылокъ мадеры: это и былъ тотъ шербетъ, котораго онъ просилъ у меня.

Я не могу разстаться съ моимъ почтеннымъ другомъ Насакчи-Баши, не разсказавъ здѣсь еще однаго анекдота, который я слышалъ отъ него. Дѣло идетъ уже не о чертахъ природной низости или двуличности, но о вѣроломствѣ, о безчеловѣчіи, до какого иногда доводятъ Персіянъ эти два порока. Надо сдѣлать составъ изъ свойствъ лисицы, кошки и тигра, чтобы получить настоящій Персидскій характеръ. Жители Іезда, которыхъ правителемъ былъ Мугаммедъ-Вели-Мирза,—одинъ изъ сыновей Шаха, дѣйствуя за одно съ кочующими племенами Бахтіяровъ и Шахсевеновъ и самимъ правителемъ, производили большіе безпорядки. Для прекращенія этихъ смутъ, покойный Шахъ принужденъ былъ отправить войско подъ начальствомъ Касимъ-Хана: не смѣю ручаться за вѣр-

ность имени, однако, кажется, оно справедливо. Мугаммедъ-Вели-Мирза, услышавъ о приближеніи войска, бросилъ свой домъ, то есть гаремъ и убѣжалъ изъ города. Касимъ-Ханъ былъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, заклятымъ врагомъ Вели-Мирзы: онъ жестоко наказалъ жителей Іезда, и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы отмстить самому Принцу. Занявъ городъ, онъ выгналъ изъ него постыднымъ образомъ всѣхъ женъ бѣжавшаго правителя. Вели-Мирза жаловался на него отцу, но Шахъ нехотѣлъ взыскать съ твердаго военачальника за неуваженіе къ Царевичу и уговаривалъ сына своего, Вели-Мирзу, забыть это произшествіе. Касимъ-Хана вытребовали въ Тегеранъ. Шахъ призвалъ къ себѣ обоихъ враговъ, обласкавъ ихъ, склонилъ къ миру и заставилъ при себѣ обнять другъ друга. Вели-Мирза отъ всей души простилъ Касимъ-Хана, и, чтобы доказать ему что онъ не гнѣвается, чтобы лучше упрочить новый союзъ, Вели, въ присутствіи Шаха пригласилъ его къ себѣ обѣдать въ тотъ же вечеръ. Касимъ-Хану нельзя было отказаться. Насталъ вечеръ, и онъ отправился къ Принцу. Онъ не могъ однако постигнуть, какимъ образомъ Вели-Мирза такъ скоро и такъ легко забылъ ужасную обиду. Слишкомъ хорошо зная своихъ со-

отечественниковъ, онъ предвидѣлъ измѣну и при входѣ въ домъ Принца хотѣлъ поразить себя кинжаломъ. Его удержали. Принцъ расточалъ передъ нимъ всѣ доказательства искренней дружбы, за обѣдомъ былъ чрезвычайно веселъ, шутилъ, смѣялся, пилъ вино съ дорогимъ гостемъ. Общество, развеселившись, просидѣло до глубокой ночи. Когда разговоръ, смѣхи и шутки были во всемъ разгарѣ, вдругъ отворились двое дверей, и изъ нихъ высыпали въ комнату разъяренныя какъ Фуріи женщины, онѣ бросились на Касима съ ножами, ножичками, иголками, ножницами, булавками, и несчастнаго Хана растерзали на куски этими орудіями. Это были жены Вели-Мирзы, тѣ самыя, которыхъ Касимъ велѣлъ постыдно выгнать изъ Іезда!

ГЛАВА XI.

—

Отъѣздъ изъ Тебриза. — Четыре Шаха. — Войско Мугаммеда. — Миана. — Зенганъ. — Палатка Шаха. — Султаніе. — Имамъ-Верди-Мирза. — Арестованіе Зелли-Султана.

Имѣя намѣреніе отправиться въ одно время съ Шахомъ въ Тегеранъ, я занялся приготовленіями къ путешествію; купилъ себѣ и людямъ походныхъ лошадей, отпустилъ на всякой случай саблю, привелъ въ порядокъ двухъ-ствольное ружье и пистолеты, вооружилъ такимъ же образомъ слугъ, и ждалъ минуты отъѣзда. Но эта минута не наставала. Остановка была за деньгами, и не предвидѣлось конца дѣлу. — Ме-

жду тѣмъ извѣстія изъ внутреннихъ областей Персіи, были не самыя утѣшительныя. Правитель Мазандерана, сынъ покойнаго Фетхъ-Али-Шаха и дядя новаго Государя, Мулькъ-Ара-Мирза, провозгласилъ себя Шахомъ; другой дядя, Гуссейнъ-Али-Мирза, носившій званіе Ферманъ Ферма, «повелителя» правитель Шираза, послѣдовалъ также примѣру брата, и царствовалъ себѣ въ Ширазѣ, въ полной увѣренности, что вскорѣ вся Персія ему покорится. Зелли-Султанъ, подъ именемъ Адиль-Шаха, держался въ Тегеранѣ и не помышлялъ о возможности низложенія своего величія. Такимъ образомъ въ одно время было въ Персіи четыре Шаха, — Тебризскій, Тегеранскій, Ширазскій и Мазандеранскій. Кочующія племена, которыми наводнена Персія, пользовались этимъ безпорядкомъ, грабили по большимъ дорогамъ путешественниковъ, разбивали караваны.— Главнымъ полемъ безначалія, безпорядковъ и разбоевъ были дороги между Тегераномъ, Испаганомъ и Ширазомъ. Адербаеджанъ оставался въ совершенномъ спокойствіи. По всѣмъ этимъ причинамъ надобно было Мухаммедъ-Шаху торопиться выступить изъ Тебриза. На конецъ, пятое число Ноября (1834), назначено было днемъ отъѣзда, потому что добрые люди дали денегъ.

Отрядъ войскъ, составлявшій главныя силы Шаха, отправился впереди подъ начальствомъ Сиръ-Генри-Бетьюна, который оставилъ службу Остъ-Индской компаніи, чтобы вступить подъ знамена Мугаммедъ-Шаха. Сиръ-Генри превосходилъ ростомъ своимъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ людей, даже Персидскаго Каймакама. Онъ умѣлъ объясняться по-Персидски, впрочемъ довольно плохо. Костюмъ его, какъ главнокомандующаго, былъ собственнаго его изобрѣтенія,—мундиръ полу-Англійскій, полу-потѣшный, шитый золотомъ; генеральскія эполеты, огромныя ботфорты, бѣлые панталоны, кирасирскія перчатки, шляпа съ галуномъ и съ длиннымъ бѣлымъ перомъ, кривая сабля и золотыя шпоры. Въ этомъ нарядѣ онъ былъ уморителенъ. Въ его отрядѣ находилось нѣсколько Англійскихъ офицеровъ, одѣтыхъ также фантастически какъ и онъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ выступленія Сиръ-Генри-Бетьюна съ его побѣдоносною арміею, двинулся изъ Тебриза и Мухаммедъ Шахъ съ своею огромною свитою: съ двумя баталіонами пѣхоты и шестью орудіями. Болѣзнь не позволила мнѣ выѣхать въ это время: я долженъ былъ отправиться въ путь, пять дней спустя. Крѣпко скучалъ я, что мнѣ придется одному догонять поѣздъ

Его Величества. Въ чужой землѣ, путешествовать одному, дѣло очень непріятное: это знаетъ каждый, кто бывалъ въ подобномъ положеніи. Но судьбѣ угодно было сжалиться надо мною и даровать мнѣ въ спутники двухъ Англичанъ. Одинъ изъ нихъ, капитанъ Ф***, состоялъ въ службѣ Шаха и велъ въ подкрѣпленіе къ дѣйствующей арміи отрядъ нерегулярной кавалеріи, который онъ набралъ изъ племенъ Авшаровъ Урмійскихъ. Другой спутникъ, былъ купецъ Б***, ѣхавшій въ Тегеранъ по торговымъ дѣламъ. Компанія эта, которая съ перваго взгляду казалась интересною, на дѣлѣ вышла очень скучна. Затрудненіе объясняться,—они оба вмѣстѣ знали по Французски словъ двадцать, а я зналъ только два слова по Англійски,—вѣчные толки капитана о лошадяхъ разныхъ породъ и купца о добротѣ товаровъ Персидскихъ сравнительно съ Англійскими, Великобританская флегма, Остъ-Индскій обѣдъ, состоящій изъ кушаньевъ напитанныхъ жгучимъ перцомъ, солью, уксусомъ и тому подобными ѣдкими принадлежностями кухни по-сю сторону Гангеса. Все это надоѣло мнѣ безмѣрно на третій день нашего странствованія, такъ, что на четвертый я рѣшился оставить свои вьюки, Англичанъ и ихъ отрядъ Авшарской кавалеріи, которая, за немо-

щію коней шла вся пѣшкомъ, и отправился впередъ съ тремя служителями.

Дорога отъ Тебриза до Тегерана столько разъ была описана путешественниками, что совѣстно пользоваться этимъ случаемъ, чтобы описывать ее снова. Притомъ же, что и описывать? «Персія раздѣляется на пустыни соляныя и на пустыни безъ соли», говоритъ одинъ писатель. Я слѣдую его раздѣленію. Довольно знать, что отъ Тебриза до Тегерана считается двадцать *мензилей*, или станцій, и съ небольшимъ сто агаджей, то есть, около семи сотъ верстъ, и что на этомъ пространствѣ есть только два города, Зенганъ и Касбинъ: всѣ остальныя станціи находятся въ болѣе или менѣе значительныхъ селеніяхъ.

И такъ, ограничимся только отмѣткою важнѣйшихъ пунктовъ. Въ числѣ селеній есть одно стоющее вниманія; а именно: Міана, которое иные путешественники и Географы какъ на примѣръ Г. Киннеръ ставятъ въ число достопримѣчательнѣйшихъ городовъ между Тебризомъ и Тегераномъ *. Оно славится хорошими коврами и необыкновенными клопами, извѣстными подъ названіемъ Міанскихъ, они ядови-

* Kinner mémoires Géographiques sur l'Empire de Perse T. 1. p. 226.

ты и не любятъ пріѣзжихъ, туземцамъ же не наносятъ вреда. На границѣ Адербаеджана и Хамсы, гдѣ раскинулся хребетъ Кафланъ-Кухъ течетъ *Кизиль-узенъ* или золотая рѣка.

На одной изъ пологостей Кафланъ-Кухъ, видны развалины какого-то жилища. Эти развалины называются *Кызъ-Кале* т. е. дѣвичья крѣпость. Преданіе гласитъ что катая-то воинственная дѣвица, нѣчто въ родѣ Орлеанской дѣвственницы, построила эту крѣпость и скрывалась въ ней, съ малочисленнымъ гарнизономъ, неизвѣстно мужеска или женска пола, отъ преслѣдованія своихъ непріятелей.

Рано по утру, 24 Ноября, распростившись съ Англичанами, выѣхалъ я изъ станціи Ермагони, и пустился рысью по дорогѣ въ городъ Зенганъ. На ночлегѣ сказывали мнѣ, что я непремѣнно застану Шаха, на половинномъ разстояніи между Ермагони и Зенганомъ. Въ этой утѣшительной надеждѣ я безпрестанно ускорялъ ходъ своей лошади. Упованія мои не сбылись: на мѣстѣ, гдѣ былъ лагерь Шаха, нашелъ я только много соломы и потухшихъ углей. Между-тѣмъ, небо готовило мнѣ праздникъ: отвсюду собирались тучи, одна чернѣе другой; поднялся вѣтеръ и грянулъ дождь, да такой, что черезъ полчаса на мнѣ не было

сухой нитки. Ужаснѣйшій вѣтеръ вырывалъ меня изъ сѣдла: я принужденъ былъ остановиться, нашедши, по счастію, крутой, довольно высокій пригорокъ, за которымъ можно было притаиться. Просидѣвъ съ четверть часа въ этомъ укрѣпленіи, какъ скоро погода улучшилась, я пустился далѣе. Дорога, размытая дождемъ, сдѣлалась до того скользкою, что лошади чуть не падали на каждомъ шагу. Послѣ семи часовъ этой утомительной ѣзды, явились башни и стѣны Зенгана. Шахъ былъ здѣсь; но лагерь стоялъ по ту сторону города. Проѣхать сквозь Зенганъ было не легкое дѣло. Отсталые сарбазы, вьюки, верблюды, дотого загородили узкія улицы, что не было проѣзда. Подвигаясь шагъ за шагомъ, пробирался я цѣлый часъ черезъ городъ. За воротами открывалась равнина. Въ полу-верстѣ виднѣлись палатки, и.... о благополучіе! — Мнѣ бросился въ глаза Русскій орелъ на флагѣ полномочнаго Министра. Палатка Англійскаго посланника находилась не далеко оттуда. Слава Богу, здѣсь опять Европа! Кусокъ сухой ветчины и рюмка портвейна показались мнѣ Мугаммедовымъ раемъ.

Новости, которыя дошли до меня въ Зенганѣ, были очень занимательны. Число приверженцевъ Мугаммедъ-Шаха съ каждымъ днемъ

увеличивалось. Нерегулярная кавалерія, присоединившаяся къ войскамъ Шаха по дорогѣ, простиралась уже до шести тысячь и болѣе. Четырнадцать Принцевъ, сыновей покойнаго Фетхъ-Али-Шаха, находились въ лагерѣ и стали добровольно подъ властъ юнаго Монарха. Однако жъ Тегеранскій, Мазандеранскій и Ширазскій Шахи упорствовали по прежнему, каждый въ своемъ углу. Зелли-Султанъ посылалъ одно письмо за другимъ къ Мугаммеду-Шаху и къ Каймакаму, увѣряя ихъ въ своемъ благорасположеніи и приглашая ихъ въ Тегеранъ къ своему коронованію. Носились слухи, будто онъ выслалъ изъ Тегерана войско подъ начальствомъ брата своего Имамъ-Верди-Мирзы, которое должно было отразить Мухаммеда-Шаха отъ Тегерана ежели онъ захочетъ вступить въ него.

Переночевавъ въ лагерѣ, я пошелъ на другой день смотрѣть оффиціальную палатку Шаха. Величиною будетъ она съ хорошій домъ и внутри раздѣлена на двѣ части: одна изъ нихъ служитъ ему спальнею, а другая пріемною; внутреннія стѣны обиты шелковой матеріей, полы устланы богатыми коврами. Вся палатка обнесена заборомъ изъ холста, прибитаго къ деревяннымъ рамамъ; снаружи заборъ

этотъ обшитъ бѣлымъ полотномъ, а внутри бумажною тканью, на которой прескусно нарисованы на красномъ полѣ солдаты съ ружьями въ рукахъ и въ полной аммуниціи; возлѣ палатки стоитъ часовой и въ нѣкоторомъ отдаленіи родъ почетнаго караула.

Въ Зенганѣ остались до 27 Ноября, все ждали перемѣны погоды. Хорошая причина медлить для человѣка, который идетъ короноваться на царство, и для котораго каждая лишняя минута можетъ стоить хлопотъ, крови и жизни! Двадцать седьмаго числа, выступили изъ Зенгана и пришли вечеромъ въ деревню Султаніе, мѣсто примѣчательное развалинами знаменитой мечети. Вышиною и огромностью своей, эта мечеть превосходитъ всѣ зданія Персіи и можетъ сравниться съ самыми большими строеніями Европы. Куполъ, огромной величины, окруженъ двѣнадцатью минаретами, изъ нихъ въ совершенной цѣлости только три, остальные болѣе или менѣе пострадали отъ времени. Вотъ что разсказывали мнѣ о происхожденіи этой великолѣпной мечети. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ, не помню въ которомъ году, Шахъ Худа-Бенде, Монархъ чрезвычайно благочестивый, вздумалъ перевезти остатки Алія изъ Кербелы и похоронить въ мѣстѣ приличномъ

для помѣщенія костей друга Аллаха; *вели Аллахъ*. На этотъ конецъ приказалъ онъ построить огромную мечеть въ Султаніе. Когда работа этого зданія приходила къ окончанію, то Худа-Бенде увидѣлъ во снѣ Алія, который приказалъ ему оставить себя на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ покоится, благодарилъ его за намѣреніе и объявилъ, что великолѣпная мечеть, которую онъ готовилъ для него, будетъ его собственной могилой, потому что онъ черезъ годъ умретъ. Худа-Бенде, какъ человѣкъ набожный, не испугался предрѣченной ему кончины, но не хотѣлъ быть погребеннымъ въ мѣстѣ, назначенномъ для Святаго, построилъ на этотъ конецъ небольшое зданіе рядомъ съ мечетью и тамъ дѣйствительно онъ и былъ похороненъ. Все это разсказываютъ на мѣстахъ. Нѣкоторыя части уже приходятъ въ разрушеніе, не столько отъ дѣйствія времени, сколько отъ грубаго неуваженія Персіянъ къ памятникамъ своей древности. Эта мечеть вѣроятно сохранилась бы гораздо долѣе, еслибъ Фетхъ-Али-Шаху не вздумалось построить возлѣ нея увеселительнаго дворца, который по истинѣ можно назвать уродомъ Архитектуры. Не достало матеріялу для постройки этого чудовищнаго дворца; Шахъ приказалъ разобрать часть стѣны мечети и

употребить, добытый отъ этой ломки, камень и кирпичь.

Не много осталось теперь отъ великолѣпнаго города Султаніе, о которомъ говорятъ съ такимъ почтеніемъ прежніе путешественники по Персіи: маленькая деревушка и, на большомъ протяженіи разбросанныя развалины домовъ, вотъ и все. Гдѣ этотъ городъ, вмѣщавшій въ себѣ восемьдесятъ тысячъ жителей? Султанійская равнина славится въ Персіи своими пастбищами, и была лѣтнимъ пребываніемъ Фетхъ-Али-Шаха. Тутъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ имѣлъ свиданіе съ Его Величествомъ и выхлопоталъ, между прочимъ, для Русскихъ право являться, ко двору въ сапогахъ. Англичане не пользуются этимъ преимуществомъ, и обязаны, всякой разъ когда ѣдутъ къ Шаху, надѣвать, по подобію всѣхъ Персіянъ, красные чулки и туфли.

Дорогой познакомился я съ однимъ изъ сыновей Фетхъ-Али-Шаха, Принцемъ Мелекъ-Касимъ-Мирзой, который очень порядочно говоритъ по-Французски: этому выучила его нѣкая madame Lamarinière, старая Француженка, которая живетъ въ Персіи уже болѣе шестнадцати лѣтъ и занимается обученіемъ почетныхъ людей своему природному языку. Мелекъ-Ка-

симъ-Мирза—человѣкъ довольно умный, мы съ нимъ много смѣялись порядку, въ какомъ шествовали войска, сопровождавшія Шаха. Всѣ они шли въ разбродъ; барабанщики, для облегченія себя, привязывали барабаны на спины ословъ, примѣру ихъ слѣдовали и другіе солдаты, командируя туда же свои ружья. Кавалерія, умножавшаяся каждый день, тянулась вся вслѣдъ за Шахомъ въ одну безконечную вереницу; шумъ, разговоры, крики, ужасные. Его Величество, почти всю дорогу, ѣхалъ въ нѣкотораго рода каретѣ, запряженной одною лошадью, которую велъ за узду верховой конюхъ.

Изъ Тегерана пришли извѣстія грозныя: Зелли-Султанъ приказалъ войску своему, состоящему подъ начальствомъ Имамъ-Верди-Мирзы, вступить въ рѣшительный бой и трусы увѣряли, что непріятель уже на носу. Дорога здѣсь чрезвычайно скучна, — томительное единообразіе, — камни да камни. Виды Персіи вообще можно сравнить съ театральной декораціей, которою восхищаешься издали, а вблизи не видишь ничего кромѣ грубыхъ красокъ набросанныхъ на толстомъ холстѣ: деревня, городъ, издали кажутся вамъ въ этомъ краю прекрасными, но вблизи вы увидите только ни-

чтожные домишки, по большой части безвкусныя мечети и грязь, на всемъ и во всемъ.

Втораго Декабря, прибыли мы въ городъ Казибнъ, который красивѣе всего, что я видѣлъ въ Персіи. Улицы довольно широки и не очень кривы, нечистота какъ-то меньше замѣтна, площадь передъ дворцомъ Принца, Правителя Казбина, усажена вокругъ чинарами, мечети, выстроены съ большимъ вкусомъ, и только базары не соотвѣтствуютъ всему городу. За городскою стѣною огромное кладбище, усѣянное жертвами холеры и чумы, свирѣпствовавшихъ здѣсь въ одно время въ 1832 году. Эти ужасныя болѣзни обыкновенно являются въ Персіи въ одно и то же время и дѣлаютъ ужасныя опустошенія. Впрочемъ надобно сказать, что чума только въ новѣйшее время дѣлаетъ частыя посѣщенія въ Персіи, прежде проходили многіе десятки лѣтъ, безъ ея появленія.

Въ Кишлокѣ получено новое письмо отъ Зелли-Султана; храбрый Самодержецъ писалъ къ Каймакаму: что, видя непокорность своего племянника Мугаммеда, и его упрямство, онъ, въ случаѣ крайности, возьметъ всѣ драгоцѣнные камни, находящіеся въ Шахской казнѣ, истолчетъ ихъ въ порошокъ и, забравъ всѣ наличныя деньги, убѣжитъ изъ Тегерана, оста-

вивъ Мугаммедъ-Шаху городъ, наполненный неутѣшными вдовами и дѣтьми покойнаго отца своего. Это совершенно по-Персидски!

Дѣло шло не нашутку. Похититель престола грозилъ безчеловѣчными мѣрами, и законный повелитель Ирана понялъ всю важность этихъ угрозъ. Истолочь всѣ каменья, взять всѣ деньги и взвалить на плечи Царю Царей, престолъ оборванный, казну пустую, да еще пять сотъ бабушекъ съ ихъ голоднымъ потомствомъ! Мугаммедъ-Шахъ послалъ парламентеровъ къ начальнику войскъ Зелли-Султана. Имамъ-Верди-Мирза, видя отчаянное положеніе брата и незначительность силъ своихъ, сдался, и войско его, разрядивъ ружья и пушки, вошло въ лагерь Мугаммедъ-Шаха.

Странныя вещи происходили въ Тегеранѣ. Зелли-Султанъ, вмѣсто того чтобъ воспользоваться своимъ шести-недѣльнимъ царствованіемъ, въ теченіе котораго онъ имѣлъ въ рукахъ всю казну, и утвердить похищенный престолъ, какимъ-нибудь образомъ, за собою, провелъ все это время въ увеселеніяхъ, пьянствѣ и развратѣ. Когда пришлось плохо, онъ забралъ кое-какія драгоцѣнности и хотѣлъ бѣжать, но прежде онъ взялъ въ руки четки и сталъ гадать по нимъ, куда бы лучше всего

скрыться. Въ минуту этого гаданья, Беглербегъ Тегеранскій, Мугаммедъ-Багиръ-Ханъ, желая угодить Мугаммедъ-Шаху, который по всѣмъ вѣроятіямъ неминуемо долженъ былъ скоро вступить въ столицу, схватилъ Зелли-Султана, отобралъ у него драгоцѣнныя вещи, и посадилъ его подъ арестъ. Извѣстіе это полученное въ лагерѣ Мугаммедъ-Шаха, произвело необычайную радость, въ знакъ которой, сдѣлали порядочный переходъ изъ Кишлока въ Сулейманію. Дворецъ Сулейманійскій очень хорошъ. Зеркальная зала устроена, съ большимъ вкусомъ, такъ, что можно бы даже сомнѣваться, Персидское ли она произведеніе: не менѣе того оно дѣйствительно такъ. Отъ Сулейманіе до Тегерана будетъ около двадцати двухъ верстъ. Кажется не много, можно бы однимъ переходомъ прибыть въ Тегеранъ, имѣя оттуда такія хорошія извѣстія. Нѣтъ, не льзя! Въ Персіи не льзя предпринимать важныхъ дѣлъ, подобныхъ вшествію новаго Монарха въ свою столицу, не посовѣтовавшись съ астрологами, а они, сообразивъ положеніе звѣздъ, рѣшили, что первый благополучный день для Мугаммедъ-Шаха будетъ не ближе какъ девятаго Декабря, и что въ томъ днѣ есть только одинъ счастливый часъ, именно, за часъ до восхож-

денія солнца. По этой причинѣ, армія Шаха на слѣдующій день вышла изъ Сулейманіе и остановилась за два агаджа (четырнадцать верстъ) отъ Тегерана, близъ Имамъ-Заде-Ибрагима.

Вступленіе Мугаммедъ-Шаха въ столицу, еще не рѣшало дѣла. Онъ былъ только обладателемъ столицы, но не государства. Еще оставались два сильныхъ противника, — Шахи Мазандеранскій и Ширазскій; еще вся драма была впереди.

ГЛАВА XII.

—

Вшествіе Шаха въ Тегеранъ. — Нигаристанъ.—Портреты. — Обѣдъ у Гуссейнъ-Али-Хана. — Музыка. — Плясуны.—Рамазанъ. — Шахскій Дворецъ —Павлиній тронъ.—Изреченіе Персидскаго Поэта о Надиръ-Шахѣ.—Зала магазинъ. — Комнаты Таджидоулетъ. —Развалины дома Грибоѣдова.

Мы оставили новаго Шаха въ Имамъ-Заде-Ибрагимѣ, верстахъ въ четырнадцати отъ Тегерана, ожидающимъ благопріятнаго соединенія планетъ, для вступленія въ столицу. Наконецъ наступило девятое Декабря.

Въ лагерѣ была ужасная суматоха, чистка коней, оружія, продолжалась цѣлую ночь. Ходьба, разговоры, шумъ, крики всѣхъ жавотныхъ

бряцаніе цѣпей, не давали намъ сомкнуть глазъ ни на минуту. За нѣсколько времени до восхожденія солнца, залпъ, изъ нѣсколькихъ зембурековъ, возвѣстилъ правовѣрнымъ, что тѣнь Аллаха изволилъ сѣсть на лошадь. Забудьте всѣ ваши Европейскія понятія о Царскомъ величіи, о торжествахъ нашихъ при въѣздѣ вѣнценосцевъ въ свои столицы; и послушайте какъ, Обладатель Имперіи Хосровъ и Пуширвановъ вступалъ въ свой первопрестольный городъ. Шествіе двинулось въ слѣдующемъ порядкѣ: въ головѣ находился небольшой отрядъ кавалеріи, разумѣется, не регулярной, и верблюжья артиллерія; за ними слѣдовали скороходы, отличающіеся своими шапками, похожими на шлемы, украшенные разноцвѣтными перьями; *пеглевани* (бойцы), почти совершенно нагіе, съ огромными палицами въ рукахъ, ломались всячески, размахивая по воздуху своимъ тяжелымъ оружіемъ; канатные плясуны, въ парчевыхъ юбкахъ, исполняли всемозможныя кривлянья подъ звукъ самой жестокой музыки, какая только можетъ терзать Европейское ухо; *ферраши*, «постельничіе», по нашему жандармы, вооруженные предлинными палками, кричали во всю силу, давая знать, что Пади-Шахъ близко; за ними шло нѣсколько *пишхидметовъ:*

у насъ несправедливо переводятъ это слово, «каммеръ-юнкеромъ», между тѣмъ какъ пишхидметы много если могутъ назваться каммердинерами; наконецъ *лирохоръ* (главный конюхъ), который несъ богатый *зинпушъ*, или покрывало для сѣдла, вышитое по сукну золотомъ, серебромъ, разноцвѣтными шелками, и усыпанное драгоцѣнными каменьями. Но вотъ самъ Шахъ! Надѣньте синія очки, чтобы предохранить глаза свои отъ неминуемой слѣпоты. Утопая въ морѣ свѣта, которымъ облитъ красивѣйшій въ мірѣ гнѣдой жеребецъ, Мухаммедъ-Шахъ *приказалъ явиться* изумленнымъ взорамъ правовѣрныхъ. Самъ онъ былъ просто въ дорожномъ платьѣ, но за то плѣть въ правой рукѣ его, составленная изъ четырехъ нитокъ крупнаго жемчуга, прикрѣпленныхъ къ золотому кнутовищу, на которомъ за алмазами, изумрудами и яхонтами золото едва видна; но за то сѣдло съ чапракомъ и вся сбруя лошади, ужъ точно диво дивное. Съ правой и лѣвой стороны, возлѣ Его Величества, ѣхали Европейскіе Посланники съ своей свитою. Въ нѣкоторомъ разстояніи позади Шаха, тянулась куча Принцевъ дядей, братьевъ и племянниковъ новаго Повелителя, за ними нѣсколько важнѣйшихъ сановниковъ и въ заключеніе большой

отрядъ кавалеріи съ тремя красными знаменами. По бокамъ ѣхали Шахскіе *гулалы*, которые не позволяли народу тѣсниться близко къ шествію и раздавали, вмѣстѣ съ милостынею отъ имени Шаха, удары плѣтью нищимъ и дервишамъ.

За одинъ агачъ отъ города, верстъ за шесть или за семь, начались встрѣчи. Прежде всего явились, по обѣимъ сторонамъ дороги, представители городскихъ кварталовъ, возлѣ нихъ лежали съ связанными ногами верблюды, быки и овцы; съ приближеніемъ Шаха, этимъ бѣднымъ животнымъ отрѣзывали головы и повергали ихъ къ ногамъ Повелителя съ возгласомъ *Курбанъ!* «жертва!» Дервиши сжигали въ металлическихъ чашахъ разныя благовонія, кропили дорогу и людей водою, и воспѣвали, довольно не складно, но за то громко, пѣснь Аллаху, препоручая Мугаммедъ-Шаха, небесной его милости. Появленіе этихъ дервишей производило на меня странное впечатлѣніе: ихъ безпорядочный костюмъ, растрепанные волосы, развѣвающіеся по вѣтру, дикой вопль, таинственность, которою всѣ они себя окружаютъ, все это сильно дѣйствуетъ на воображеніе. Я видѣлъ тутъ одного вертящагося дервиша, пришлеца изъ дальнихъ странъ, и невольно вспом-

нилъ «битву при Тиверіадѣ», которую давали въ Петербургѣ, и г. Дюра, исполнявшаго роль подобнаго шута. Изъ уваженія къ истинѣ, должно сказать, что г. Дюръ имѣетъ много расположенія быть отличнымъ вертящимся дервишемъ: нужно только поменьше граціи въ тѣлодвиженіяхъ.

Представители купечества и вся городская знать выѣхали также на встрѣчу Его Величеству: приближаясь къ Шаху, они сходили съ лошадей и низко кланялись; потомъ по его знаку садились снова на коней и слѣдовали за шествіемъ. Городскіе музыканты, стояли съ одной стороны дороги, и оглушали насъ ужаснымъ шумомъ длинныхъ трубъ своихъ. Подъ самыми стѣнами города стояла подъ ружьемъ регулярная пѣхота и артиллерія. Шахъ проѣхалъ по рядамъ и благодарилъ солдатъ за труды, понесенные во время похода отъ Тебриза: солдаты, отъ роду не слыхавшіе такого привѣтствія, отвѣчали съ жаромъ, что они готовы головы свои положить за молодаго Монарха. Послѣ того, проѣхавъ мимо городской стѣны, Шахъ отправился въ загородный дворецъ *Нигаристанъ* (бельведеръ), лежащій возлѣ самаго Тегерана. Нигаристанъ принадлежитъ къ числу лѣтнихъ жилищъ Шаха, и достопримѣчателенъ

двумя залами: въ одной, нарисованы на стѣнахъ портреты сыновей Фетхъ-Али-Шаха, а въ другой, три стѣны заняты слѣдующею живописью: на средней изображенъ Фетхъ-Али-Шахъ, въ коронѣ и въ полной одеждѣ Царской, сидящимъ на тронѣ: вкругъ него стоятъ нѣсколько сыновей и важнѣйшіе сановники государства; на другихъ двухъ стѣнахъ является множество фигуръ въ разныхъ Азіятскихъ костюмахъ и четыре или пять Европейцевъ: это посланники разныхъ державъ со свитами, бывшіе при дворѣ покойнаго Шаха. Въ числѣ Европейцевъ находятся портреты Малькольма, сиръ Горъ-Узлея и Мальера, который такъ забавно представилъ Персіянъ и самаго Шаха въ своихъ сочиненіяхъ. О сходствѣ лицъ, разумѣется, и говорить нечего: за то живопись удивительная. Всѣ Европейцы въ трехъ-угольныхъ шляпахъ, въ мундирахъ на подобіе старинныхъ Французскихъ кафтановъ и въ красныхъ чулкахъ. Морьеру, за всѣ обиды, искусный живописецъ отмстилъ жестоко: онъ далъ ему такія кривыя ноги какъ будто автора «Хаджи-Бабы» отколотили палками по пятамъ и онъ не можетъ ходить. Въ этой-то залѣ поставленъ былъ тронъ, и Мухаммедъ-Шахъ, украсивъ грудь и руки алмазами и жемчугомъ, а голову малою

короною, возсѣлъ на престолъ. По сторонамъ его находились посланники Русскій и Англійскій съ чиновниками Миссій; позади трона Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, евнухъ Манучаръ-Ханъ, держалъ саблю Его Величества, а другой евнухъ, Хосровъ-Ханъ, щитъ. Въ самой комнатѣ, кромѣ этихъ лицъ не было никого: противъ оконъ, выходящихъ въ садъ, стояли, ближе всего около бассейна, Принцы крови, далѣе Каймакамъ, Визирь, старый знакомецъ нашъ *Асифу'д-доулетъ*, государственный Соломонъ, множество *Мустоуфи*, и прочихъ.

Когда всѣ установились по мѣстамъ, вышелъ изъ толпы одинъ мулла и прокричалъ краткую молитву Аллаху за молодаго повелителя; за нимъ явился придворный поэтъ и прочелъ предлинную оду въ честь Мугаммедъ-Шаха, въ которой уподоблялъ его солнцу и лунѣ, звѣздамъ и Богъ знаетъ еще чему: къ несчастію, я не могу приложить здѣсь перевода этой оды, потому что его не имѣю. Послѣ того, Шахъ, уставшій отъ дороги и придавленный ужасною тяжестью лежащихъ на немъ драгоцѣнностей, не могъ долѣе выдержать, и *селямъ*, «поклонъ», кончился. Всѣ разбрелись по домамъ, и закурили кальяны. Благовонный дымъ Ширазскаго табаку, проходящаго сквозь воду изъ длиннаго

гибкаго чубука, заструился торжественно сквозь всѣ государственные носы Ирана. Этотъ первый *кейфъ* въ благополучное царствованіе Мугаммедъ-Шаха останется на всегда въ памяти тѣхъ, кому въ послѣдствіи не сняли съ плечь головы. Хорошее дѣло кейфъ послѣ такой церемоніи, Я испыталъ это на себѣ.

О первыхъ дняхъ пребыванія моего въ Тегеранѣ не могу сказать ничего занимательнаго, потому что не видѣлъ ничего кромѣ дома Англійскаго Посланника, гдѣ были совокуплены, въ видѣ счастливой смѣси, Азіатскій кейфъ и Великобританскій comfort.

Спустя нѣсколько дней былъ я приглашенъ съ нѣсколькими Европейцами обѣдать къ одному изъ дядей Мугаммедъ-Шаха, Гуссейнъ-Али-Хану, Каджару. Обѣдъ назначенъ былъ въ семь часовъ вечера. Время было зимнее, половина Декабря; хотя морозовъ не было, однако жъ въ семь часовъ уже смерклось и мы должны были взять съ собой, нѣсколько полицейскихъ служителей съ факелами, привязанными къ шестамъ, для освѣщенія улицъ; сверхъ того были съ нами наши люди съ огромными фонарями. Проѣхавши такимъ образомъ, значительную часть города, мы прибыли наконецъ къ дому Высокостепеннаго Гуссейнъ-Али-Хана.

Почтенный хозяинъ вышелъ къ намъ на встрѣчу и ввелъ насъ въ комнаты, назначенныя для нашего пріема. Въ большой залѣ, устланной богатыми коврами, разрисованной золотомъ и яркими красками, накрытъ былъ въ сторонѣ столъ для насъ, на Европейскій ладъ, а посереди залы была постлана большая Кашемирская шаль, вмѣсто скатерти, на ней стояли три огромные подсвѣчника съ толстыми и кривыми сальными свѣчами, для Персіянъ. До начала перваго дѣйствія, то есть, до внесенія кальяновъ, хозяинъ старался угощать насъ всякими разными комплиментами: это продолжалось не долго, потому, что расторопные *каліанчи* не замедлили явиться съ своими орудіями. Всякой занялся куреніемъ, какъ важнымъ дѣломъ, комплименты утихли, и мы увидѣли, что все въ мірѣ—дымъ, такой же какъ слава. По окончаніи этой великой церемоніи, принесли намъ нѣсколько огромныхъ блюдъ съ разными сладостями довольно гадкими, потому что онѣ состояли по большой части изъ смѣси муки, бараньяго сала и сахару. Но непріятный вкусъ съ лихвою вознаграждался количествомъ. Это явленіе не долго насъ задержало, за сладостями сунули намъ снова каліаны; и снова все было — дымъ, какъ и комплименты хозяина.

Вслѣдъ за этимъ поднесли намъ по маленькой чашкѣ душистаго Мокскаго кофе, безъ сахару; за тѣмъ опять пошло куреніе каліановъ и скверный чай, подслащенный до степени сиропу. Этимъ кончилось введеніе къ обѣду: послѣдовалъ не большой антрактъ, послѣ котораго началась ѣда, основательная, глубокая, а въ чемъ оная заключалась, о томъ слѣдуютъ пункты.

Навъюченные какъ верблюды вошли слуги, неся на плечахъ множество хлѣба, плоскаго подобно блинамъ, и роздали каждому порцію, которою можно было бы прокормить человѣка въ теченіи цѣлой недѣли. Первое блюдо состояло изъ бараньяго сыру, луку, редисъ, благовонныхъ травъ, и такъ далѣе. Послѣ того явились разнаго рода яичницы; *бозбаши*, супы; *фисинджанъ*, соусы кисло-сладкія изъ мяса съ миндалемъ, изюмомъ и прочая; *кебабъ*, жареное мясо; пилавы съ мясомъ, изюмомъ, шафраномъ и миндалемъ. Въ заключеніе предстали огромныя, жареныя цѣликомъ на вертелѣ,—бараны съ головой и ногами, что имѣетъ видъ не весьма апетитный по необыкновенному сходству сжаренаго такимъ образомъ барана съ убитой кошкой. За нашимъ Европейскимъ столомъ насчелъ я девяносто девять блюдъ: не знаю символическое-ли это число, какъ девяносто де-

вять именъ Аллаха, только изъ этаго можно заключить, въ какомъ количествѣ и разнообразіи всякая вещь была подаваема. Въ винѣ и шербетахъ не было недостатка и правовѣрные, не смотря на заповѣди пророка, пречасто пили, *по ошибкѣ*, вмѣсто шербета, вино, подъ нашею кафирскою фирмою и сваливая весь грѣхъ на невѣрныхъ.

По окончаніи обѣда и установленнаго умовенія, явились въ комнату музыканты и плясуны. Инструменты, увеселявшіе нашъ слухъ были *зурна*, родъ скрипки о трехъ струнахъ; нѣчто на подобіе жидовскаго цимбала, и всѣхъ возможныхъ величинъ барабаны и литавры. Въ числѣ музыкантовъ находился одинъ извѣстный пѣвчій, Мулла Керимъ, фаворитъ покойнаго Фетхъ-Али-Шаха: подпивши порядкомъ, онъ забавлялъ общество веселыми пѣснями, похожими на нѣкоторыя наши національныя; онѣ составлены изъ фразъ, которыя, каждая сама по себѣ означаетъ что нибудь, но всѣ вмѣстѣ не имѣютъ ни какой связи и не представляютъ общаго смысла.

Наконецъ, хозяинъ вздумалъ позабавить насъ танцами. Эта идея была не самая счастливая, потому что Персидскіе танцы, вмѣсто того чтобы увеселять, наводятъ тоску. Пантомима, составляющая главную часть тан-

цевъ, лишена всякой граціи и не имѣетъ даже того дикаго характера, который прельщаетъ иногда насъ въ увеселеніяхъ народовъ не образованныхъ. Мнѣ, эти танцы показались унизительными для человѣчества. По окончаніи плясокъ всѣ присутствующіе дали актерамъ по нѣскольку червонцевъ, и за тѣмъ общество разошлось въ полночь. Изъ этаго можно заключить что обѣдъ, со всѣми принадлежностями, продолжался битыхъ пять часовъ.

На другой день, выстрѣлъ изъ пушки, при захожденіи солнца, возвѣстилъ, что настаетъ постный мѣсяцъ, *рамазанъ*. Мимоходомъ для тѣхъ, которымъ не извѣстны въ подробности обряды Магометанской вѣры, скажу, что въ теченіе этаго поста ни одинъ правовѣрный не смѣетъ днемъ ни пить, ни ѣсть, ни даже курить: Утомленіе голоду и жажды дозволено, послѣ заката солнца, и эта блаженная минута возвѣщается въ большихъ городахъ пушечнымъ, а въ мѣстечкахъ и деревняхъ ружейнымъ выстрѣломъ или инымъ звукомъ. Персіяне строго держатъ этотъ постъ, и многіе, для облегченія себя, въ набожной воздержности, спятъ почти цѣлый день, просыпаясь только для установленныхъ пяти намазовъ, или молитвъ. Въ продолженіе всего поста, они, какъ можно менѣе, занимаются мірскими

суетностями, и потому этотъ мѣсяцъ совершенно потерянъ для дѣлъ всякаго рода.

Люди, незнакомые съ изящными искусствами, не могутъ усмотрѣть ничего живописнаго въ зданіяхъ Азіятцевъ: надобно глубоко чувствовать и хорошо знать архитектуру, чтобы открыть особеннаго рода красоты въ этихъ дворцахъ и храмахъ, которые, простымъ наблюдателямъ, ограничивающимъ свои понятія формами, принятыми на ихъ родинѣ, кажутся порожденіями крайняго безвкусія. Въ этомъ отношеніи, стоитъ посмотрѣть на Шахскій дворецъ: здѣсь можно изучать утонченности Азіятскаго искусства, доведеннаго до высшей степени совершенства для посвященныхъ, уродливости для тѣхъ, которые его не постигаютъ Но въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что Азіятцы, особенно Персіяне, не умѣютъ обдѣлывать внутренности своихъ зданій, съ одинаковымъ изяществомъ по всѣмъ частямъ и не чувствуютъ дисгармоніи между роскошью одного угла и соромъ другаго. Смѣсь богатства съ нищенствомъ поражаетъ глазъ, непривыкшій къ подобнымъ варіаціямъ. Такъ напримѣръ, зала, въ которой находится знаменитый павлиній тронъ, *тахтитаусъ:* этотъ тронъ, какъ говорятъ, вывезенъ Надиръ-Шахомъ изъ Индіи, въ одинъ

изъ его походовъ; онъ весь обитъ листовымъ золотомъ и непещренъ алмазами, изумрудами и яхонтами, до того, что ему не могутъ опредѣлить цѣны; ковры въ этой залѣ великолѣпные, покрытые сверхъ того по бокамъ богатыми шалями: но взгляните на двери, — онѣ едва держатся на пѣтляхъ; посмотрите на лѣстницу, ведущую въ эту залу, — она крива и приходитъ въ разрушеніе. При видѣ этаго павлиньяго трона, которымъ Персіяне хвастаютъ, какъ дивомъ, какъ славнымъ памятникомъ завоеваній Надиръ-Шаха, нашъ спутникъ, разговорился о великихъ достоинствахъ сего Государя и, въ подкрѣпленіе своихъ словъ, привелъ стихи однаго Персидскаго поэта, которые въ Русскомъ переводѣ представляются почти такъ:

«Кривая сабля Надира есть залогъ побѣды. Когда лице его разгорается отъ негодованія, какимъ огнемъ зажигаетъ онъ солнце! Когда любовь разцвѣчаетъ его щеки то утренняя заря блещетъ сильнѣе»!

Вотъ восточная поэзія, вотъ сравненія достойныя сыновъ земли Солнца.

Одна изъ дворцовыхъ залъ имѣетъ, престранную мебель: весь ея полъ уставленъ фарфоровыми и стеклянными вещами, которыя были подарены Европейцами; чайники, чашки,

карафины, умывальники, стаканы, рюмки, блюда, молочники, кофейники, соусники, стоятъ на полу въ безпорядкѣ; оставлены только пустыя мѣста для прохода и небольшая площадка, гдѣ Фетхъ-Али-Шахъ садился при пріемѣ гостей. Лѣтняя столовая очень хитро придумана: къ потолку прикрѣплено огромное опахало, сшитое изъ полотна, и которое приводится въ движеніе двумя служителями, посредствомъ веревки; происходящій отъ этаго вѣтеръ освѣжаетъ комнату.

Отдѣленіе дворца, которое было занимаемо Таджидоулетшей, первою женою Фетхъ-Али-Шаха, считается въ Тегеранѣ красивѣйшимъ произведеніемъ въ мірѣ. Оно дѣйствительно весьма не дурно.

Изъ дворца поѣхалъ я по кривымъ и грязнымъ улицамъ къ мѣсту, гдѣ былъ нѣкогда домъ несчастнаго Грибоѣдова. Развалины этаго дома еще существуютъ; видны остатки комнатъ и бани; кровавое происшествіе рисуется передъ глазами: сорокъ пять человѣкъ пали жертвами варварскаго изувѣрства; они дрались какъ львы, и погибли вмѣстѣ. Ихъ горестная участь конечно заставитъ содрогнуться всякаго Русскаго, который посѣтитъ это мѣсто.

*

Миръ праху вашему, доблестные представители Русской чести! Но не станемъ растравлять раны печальными воспоминаніями, и обратимся въ другую сторону, гдѣ жизнь кипитъ, гдѣ все суетится и хлопочетъ.

ГЛАВА XIII.

—

Базары.—Сказочники.—Улицы Тегерана.—Водопроводы.—Караванъ-сараи.— Чалвадары.—Цитадель.—Нищіе.

Тегеранскіе базары выстроены въ видѣ длинныхъ, крытыхъ корридоровъ, освѣщенныхъ съ верху. Внутри этихъ корридоровъ, по обѣимъ сторонамъ, находятся въ углубленіяхъ лавки; купцы и ремесленники, спокойно сидя въ нихъ, занимаются каждый своимъ дѣломъ кто куетъ подковы, кто точитъ сабли, кто шьетъ туфли, кто точитъ изъ дерева каліанные чубуки, кто печетъ хлѣбъ, кто варитъ

пилавы. Базаръ есть вмѣстѣ и фабрика и рынокъ. Самый занимательный изъ всѣхъ базаровъ—тотъ, гдѣ стряпаютъ кушанье; тамъ главная суета. Правовѣрный, желающій утолить голодъ, подходитъ къ лавкѣ, спрашиваетъ что ему угодно, и, получивъ, садится тутъ же на пятки и кушаетъ, ни мало не заботясь о томъ, что прохожіе задѣваютъ его и могутъ иногда хорошимъ толчкомъ вышибить порцію рису или кусокъ мяса изъ рта на землю, или на платье. Случается, что въ двухъ шагахъ отъ обѣдающаго, съ одной стороны, цирюльникъ брѣетъ голову какому-нибудь Хаджи *Мешгеди* или *Кербелаи,* а съ другой, открываютъ больному кровь. Все это дѣлается публично. Сверхъ того базаръ есть сборное мѣсто для любопытныхъ и для болтуновъ; тамъ пересказываются городскія новости; у кого есть что-нибудь на душѣ, или языкъ просится на работу, тотъ бѣжитъ на базаръ, собираетъ около себя толпу зѣвакъ, и излагаетъ имъ со всевозможными подробностями то, что знаетъ и чего не знаетъ. Вообще должно замѣтить, что Персіяне большіе охотники слушать всякія росказни. Я видѣлъ въ Тегеранѣ, на небольшой площадкѣ передъ базаромъ; человѣка, сидящаго на землѣ; возлѣ него лежалъ козелъ, а вокругъ тѣсни-

лось множество бородатой публики; онъ за деньги разсказывалъ ей разныя странныя исторіи. Хотите ли понимать «Тысячу и одну ночь?» Послушайте этихъ сказочниковъ: хитрость ихъ какъ и Шегеразады, состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать свои повѣствованія какъ можно длиннѣе, для того чтобъ, не окончивъ разсказа въ одинъ день, завлечь къ себѣ публику и на слѣдующій. Козелъ тутъ присутствуетъ естественно изъ шарлатанства; сказка подлѣ козла, осужденнаго, не извѣстно за что, представлять на землѣ чорта, непремѣнно должна быть занимательна. Но не одинъ козелъ придавалъ ей оригинальность. Въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда, былъ воткнутъ въ землю высокой шестъ, а на этомъ шестѣ торчала отрубленная человѣчья голова; у подножія шеста валялось туловище той самой головы, они принадлежали одному Мусульманину, провинившемуся въ кражѣ и казненному на этомъ мѣстѣ три дня тому назадъ.

Улицы Тегерана, съ построенія этаго города, не были еще ни разу выметены; никто до сихъ поръ не чувствовалъ въ этомъ необходимости, и желающіе, могутъ изучать на нихъ анатомію всѣхъ животныхъ. Бренные остатки верблюдовъ, ословъ, лошаковъ, лошадей, собакъ,

кошекъ, валяются на улицахъ, пока голодная собака не съѣстъ ихъ тѣла, а время не истребитъ и самыхъ костей. Климатъ Тегерана потворствуетъ этой непростительной небрежности: въ другомъ мѣстѣ, отъ такой нечистоты, вымерла бы половина населенія; здѣсь, сухость воздуха такъ сильна, что тѣла, не подвергаясь гніенію, по большой части высыхаютъ. Вообще должно сказать, что выборъ мѣста для построенія Тегерана былъ не самый счастливый. Окруженный со всѣхъ сторонъ, болѣе или менѣе близкими, горами и покатостями, городъ лежитъ совершенно въ ямѣ, такъ что отъѣхавъ отъ него, въ какую угодно сторону, верстъ на пять, или на шесть, вы находитесь наравнѣ съ вершинами растущихъ въ немъ деревъ. Отъ этаго легкіе, освѣжающіе воздухъ, вѣтерки не касаются города, а сильные ураганы гостятъ въ немъ долго. Два ручейка, стремящіеся изъ близь лежащихъ горъ, имѣютъ тяжкую обязанность, напоять весь Тегеранъ и его окрестности, за то горожане и умѣютъ дорожить безцѣнными ихъ струями. Отъ этихъ ручейковъ проведены подземныя трубы почти во всѣ улицы Тегерана, а изъ этихъ трубъ, другія, боковыя трубы, ведущія въ бассейны устроенныя въ домахъ. Такимъ образомъ вода по очереди посѣщаетъ всѣхъ, и

каждый хозяинъ долженъ запасаться ею на недѣлю, или дней на пять. Въ лѣтнюю пору, бѣдность воды ощутительна, въ особенности тѣмъ, что вода, простоявшая въ бассейнѣ дней 6 или 7, издаетъ непріятныя и нездоровыя испаренія, которыя можно причислить къ числу причинъ, пораждающихъ безчисленное множество болѣзней, свирѣпствующихъ въ Тегеранѣ во время жаровъ.

Въ Тегеранѣ считается какъ говорятъ, — съ точностію почти ничего невозможно здѣсь опредѣлить, — девятнадцать караванъ-сараевъ, которые служатъ пристанищемъ для купцовъ и для *челвадаровъ*, то есть извощиковъ, перевозящихъ тяжести. Эти чалвадары составляютъ касту, совершенно отдѣльную отъ остальнаго народонаселенія. Честность, есть главная черта ихъ характера. Одежда ихъ также не похожа на общепринятую въ Персіи; вмѣсто чухи на нихъ виситъ какой-то балахонъ, съ тремя вырѣзанными дирами; въ двѣ изъ нихъ просовываются руки, а въ одну голова, которая, вмѣсто обыкновенной бараньей шапки, бываетъ украшена колпакомъ изъ бѣловатаго войлока. Они имѣютъ свой цѣховой языкъ, такъ, что иногда нельзя понять объ чемъ они говорятъ. Лошаки, на которыхъ они перевозятъ тяжести, до того сжи-

ваются съ ними, что понимаютъ совершенно ихъ желанія, безъ кнутоваго комментарія. Мнѣ случалось слышать и видѣть, какъ чалвадаръ, когда лошакъ отъ лѣни, или по другой причинѣ начнетъ отставать, читаетъ ему мораль: «не стыдно-ли тебѣ? Я кормлю тебя ячменемъ и саманомъ, я чищу тебя, а ты срамишь меня: иной подумаетъ, что тебѣ съ недѣлю ничего ѣсть не давали. Ну-ка, душа моя, мое ты чрево, мой дѣдушка, лошакъ, соберись съ силами»! И лошакъ дѣйствительно, какъ бы усовѣщенный его словами, прибавляетъ шагу.

Къ числу замѣчательныхъ зданій въ Тегерапѣ принадлежитъ Шахская мечеть, у которой вызолоченъ небольшой куполъ: всѣ уста въ Персіи кричатъ про это диво и удивляются щедрости Фетхъ-Али-Шаха, который украсилъ Тегерапъ блестящею точкою. Впрочемъ, щедрость его не была чрезмѣрна: на позолоту этаго маленькаго купола вѣрно употреблено не много червонцевъ; но отъ скряги и то удивительно. За исключеніемъ этой мечети, всѣ прочіе Мусульманскіе храмы, которыхъ считается тридцать пять, и двѣ Армянскія церкви, представляютъ мало примѣчательнаго, даже въ отношеніи къ восточной архитектурѣ.

Городъ раздѣленъ на кварталы, и каждый кварталъ имѣетъ свое названіе, какъ то: Армянскій, Шимрунскій, Шахъ-Абдуль-Азимскій и такъ далѣе. Кромѣ этихъ кварталовъ есть еще отдѣльная часть города, *аркъ*, или цитадель, гдѣ находятся дворецъ Шаха, нѣсколько мечетей, казармы сарбазовъ и домы важнѣйшихъ придворныхъ. Цитадель нѣсколько почище остальныхъ частей Тегерана: она обнесена каменною стѣною, на которой мѣстами стоятъ пушки, у воротъ есть караулъ; на ночь ворота запираются, и тогда уже можно пройти сквозь нихъ не иначе какъ съ полицейскимъ проводникомъ, или съ запискою отъ полиціи. Въ ночное время, такъ какъ улицы не освѣщаются, ни одинъ порядочный человѣкъ не выкажетъ, въ такую пору, носа за ворота безъ фонаря, потому что въ противномъ случаѣ легко можно, благодаря ямамъ и дирамъ въ мостовой, заплатить ушибомъ дань Персидской бдительности о порядкѣ и чистотѣ. Однако воровъ опасаться нечего, потому что ночной грабежъ на улицахъ, если не вовсе тамъ не извѣстенъ, покрайней мѣрѣ очень рѣдокъ: я не помню, чтобы въ пребываніе мое въ Персіи слышалъ я о чемъ нибудь въ этомъ родѣ. Вотъ важное преимущество передъ большими, хорошо освѣщенными

городами нашей просвѣщенной Европы. Въ Персіи ходите по городамъ, въ толпѣ народа, гдѣ вамъ угодно, и набейте боковые и задніе карманы вашего платья чѣмъ угодно,—все остается цѣло. *Френгистанъ* не можетъ кажется похвалиться такою примѣрною честностію. Въ теченіи дня улицы Тегерана наполнены нищими всѣхъ Азіатскихъ націй и во всѣхъ возможныхъ нарядахъ. Большіе города вездѣ страждутъ отъ нашествія оборванныхъ представителей бѣдности или лѣни, но нигдѣ этотъ несчастный классъ не является въ такомъ жалкомъ и отвратительномъ видѣ, какъ въ столицѣ Персіи. Нѣтъ сомнѣнія, что это происходитъ сколько отъ совершеннаго недостатка попеченія объ увѣчныхъ и неимущихъ со стороны правительства, сколько и отъ малочисленности работъ, которыми чернь моглабъ быть занята. Чѣмъ занять чернь? Чѣмъ дать ей средства къ пропитанію, если она не можетъ жить, по какимъ бы-то ни было причинамъ, обработываніемъ земли? На это въ Европѣ есть города, гдѣ безпрестанно строятъ множество, не только частныхъ домовъ, но и общественныхъ зданій; есть нужда въ устройствѣ дорогъ, есть дороги требующія безпрестанно рукъ къ поддержанію ихъ; есть каналы которые нужно чистить, или

даже прорывать вновь; есть множество фабрикъ, заводовъ; есть желѣзныя дороги, есть наконецъ извощики, барочники, есть все, а въ Персіи нѣтъ ничего. На построеніе дома въ Тебризѣ или Тегеранѣ требуется рабочихъ въ десять разъ менѣе, нежели въ Петербургѣ, Парижѣ, Лондонѣ, или въ другой столицѣ Европы. Но бѣда, если въ Лондонѣ будутъ строить дома, мостить улицы и дѣлать шоссе по дорогамъ, посредствомъ машинъ. Тогда Англія превзойдетъ Персію числомъ нищихъ. Изъ этаго можно вывести довольно справедливое заключеніе, что недостатокъ въ просвѣщеніи, и чрезмѣрное его усиленіе, при извѣстныхъ условіяхъ, пораждаютъ одинаковыя бѣдствія. Персія и Англія, двѣ умственныя противоположности, равно наполнены нищими.

Впрочемъ бѣдность народа въ Персіи проистекаетъ также отъ многихъ другихъ причинъ: безплодность почвы, недостатокъ въ судоходныхъ рѣкахъ, трудность торговыхъ сообщеній, самый даже климатъ, столь благопріятный для лѣнивца, — все это сильно препятствуетъ развитію народной дѣятельности. Прибавьте еще къ тому образъ правленія, предоставляющій всѣ выгоды тѣмъ, которые и безъ того уже ими пользуются, по званію своему или по богатству, гдѣ собственность слабаго не ограж-

дена ни чѣмъ, гдѣ всякой правитель области — полный хозяинъ и распорядитель частнаго имущества и недаетъ никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Область у него на откупу, и когда приходитъ время платежа арендныхъ денегъ Шаху, онъ набираетъ капиталы отъ встрѣчнаго и поперечнаго; кошельки беззащитныхъ, волею или неволею, разкрываются передъ его жадностью, и бываютъ опустошаемы самымъ безжалостнымъ образомъ. Тотъ даже, кто вчера былъ богатъ, сего дня идетъ по-міру съ сумою, а его люди часто умираютъ съ голоду подъ стѣнами замка правителя. Я какъ теперь вижу передъ собою бѣднаго негра, полунагаго, валяющагося на улицѣ, ведущей отъ Доулетскихъ воротъ къ Шахскому дворцу. Одно воспоминаніе, о видѣ этаго голоднаго бѣдняка, заставляетъ меня содрогаться.

Это еще не все. Посмотрите на безчисленное множество Хановъ, разоренныхъ непомѣрными поборами начальниковъ областей и ихъ помощниковъ, которые пріѣзжаютъ въ Тегеранъ умирать съ голоду у воротъ Шахскаго дворца, гдѣ они ожидали найти защиты отъ притѣсненій жадныхъ Сатраповъ и куда голосъ ихъ недолетаетъ, заглушаемый неумолимой толпою придворныхъ. Да и какъ этому

быть иначе? Принцы правители, обремененные по большой части огромными семействами и привыкшіе къ роскоши Шахскаго двора, при которомъ они воспитаны, тратятъ гораздо болѣе денегъ нежели сколько позволяютъ ихъ средства. Откуда же взять остальное? — Разумѣется съ ихъ помощниковъ. А тѣмъ откуда? —Съ Хановъ. А тѣмъ?—Съ Беговъ. А тѣмъ?— Съ народа. — Вотъ вамъ и нищіе. Расчетъ вѣренъ, коротокъ и простъ.

ГЛАВА XIV.

—

Окрестности Тегерана.—Касри-Каджаръ.—Шимрунъ.—Рей.—Ляльезаръ.—Шахъ-Абдуль-Азимъ. — Пріѣздъ Мазандеранскаго Принца.—Зелли-Султанъ.—Визирь его. — Холодныя ванны. — Коронованіе Шаха. — Пожалованіе мнѣ ордена Льва и Солнца. — Опять Каймакамъ.

Въ числѣ окрестностей Тегерана есть мѣста довольно примѣчательныя.

Касри-Каджаръ, «*Замокъ Каджаровъ*», загородный дворецъ, находящійся въ семи или восьми верстахъ отъ города, имѣетъ очень живописное положеніе. Онъ выстроенъ на покатости горы уступами, подъѣзжая къ нему, ду-

маешь видѣть домъ въ три этажа, тогда какъ на дѣлѣ каждый изъ этихъ этажей стоитъ на землѣ независимо отъ двухъ другихъ. Впереди дворца, раскинутъ большой садъ, одинъ изъ лучшихъ въ Персіи: въ немъ много воды и красивыхъ бесѣдокъ; особенно хороши высокія ивы; ихъ вѣтви падаютъ длинными кистями въ такихъ поэтическихъ формахъ, ихъ зелень такъ прозрачна, что трудно вообразить себѣ что-нибудь красивѣе. Поэтъ непремѣнно уподобилъ бы ихъ шелковымъ кудрямъ прелестной дѣвы. О комнатахъ Касри-Каджара нечего упоминать: онѣ приходятъ въ разрушеніе наравнѣ съ большею частію публичныхъ зданій въ Персіи.

Проѣхавъ за этимъ дворцомъ верстъ девять, по направленію къ сѣверу, вы вступаете въ рядъ цвѣтущихъ селеній, разбросанныхъ по горамъ: это Шимрунъ. Зелень, которой въ Персіи не видно въ полѣ ни клочка, окружаетъ васъ со всѣхъ сторонъ; глаза отдыхаютъ; нагорный воздухъ освѣжаетъ грудь, ароматъ цвѣтущихъ фруктовыхъ деревьевъ ласкаетъ обоняніе, такъ, что пріѣхавъ въ Шимрунъ изъ душнаго, грязнаго Тегерана, можно подумать, что здѣсь начинается уже рай Мугаммедовъ. Шимрунъ прелестное мѣсто; и если вамъ и взду-

мается посѣтить его, прикажите свезти себя прямо къ молельнѣ, построенной на могилѣ Имамъ-Заде́-Салега. Природа украсила его гробницу чудеснымъ чинаромъ, о которомъ вся Персія упоминаетъ съ почтеніемъ, и которому не льзя не отдать справедливости! не говоря ужъ о его высотѣ и огромныхъ, раскидистыхъ вѣтвяхъ, подъ которыми можно было бы помѣстить нѣсколько домовъ, онъ имѣетъ въ окружности, около корня, — тридцать шесть аршинъ! Послѣ этихъ словъ я имѣлъ бы право поставить тридцать шесть восклицательныхъ знаковъ, но удовольствуюсь однимъ.

По другую сторону Тегерана, въ восьми верстахъ къ юго-востоку отъ стѣнъ его, лежатъ развалины знаменитаго города Рея. То, что разсказываютъ о прежней его огромности, довольно похоже на басню; однако, нѣтъ сомнѣнія, что Рей былъ одинъ изъ величайшихъ городовъ въ Азіи. Персидская географія, изъ которой Шарденъ заимствовалъ свои свѣденія, говоритъ, что—«Рей былъ раздѣленъ на 96 кварталовъ, въ каждомъ кварталѣ было 46 улицъ, въ каждой улицѣ 400 домовъ и 10 мечетей: сверхъ того въ городѣ находилось 6400 улицъ, 1,600 бань, 15,000 минареговъ, 12,000 мельницъ, 1,700 каналовъ и 13,000 караванъ-сараевъ».

Шарденъ прибавляетъ, что не смѣетъ выставить числа домовъ во всемъ городѣ, потому что не можетъ думать, чтобы тамъ была и половина этаго числа людей. Въ самомъ дѣлѣ, по этому расчету, выходило бы однихъ домовъ 1,766,400. Какъ бы то нибыло, развалины Рея разбросаны на огромномъ протяженіи, но мало сохранилось изъ нихъ въ такомъ видѣ, который бы могъ дать понятіе о прежнемъ великолѣпіи города. Одна только двадцати-четырехъ-угольная башня довольно цѣла; и нельзя придумать, къ чему она служила, потому что въ ней, сверху до низу, нѣтъ ни однаго окна. Въ одну изъ прилежащихъ къ городу скалъ вдѣланъ огромный камень: на немъ были нѣкогда высѣчены барельефы, которымъ приписывали глубокую древность. Теперь этихъ барельефовъ нѣтъ, мѣсто ихъ замѣнило другое изображеніе. Покойный Фетхъ-Али-Шахъ, прогуливаясь однажды по развалинамъ Рея и увидѣвъ этотъ камень, возъимѣлъ богатую мысль, стереть древніе барельефы, и вырѣзать, на мѣсто ихъ, себя, сидящаго на конѣ, въ одолженіе антикваріямъ, путешествующимъ по Персіи.

Говоря объ окрестностяхъ Тегерана, не льзя не упомянуть о прекрасномъ садѣ, лежа-

щемъ возлѣ самыхъ стѣнъ города. Его называютъ *Ляллезаръ*. Въ немъ нѣтъ ничего кромѣ розъ, но за то розъ всѣхъ возможныхъ видовъ, величинъ и цвѣтовъ. Когда эти «любовницы соловьевъ», въ полномъ цвѣтѣ, ни глазу ни обонянію не остается ничего желать.

Деревня Шахъ-Абдуль-Азимъ и другія селенія, находящіяся подлѣ Тегерана, имѣютъ видъ весьма прозаическій и не представляютъ ничего такого, на чемъ бы взоръ или вниманіе могли остановиться.

Но пора воротиться въ Тегеранъ. Насъ призываютъ туда важныя политическія происшествія. Мы оставили новаго Шаха отдыхающимъ отъ трудовъ путешествія и церемоніяла. Отдыхъ его былъ не изъ самыхъ покойныхъ, и среди самаго сна, тревожила обладателя столицы, непокорность обладателей Мазандерана и Шираза, изъ которыхъ каждый называлъ себя также Шахомъ и законнымъ наслѣдникомъ Иранскаго престола. Мулькъ-Ара, Шахъ Мазандеранскій, не заставилъ однакожъ себя долго ждать: онъ разсудилъ, что силы его не могутъ противостоять силамъ Мугаммедъ-Шаха, и рѣшился, въ избѣжаніи, совершенно ни къ чему не ведущаго кровопролитія, лишнихъ издержекъ и неминуемой погибели, въ случаѣ почти вѣр-

ной неудачи, преклонить колѣно предъ сыномъ Аббасъ-Мирзы, своимъ племянникомъ. Мулькъ-Ара, отказался отъ своихъ тщеславныхъ замысловъ, явился въ Тегеранъ съ низкимъ поклономъ Его Величеству. Само собою разумѣется, что онъ притворился невиннымъ и ничего незнающимъ. Не упоминая ни слова о прошедшемъ, онъ называлъ себя почтительнѣйшимъ рабомъ «Царя Царей» и Мугаммедъ-Шахъ притворился будто вѣритъ словамъ его. Говорили, что, для вящшаго убѣжденія, Мулькъ-Ара представилъ Шаху множество богатыхъ подарковъ.

Зелли-Султанъ, сверженный Шахъ Тегеранскій, и его Визирь, сидѣли между тѣмъ подъ арестомъ. Каймакамъ, Мирза-Абуль-Касимъ, не потерялъ даромъ этаго времени. Какъ никто не зналъ настоящаго содержанія Шахской казны, то Каймакамъ допрашивалъ Визиря Зелли-Султана, не подѣлился-ли онъ съ своимъ господиномъ деньгами Фетхъ-Али-Шаха, и куда они спрятали поживу. Старый Визирь клялся вовсю мочь, что была взята бездѣлица и роздана разнымъ лицамъ.— «А кому именно»? —Такому-то, и такому-то.—«Хорошо».—Всѣхъ ихъ потребовали на лице и пригласили выплатить обратно суммы, полученныя отъ временнаго Шаха.

Иные отдали безъ хлопотъ, другихъ принудили, дѣло казалось конченнымъ; но старая лисица Каймакамъ будучи самъ одаренъ коварнымъ характеромъ, не вѣрилъ, чтобы Визирь показалъ всю правду. Ни какія клятвы не могли убѣдить его, и онъ прибѣгнулъ еще къ пыткѣ. Во время Декабрскихъ и Январскихъ ночей, когда морозъ въ Тегеранѣ доходитъ до девяти и болѣе градусовъ, онъ выводилъ бѣднаго Визиря нагаго на дворъ и поливалъ его водою, какъ въ «Ледяномъ домѣ,» чтобы добиться желаннаго признанія. Результатъ водянаго допроса мнѣ не извѣстенъ.

Между тѣмъ, какъ эти мучительныя сцены происходили передъ тюрьмою Зелли-Султана, настало время коронованія Мугаммедъ-Шаха. Нѣсколько разъ назначали и отмѣняли день этаго обряда. Наконецъ, Зелли-Султанъ, сидя подъ строгимъ арестомъ, съ дозволеніемъ только пользоваться свѣжимъ воздухомъ внутри двора, обнесеннаго со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами, узналъ, что его племянникъ будетъ короноваться девятнадцатаго Января. Тюремный воздухъ пособилъ у него спѣси; онъ забылъ шести-недѣльное свое княженіе, всю свою ненависть къ сопернику, и изъ гордаго честолюбца явился вдругъ низкимъ льстецомъ. Онъ просилъ у Му-

гаммедъ-Шаха, какъ милости, какъ счастія, дозволенія присутствовать, въ числѣ прочихъ, при коронаціи. Шахъ крайне удивился просьбѣ Зелли-Султана: онъ не могъ понять, какое удовольствіе находитъ этотъ человѣкъ въ своемъ посрамленіи. Однако позволеніе было ему дано.

Коронованіе Шаха происходило въ большемъ дворцѣ, въ огромной тронной залѣ, съ такими же обрядами какъ и поклонъ въ Ингаристанѣ, но съ тою разницею, что публика была многочисленнѣе. Во все время палили изъ пушекъ и Зелли-Султанъ присутствовалъ, en amateur, при возложеніи на врага вѣнца, сорваннаго съ его головы. Самая жалкая фигура во всемъ собраніи; онъ стоялъ преспокойно, не примѣчая даже презрѣнія къ себѣ всѣхъ присутствовавшихъ; лице его не выражало ничего кромѣ совершенной преданности къ тому, кто сидѣлъ на его тронѣ.

Коронованіе Мугаммедъ-Шаха ознаменовано было нѣкоторыми милостями: раздачею халатовъ, сабель, орденовъ Льва и Солнца, назначеніями въ почетныя должности и такъ далѣе. Въ числѣ прочихъ и я удостоился милости Шаха: мнѣ пожалованъ орденъ Льва и Солнца второй степени и подарена Кашмирская шаль. Фирманъ, который я получилъ отъ Его Вели-

чества при пожалованіи ордена, слишкомъ любопытенъ, слишкомъ оригиналенъ въ глазахъ Европейцевъ, чтобы мнѣ не подѣлиться имъ съ моими читателями. Вотъ переводъ Фирмана:

«Во имя Всевышняго.

«Высочайше повелѣно: связи дружбы и согласія соединяютъ нынѣ двѣ великія державы Иранъ и Россію, столь прочными узами, что взаимные подданные ихъ, отличающіеся поступками своими, должны быть цѣлію благоволенія ихъ вѣнценосныхъ Повелителей. Посему, взирая на то, что высокостепенный, возвышенномѣстный, владѣтель храбрости и ума, предводитель Христіанскихъ сановниковъ, Капитанъ *Барунъ Курфъ*, движимый чувствами дружбы, существующей между помянутыми государствами, находился возлѣ побѣдоноснаго стремени Нашего Величества во время проѣзда нашего изъ Тебриза въ Тегеранъ и многочисленными трудами и услугами своими, успѣлъ обратить на себя вниманіе наше, мы пожаловали ему знаки ордена Льва и Солнца 2-й степени, дабы украсить ими достоинство особы его и сдѣлать его предметомъ уваженія и почестей со стороны сановниковъ обѣихъ державъ.

«Да введутъ сей высочайшій фирманъ Гг. секретари наши въ государственные журналы

и да считаютъ актъ сей подлиннымъ. Данъ въ Тегеранѣ мѣсяца Зилькеаде 1250 года».

Въ началѣ фирмана приложена печать Шаха, съ слѣдующею, скромною надписью:

«Хвала края и вѣры, краса вѣка и образецъ добродѣтелей, Мугаммедъ - Шахъ, Герой, властелинъ вѣнца и перстня Царскаго».

Фирманъ, на поляхъ и между строчками, украшенъ разноцвѣтными арабесками, и позолотою. На оборотѣ находятся подписи и печати Визиря и нѣсколькихъ Мустоуфи.

Что касается до всѣхъ похвалъ моей особѣ, то надѣюсь, что читатель не приметъ ихъ за чистую монету со стороны Персидскаго правительства, и не сочтетъ помѣщеніе здѣсь этаго фирмана, хвастовствомъ съ моей стороны, а будетъ его читать просто какъ образчикъ восточной фразеологіи, не означающей ровно ничего, кромѣ умѣнія писать высокопарныя безсмыслицы. Такъ понимаю я дѣло.

Вообще скучно говорить о самомъ себѣ, и, кромѣ собственной скуки, къ этому чувству примѣшивается у меня всегда опасеніе навести ее и на другихъ. По этой причинѣ прошу, разъ навсегда, извинить меня, если я, увлекаемый предметомъ и играя въ немъ какую-нибудь роль, помѣщу себя для поясненія дѣла. Въ то время

какъ Шахъ раздавалъ такимъ образомъ милости окружавшимъ его, онъ не могъ въ душѣ быть совершенно спокоенъ, прочно ли было его правленіе?

Оставался еще одинъ не рѣшеный вопросъ: что скажетъ Ширазъ, богатѣйшая и одна изъ самыхъ цвѣтущихъ провинцій Персіи? Что скажутъ его правители Гуссейнъ-Али-Мирза и Гассанъ-Али-Мирза сыновья Фетхъ-Али-Шаха? Оттуда не было утѣшительныхъ извѣстій: безпорядки между Тегераномъ, Испаганомъ и Ширазомъ по прежнему продолжались; Бахтіары и Шахсевены по прежнему грабили путешественниковъ и караваны. Всѣ письменныя и словесныя увѣщанія, посылаемыя отъ Мугаммедъ-Шаха къ правителямъ Шираза, не вели ни къ чему: надобно было приступить къ средствамъ болѣе дѣйствительнымъ, послать войско и силою принудить къ повиновенію. Кому препоручить командованіе надъ дѣйствующею арміею? Разумѣется Сиръ Henry Bethune'у. Сиръ Henry облекается въ свой воинственный нарядъ, надѣваетъ свои огромныя ботфорты съ золотыми шпорами, свои кирасирскія перчатки, свою шляпу, съ разноцвѣтными перьями, садится на свою лошадь и ведетъ свое непобѣдимое воинство къ славѣ. На случай успѣха

отправленъ вмѣстѣ съ арміею евнухъ, Манучаръ-Ханъ, которому поручено, по низложеніи Принцевъ Гуссейна и Гассана, вступить въ управленіе Ширазской провинціей. Гуссейна не очень боялись: онъ слылъ человѣкомъ пустымъ и безхарактернымъ; но Гассанъ былъ сильный и опасный противникъ.

Между тѣмъ Каймакамъ управлялъ самовластно Персіею и ея Шахомъ, и довѣріе, которымъ онъ пользовался у Монарха, могло сравниться только съ ненавистью и отвращеніемъ, которыя чувствовалъ къ нему народъ. Сынъ его былъ верховнымъ Визиремъ и служилъ ему безмолвнымъ орудіемъ во всѣхъ его затѣяхъ. Каймакамъ считался умнѣйшимъ человѣкомъ въ Персіи: слава эта была безъ сомнѣнія заслужена, но его безнравственность не позволяла ему употребить своего ума, ни къ частному добру, ни къ пользѣ государства. Онъ былъ свирѣпъ въ душѣ. Когда онъ находился при покойномъ Аббасъ-Мирзѣ, разъ какъ-то захватили, не помню при какомъ случаѣ, въ плѣнъ тысячу Туркменцевъ. Тремъ стамъ изъ нихъ приказано выколоть глаза. Каймакамъ не удовольствовался этою жестокостью; онъ велѣлъ принести себѣ вынутые глаза и самъ палочкой считалъ, всѣ-ли они тутъ налицо. «Ну идетъ

ли ему заниматься, такими пустяками»! воскликнулъ мой пріятель Мирза, который разсказывалъ мнѣ это происшествіе: «это дѣло ферраше́й»! Однако, при покойномъ Шахѣ не давали ему столько воли: теперь власть его съ каждымъ днемъ усиливалась, и онъ былъ не слугою, но настоящимъ покровителемъ своего Монарха. Многіе подозрѣвали, и не безъ основанія, что онъ замышляетъ свергнуть династію Фетхъ-Али-Шаха и сѣсть на его престолъ.

Вольности, которыя Каймакамъ принималъ съ своимъ Государемъ, почти непостижимы въ такомъ деспотическомъ правленіи каково Персидское. Молодой Шахъ, подалъ какому-то нищему два червонца и въ тотъ же день далъ что-то садовнику Лялезара, за цвѣты, которые тотъ ему поднесъ. Каймакамъ ужасно разсердился за такую щедрость; онъ говорилъ, что Шахъ много тратитъ, и на другой день вычелъ у Его Величества эти деньги, изъ тѣхъ, которыя назначены были для его обѣда. Шахъ не смѣлъ сказать ни слова. Этаго мало. Супруга Шаха жила еще въ Тебризѣ. Ему захотѣлось послать женѣ въ подарокъ тысячу червонныхъ, Каймакамъ не соглашался. Шахъ, не имѣя при себѣ много карманныхъ денегъ написалъ тайно *ракамъ* (повелѣніе) къ Беглербегу Тебриз-

скому, чтобъ онъ выдалъ эти деньги. Какъ большая печать хранилась у Визиря, Каймакамова сына, то Шахъ не посмѣлъ спросить ея и приложилъ къ *ракалу* маленькую печать, которую онъ употреблялъ, будучи наслѣдникомъ Престола. Каймакамъ, у котораго вездѣ есть глаза и уши, узналъ это, и написалъ тотчасъ въ Тебризъ къ Беглербегу, чтобы тотъ не забывалъ, что изъ казны онъ не можетъ взять ни одного карапуля безъ ракама съ большой Шахской печатью, и что если онъ преступитъ это правило, ему придется плохо. Повелѣніе Шаха осталось безъ дѣйствія. Самовластный обладатель жизни и имущества всѣхъ Иранцевъ, проглотилъ и эту обиду!—Вотъ еще одна черта показывающая въ какомъ повиновеніи Каймакамъ держалъ Мугаммедъ-Шаха и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ это было извѣстно. Вскорѣ послѣ смерти Фетхъ-Али-Шаха, когда Мугаммедъ готовился идти въ Тегеранъ, одинъ изъ его ферраше́й сидя на крыльцѣ одной залы и не подозрѣвая въ ней присутствія своего Повелителя, игралъ съ кошкой которая рвалась изъ рукъ его въ залу.—Куда ты хочешь идти глупое животное, говорилъ ферраше́ъ, если голодна такъ не зачѣмъ тебѣ идти къ Шаху, у него ничего нѣтъ, ступай къ Каймакаму, отъ него вѣрнѣе сыта будешь. Шахъ

жаловался на это Каймакаму, который однако не счелъ за нужное дать дальнѣйшаго хода дѣлу.

ГЛАВА XV.

—

Мирза-Али. — Леченіе кашля опіумомъ.—Медицина въ Персіи.—Докторъ-пивоваръ.—Визитъ Мелекъ-Касиму-Мирзѣ.—Заколдованныя галоши. — Ноурузъ.— Происхожденіе его.—Праздники въ Тегеранѣ. — Артиллерійское ученье.—Оселъ-мишень.

Странную противоположность составляли на ту пору въ Тегеранѣ, безчувственная покорность Шаха Каймакаму и озлобленіе его приближенныхъ и родныхъ противъ этаго самодержавнаго Министра. Его ругали на-повалъ. Осторожные Персіяне, забывали свое природное лицемѣрство изъ удовольствія сказать колкость на счетъ Каймакама. Мирза-Али, мой учитель

Персидскаго языка, считалъ это даже заслугою передъ Аллахомъ: ему случилось однажды пить у меня пуншъ, и когда я замѣтилъ, что онъ нарушаетъ завѣтъ пророка, Мирза-Али возразилъ добродушно, что Богъ проститъ ему этотъ тяжкій грѣхъ въ уваженіе того, что онъ усердно бранитъ Каймакама.

Достопочтенный Мирза-Али посѣщалъ меня довольно часто и бесѣдами своими разгонялъ тоску, которая по правдѣ сказать, довольно часто навѣщала меня въ Персіи, особенно же во время пребыванія моего въ Тегеранѣ. Квартира моя была пространна, но по причинѣ зимней стужи, которая въ жаркихъ климатахъ хотя не продолжительна, но весьма чувствительна, особенно послѣ жары растопившей и раскалившей тѣло, я долженъ былъ ограничиться помѣщеніемъ особы моей въ тѣсную и мрачную кануру, единственную имѣвшую порядочный каминъ. Вообще Персіяне не умѣютъ предостерегать себя отъ холоду, причиною этому, во первыхъ продолжительное лѣто, во время котораго успѣешь сто разъ забыть о существованіи зимы, и во вторыхъ врожденная безпечность Персіянъ. Это неумѣнье содержать себя въ теплотѣ, простирается не только на жилища, но и на одежду, разумѣется простаго на-

рода. Открытая грудь, недостатокъ хорошей теплой обуви, причиняютъ много болѣзней и смертей во время зимы. Когда я былъ въ Персіи, то по дорогѣ между Тебризомъ и Тегераномъ замерзло много людей.

И такъ, я сказалъ что мой любезный наставникъ и учитель Мирза-Али навѣщалъ меня часто. Сидя у камина, онъ на пяткахъ, а я положивъ подбородокъ на колѣни, (живописныя позы!) мы бесѣдовали о томъ, о сёмъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, съ своими заключеніями, мнѣніе Персіянъ о сотвореніи міра, объ Адамѣ и Еввѣ, а я въ замѣнъ говорилъ ему о Европѣ. Онъ часто привиралъ на порядкѣ, особенно когда дѣло доходило до того чтобы чѣмъ нибудь прихвастнуть, а я, въ свою очередь, не боясь грѣха, подшучивалъ надъ нимъ преизрядно. И весь этотъ вздоръ, который въ воспоминаніи кажется мнѣ довольно приторнымъ и безтолковымъ, тѣшилъ меня до крайности въ стѣнахъ скучнаго и грязнаго Тегерана, когда, по распоряженію Юпитера, небо поливало насъ дождемъ, а *Эолъ* надувъ щеки, чуть чуть не сдувалъ шапки съ головъ правовѣрныхъ. Въ одинъ изъ такихъ поэтическихъ дней, вошелъ въ тѣсную каюту мою, Мирза-Али забрызганный грязью до колѣнъ.

— Селямъ-Алейкюмъ!

— Алейкюмъ-Селямъ!

— Въ порядкѣ-ли вашъ мозгъ?

— Вашими милостями.

— Жиренъ-ли вашъ носъ?

— Вашимъ благорасположеніемъ.

— Бечега! Каліунъ!

Все сдѣлано, можно приняться за разговоръ. Конечно можно бы, но у Мирзы-Али такой злостный кашель, что онъ, собравшись съ силами для произнесенія половины вышеозначенныхъ комплиментовъ, (другая половина моя), огласилъ комнату самымъ ужаснымъ судорожнымъ кашлемъ. Я думалъ что онъ отдастъ Богу душу. Однако, минутъ черезъ пять, Мирза оправился и тотчасъ полѣзъ въ карманъ своихъ шароваръ; оттуда онъ добылъ табакерку, а изъ нее, вмѣсто табаку, три коричневатые шаричка, похожіе на семена, каковые немедленно и отправилъ въ ротъ.

— Что вы дѣлаете, спросилъ я его.

— Лечусь отъ этаго проклятаго кашля который, того и гляди что вытянетъ у меня всю внутренность и сдѣлаетъ животъ мой и мою грудь пустыми, какъ бурдюкъ изъ-подъ Кахетинскаго вина что валяется у вашей кухни, отвѣчалъ Мирза-Али.

—Сравненіе очень хорошо Мирза, особенно по своей вѣрности, но скажите, что жъ это за лекарство, отправляете вы въ свой, теперь еще полный, бурдюкъ?

— Это вѣрнѣйшее средство отъ многихъ болѣзней. (Кашель и пауза).

— Да что жъ именно?

— Это опіумъ, славное лекарство.

Не знаю, обморочалъ-ли меня мой Мирза или нѣтъ, а извѣстно мнѣ то, что этотъ образъ леченія кашля показался мнѣ такимъ новымъ и страннымъ, что я смѣялся ему отъ души.

Если пришло къ слову, такъ ужъ пораскàзать читателю кое-что о Персидской Медицинѣ. Она довольно любопытна. Персидскіе медики раздѣляютъ всѣ болѣзни на горячія и холодныя, и въ слѣдствіе этаго пища дѣлится, такимъ же образомъ, на горячительную и прохлаждающую. Это все ничего, но главное состоитъ въ томъ, что напримѣръ: пѣтухъ есть пища горячительная, а курица прохладительная. Ну не комедія-ли это?

Вино считается лекарствомъ и законъ пророка дозволяетъ употреблять его, если въ болѣзненномъ состояніи оно будетъ предписано докторомъ, какъ средство къ облегченію.

*

Плохія познанія Персіянъ въ наукѣ Эскулапа причиною тому что по Персіи скитается множество Европейцевъ шарлатановъ, выдающихъ себя за докторовъ. Въ бытность мою въ Тебризѣ жилъ тамъ нѣмецъ, который выдумалъ варить пиво. Пиво оказалось скверпымъ и бѣдный нѣмецъ, не имѣя ни малѣйшаго сбыта своему дрянному товару, рисковалъ умереть съ голоду. Не тутъ-то было. нѣмецъ не просидитъ долго съ тощимъ желудкомъ, какъ нибудь да вывернется. Дай, буду докторомъ, подумалъ пивоваръ и въ силу этаго, набралъ въ какой-то старый ящикъ разныхъ ножичьковъ, ножницъ и иголокъ, въ другой такой же ящикъ насовалъ нѣсколько стклянокъ съ какими-то лекарственными веществами, обернулъ все это въ пестрой носовой платокъ, узелъ подъ мышку, шляпу на голову и маршъ! Съ прекраснымъ намѣреніемъ излечать отъ недуговъ слабое человѣчество, онъ зашелъ въ домъ какого-то больнаго персіянина, сосѣда и знакомца своего, и предложилъ ему свои услуги. Больной, зная его за плохаго пивовара и не имѣя никакого повода считать его, въ слѣдствіе этаго, хорошимъ врачемъ, показалъ нѣкоторое сомнѣніе на счетъ его свѣденій и объявилъ ему, что не приметъ иначе его лекарства,

какъ только въ случаѣ, если онъ самъ скушаетъ вмѣстѣ съ нимъ точно такую же порцію. Напрасно нѣмецъ увѣрялъ персіянина, что онъ самъ совсѣмъ здоровъ и не нуждается въ лекарствѣ, персіянинъ оставался не преклоненъ и нѣмецъ видя что паціента не убѣдишь ничѣмъ, рѣшился, для пріобрѣтенія денегъ на хлѣбъ насущный, на отчаянный подвигъ и проглотилъ одинакую съ больнымъ дозу, чего бы вы думали? — Англійской соли. Судите о блистательныхъ послѣдствіяхъ, тѣмъ болѣе что пріемъ оказался очень сильнымъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этаго знаменитаго происшествія, г. докторъ-пивоваръ явился ко мнѣ блѣдный и изнуренный дѣйствіемъ лекарства и объявилъ, что онъ принятъ въ службу Шаха, баталіоннымъ докторомъ при Карадагскомъ баталіонѣ.

— Да какъ же вы будете лечить, спросилъ я его, вѣдь вы понятія не имѣете о медицинѣ.

— Помилуйте, отвѣчалъ хладнокровно нѣмецъ, я былъ во Франкфуртѣ коноваломъ.

Коновалъ и пивоваръ, прекрасныя степени для достиженія званія доктора медицины и хирургіи.

Хорошему, добросовѣстному врачу трудно жить въ Персіи. Должно быть, или отчаяннымъ шарлатаномъ, или вовсе отказаться отъ практики, потому что персіянинъ ни за что не приметъ лекарства не посовѣтовавшись напередъ съ астрологами. Если же, предъ принятіемъ лекарства, ему случится чихнуть, и чихнуть только одинъ разъ, прощай медицина, прощай злосчастное лекарство, больной ни-за что не согласится принять его; если же онъ чихнетъ два раза, дѣло другое, милости просимъ въ желудокъ.

Одинъ изъ моихъ Русскихъ знакомцевъ и я отправились разъ съ визитомъ къ Принцу Малекъ-Касимъ-Мирзѣ; погода была сырая, и мы, хоть и ѣхали верхомъ, но, для предосторожности, надѣли галоши. Мой спутникъ придерживался резинныхъ галошъ. Мелекъ-Касимъ-Мирза принялъ насъ очень ласково, разсказывалъ про свою охоту, и ругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ Каймакама: безъ этаго не было разговора въ Тегеранѣ. Онъ говорилъ о старушкѣ madame Lamarinière, и совѣстился, что до сихъ поръ не заплатилъ ей еще за уроки по той причинѣ, что Каймакамъ не даетъ ему денегъ и хочетъ выморить всю Шахскую фамилію голодомъ. Принцъ крови не можетъ издержать,

въ годъ менѣе двухъ тысячь червонныхъ, а получаетъ только четыре или пять сотъ. Въ доказательство бѣдности членовъ царствующаго дома, онъ говорилъ, что не давно одинъ изъ Принцевъ принужденъ былъ заложить за самую ничтожную сумму свой кинжалъ на базарѣ. Жалобы Его Высочества мало забавляли насъ, и мы, просидѣвъ у него съ полчаса, собрались домой. При выходѣ, увидѣли мы огромное стеченіе слугъ Принца. Они стояли въ кружокъ и, съ видомъ любопытства и страха смотрѣли на что-то лежащее на полу. Иногда раздавались восклицанія и хохотъ.

— *Валлахъ,* тамъ сидитъ чортъ, Каймакамъ!

— Тронь-ка, тронь!

— *Вай, вай,* какъ прыгаетъ. Точно живой!

— Берегись, не трогай; укуситъ.

Эти слова и смущенныя лица Персіянъ возбудили наше любопытство. Каково было наше удивленіе, когда, подошедши къ кружку, мы увидѣли что предметомъ этаго страха было ничто иное какъ резинныя галоши. Не входя въ объясненія, пріятель мой надѣлъ ихъ на ноги, и Персіяне съ подобострастіемъ давали ему дорогу, какъ человѣку, который одаренъ могуществомъ попирать жилище діавола или, что все равно, Каймакама.

Наступило время *Ноуруза*, новаго года, который у Персіянъ бываетъ въ день весенняго равноденствія. Это празднество учреждено, по свидѣтельству извѣстнаго историка *Мирханда*, жившаго во время *Элиръ-Али-Шира*,—въ царствованіе *Джюмшида*, третьяго Царя Биштадійской династіи и внука Кеумерза. Когда Персеполисъ (Истахръ) былъ построенъ, то Джюмшидъ возсѣлъ въ немъ на престолъ и праздновалъ Ноурузъ. Вотъ вамъ и исторія Ноуруза; теперь послушайте какъ онъ справляется нынѣ въ Тегеранѣ. По случаю этаго празднества чеканятъ особенныя деньги, золотыя и серебряныя, очень небольшія, величиною съ нашъ пятачекъ. Шахъ удостоилъ каждаго изъ насъ присылкою нѣсколькихъ такихъ монетъ и огромнаго подноса съ конфектами и сахаромъ. *Селямъ* при дворѣ былъ пышный; кромѣ обыкновенныхъ церемоній, важнымъ сановникамъ раздавали деньги и подчивали ихъ шербетомъ, разносимымъ въ огромныхъ чашахъ. При концѣ, ввели въ садъ страшнаго слона, украшеннаго пестрыми лоскутками; корнакъ, приблизившись къ Шаху, заставилъ слона кланяться Его Величеству, и, послушная волѣ вожатаго, эта огромная масса три раза передними ногами становилась на колѣни. Послѣ эта-

го увели колоссальнаго льстеца; проходя мимо бассейна, онъ запустилъ въ него свой хоботъ, набралъ порядочное количество воды и, къ крайней потѣхѣ всѣхъ стоявшихъ подальше, оросилъ ею придворныхъ, которые находились близь этаго мѣста. Послѣ обѣда происходили на большемъ *майданѣ* разныя представленія, пляска на канатахъ, борьба *пегливани (бойцевъ)*, скверные танцы плясуновъ и другія забавы. Для Европейцевъ и для правительственныхъ лицъ раскинуты были на крышахъ домовъ палатки, остальная публика толпилась на площади. Вечеромъ, всѣ базары были богато иллюминованы; развѣшенные въ лавкахъ товары, куски золотой и серебряной бумаги, пестрые фонари, сообщали имъ видъ красивый и оригинальный. Эта иллюминація продолжалась три дня. Сверхъ того въ первый день сожженъ былъ на большомъ майданѣ хорошій фейерверкъ, приготовленный, какъ сказывали, въ Тебризскомъ арсеналѣ. На слѣдующій день готовилось для насъ зрѣлище еще занимательнѣе. Мугаммедъ-Шахъ, который много занимается своимъ войскомъ, хотѣлъ похвастать передъ Европейцами искусствомъ своей артиллеріи. Онъ назначилъ стрѣльбу въ цѣль изъ пушекъ и Конгревовыми ракетами, и пригласилъ насъ,

присутствовать при этомъ опытѣ. Въ пять часовъ отправились мы за городъ, на назначенное для стрѣльбы мѣсто. Артиллерія состояла изъ двѣнадцати пушекъ и двухъ лафетовъ съ Конгревовыми ракетами. Въ извѣстномъ разстояніи отъ батареи поставлена была мишень, а подлѣ нея стоялъ, привязанный къ колу, оселъ, котораго удостоили чести быть главною цѣлію выстрѣловъ. Бѣдное животное, какъ бы чувствуя свое назначеніе, представляло самую плачевную фигуру. Артиллеристы, въ полной аммуниціи, подъ командою англійскихъ офицеровъ и сержантовъ, суетились около орудій. Множество Принцевъ, приглашенныхъ Шахомъ, и нѣсколько вельможъ, ожидали прибытія Его Величества. Въ числѣ Принцевъ находился и Мугаммедъ-Вели-Мирза, правитель Іезда, извѣстный намъ герой кроваваго происшествія съ несчастнымъ Касимъ-Ханомъ. Тщетно искалъ я на его лицѣ выраженія злости или безчеловѣчія: своей наружностью онъ совершенно походилъ на остальныхъ братцевъ своихъ, но это можетъ быть, означало, что и въ нихъ таятся такія же искры звѣрской злобы, которыя только ждутъ случая вспыхнуть. Шахъ пріѣхалъ; солдаты стали по мѣстамъ, *топчибаши,* начальникъ артиллеріи, подошелъ къ Его Вели-

честву съ рапортомъ, и потомъ началась пальба, по командѣ англійскаго офицера. Выпустили около сорока зарядовъ: нѣсколько выстрѣловъ было полуудачныхъ, а два совершенно удовлетворительные: одно ядро попало въ мишень; другимъ снесло морду бѣдному ослу. Кто-то сжалился надъ безгрѣшнымъ животнымъ, и приказалъ зарѣзать его, для прекращенія мученій. Странная идея, стрѣлять по осламъ. Наконецъ пущено было четыре ракеты: одну изъ нихъ разорвало на мѣстѣ, не причинивъ однакоже другаго несчастія, кромѣ того, что англійскому сержанту, зажигавшему ее, обожгло усы и бакенбарды. Шахъ былъ въ восхищеніи отъ удачной стрѣльбы, и ему хоромъ отвѣчали всѣ Принцы и придворные, увѣряя, что съ роду не видывали ничего подобнаго. За тѣмъ публика разошлась, потѣшаясь много оторванною ослиною мордою.

ГЛАВА XVI.

—

Курбанъ-байрамъ.— Околѣвшій верелюдъ. — Драки за верелюжину. — Могарремъ. — Исторія Могаррема. — *Эльчи-Френги.* — Плачь и рыданія. — Священныя гробницы въ Персіи. — Извѣстія изъ Шираза. — Плѣненіе Гуссейнъ-Али-Мирзы. — Ослѣпленіе Гассанъ-Али-Мирзы.

Эта весна ознаменовалась еще однимъ празднествомъ, которое было весьма кстати для разсѣянія Шаха и его правительства, въ томномъ ожиданіи вѣсти объ успѣхѣ Ширазской экспедиціи. Я говорю о *курбанъ-байрамѣ*, или праздникѣ жертвоприношенія. Въ продолженіи четырехъ дней до празднества водили

по городу верблюда, украшеннаго шалями и погремушками и, при звонѣ колокольчиковъ, собирали деньги, которыя по настоящему должны раздаваться нищимъ: не знаю какъ исполняется это правило, но верблюдовожатые набираютъ много денегъ. Въ самый день курбанъ-байрама, отправились мы въ восемь часовъ утра за городъ и остановились у Доулетскихъ воротъ, чтобы видѣть процессію. Впереди шли Шахскіе ферраши съ длинными палками и очищали дорогу; за ними городская музыка и украшенный верблюдъ, но такой тощій и хилой, что съ трудомъ передвигалъ ноги; вслѣдъ за нимъ ѣхалъ Принцъ, облеченный въ парчевую одежду, съ копьемъ въ рукѣ,—одинъ изъ младшихъ сыновей Фетхъ-Али-Шаха, мальчикъ лѣтъ четырнадцати; далѣе, вели трехъ лошаковъ обвѣшанныхъ подобно вербдюду; наконецъ Ханы, Мирзы, беки, аги, верхомъ, и тьма пѣшаго народу. Въ небольшомъ разстояніи отъ города шествіе остановилось на пригоркѣ, назначенномъ для жертвоприношенія. Въ ту минуту какъ начали разоблачать верблюда, онъ вдругъ свалился съ ногъ и издохъ. Какъ мертваго верблюда нельзя приносить въ жертву, то всѣ засуетились; надобно было скорѣе достать другаго. Къ счастію или, правильнѣе, къ не-

счастію, близко отъ этаго мѣста паслось нѣсколько верблюдовъ, неизвѣстно чьихъ: безъ дальнѣй церемоніи поймали перваго, который попался, связали ему ноги и положили головой на востокъ. Когда это было сдѣлано, Принцъ подъѣхалъ къ верблюду и вонзилъ ему копье въ сердце. Лишь только остріе коснулось животнаго, на него кинулось нѣсколько людей, которые въ минуту разтерзали жертву на части: кто взялъ голову, кто одну ногу, кто другую. Принцу воткнули на копье кусокъ мяса; на парадныхъ лошаковъ положили остатки, и шествіе двинулось обратно въ городъ. Необыкновенная поспѣшность, съ которою рвутъ на куски принесеннаго въ жертву верблюда, происходитъ отъ того, что каждый городской кварталъ долженъ имѣть свою частицу и квартальные депутаты боятся остаться безъ верблюжины. Принцъ поѣхалъ прямо во дворецъ Шаха; при въѣздѣ его во дворъ начали палить изъ пушекъ. Шахъ, получивъ отъ него кусокъ верблюжьяго мяса, подарилъ ему богатую Кашмирскую шаль.

Чтобъ разомъ кончить статью празднествъ и траурныхъ дней, установленныхъ въ память какихъ-нибудь происшествій, скажу нѣсколько словъ о Могарремѣ. Могарремъ есть мѣсяцъ скор-

би и печали у Персіянъ, въ это время они оплакиваютъ смерть Гуссейна сына Алія. Чтобы освѣжить въ памяти тѣхъ, которые давно не заглядывали въ Исторію Персіи, обстоятельства смерти Гуссейна, я вкратцѣ разскажу произшествія, послужившія основаніемъ къ совершаемымъ нынѣ молитвамъ и проливаемымъ слезамъ.

По смерти Мугаммеда, Калифатство перешло Абубекру, потомъ Омару, за нимъ Осману и наконецъ Алію. Персіяне, какъ Шіиты, не признаютъ трехъ первыхъ Калифовъ, а только четвертаго Алія, въ чемъ и состоитъ главная разница въ вѣроисповѣданіи ихъ и Турокъ, или иначе, Шіитовъ и Суннитовъ.

Послѣ Алія, Калифатство должно было перейти дѣтямъ его Гассану и Гуссейну, но властолюбивые замыслы поколѣнія Суфьянова открыли путь къ продолжительнымъ безпокойствамъ между послѣдователями Мугаммеда. Моавіе, сильный полководецъ, желая присвоить себѣ Калифатство. захотѣлъ избавиться Гассана, старшаго сына Алія, что и исполнено. Гассанъ скоро былъ отравленъ и Моавіе достигъ своей цѣли. Сынъ его Язидъ, наслѣдовавшій престолъ отца, не безъ причины опасаясь слѣдствій явной привязанности народа къ Гуссейну, второ-

му сыну Алія, повелѣлъ Ибнъ-Зіяду отправить отрядъ противъ Гуссейна. Отрядъ Ибнъ-Зіяда встрѣтилъ его близь Евфрата, въ мѣстѣ называемомъ нынѣ Кербела. Тамъ несчастный Гуссейнъ и его сыновья были умерщвлены и головы ихъ отправлены вмѣстѣ съ оставшимся семействомъ въ Дамаскъ къ Язиду.

Вотъ основаніе Могаррема. Празднованіе же его въ Тегеранѣ очень блистательное. Въ первыхъ числахъ мѣсяца, раскинуты въ разныхъ мѣстахъ города высокія черныя палатки. Внутри ихъ на возвышеніи возсѣдаетъ Мулла и громогласно читаетъ исторію этихъ несчастныхъ дней. Народъ акомпанируетъ чтеніе ужасными воплями, рыданіями и кривляньями. Вечеромъ толпы молельщиковъ снова собираются въ палатки, зажигаютъ факелы и въ продолженіи двухъ или трехъ часовъ, а иногда и всю ночь на сквозь рыдаютъ, бьютъ себя по груди и кричатъ во все горло Гуссейнъ! Гассанъ! Фанатизмъ иныхъ усердныхъ приверженцевъ вѣры доходитъ до того, что они, острыми желѣзами или кинжалами, наносятъ сами себѣ ужасныя раны. Въ это время въ Тегеранѣ такой крикъ на улицахъ, что можно бы подумать, что непріятель взялъ штурмомъ городъ и вырѣзываетъ жителей. Въ 10-й день

Могаррема, совершается главное представленіе на большомъ Мейданѣ. Всѣ обстоятельства умерщвленія Гуссейна представляются въ лицахъ, съ сохраненіемъ самой строгой вѣрности. Приготовляютъ куклу, которой убійца однимъ размахомъ меча сноситъ голову, потомъ представляется дворъ Язида и прибытіе туда плѣненнаго семейства Гуссейна. При этомъ случаѣ является на сцену одно лице, о которомъ исторія ни гдѣ не упоминаетъ, и которое вѣроятно есть плодъ разгоряченнаго воображенія фанатиковъ-поэтовъ, дополнившихъ вымысломъ эту плачевную исторію. Это достопримѣчательное лице есть *Эльчи-Френги* (Европейскій посланникъ), который, будто бы, находился въ то время при дворѣ Язида, просилъ его о помилованіи семейства Гуссейна и упрекалъ ему въ умерщвленіи святаго человѣка. Главное дѣло состоитъ въ томъ, что этотъ *Эльчи-Френги* является на сцену при представленіяхъ такой уморительной чучелой, что я удивляюсь какъ Персіяне, при всей своей горести, могутъ удержаться отъ смѣха при видѣ этаго урода. Костюмъ, въ который облачаютъ его и прыжки которые онъ дѣлаетъ неописуемы. Для исполненія важной роли посланника-заступника, берутъ обыкновенно какого нибудь Персидскаго служителя.

Здѣсь должно замѣтить что въ Персіи вообще не любятъ вороныхъ лошадей, потому что, по преданію, убійца Гуссейна ѣздилъ на вороном жеребцѣ. Тѣло Гуссейна покоится въ Кербелѣ, мѣстѣ его убіенія, куда стекается по этому случаю много молельщиковъ. Вообще Персіяне ходятъ на поклоненіе въ слѣдующія мѣста: въ Медину къ гробу Мугаммеда, въ Мешгедь къ гробу Имама-Ризы, въ Кербелу къ праху Гуссейна и въ Беги́ гдѣ погребенъ Гассанъ. Посѣтители этихъ священныхъ могилъ прибавляютъ къ имянамъ своимъ названія, Хаджи Мешгеди, Кербелаи и Беги.

Наконецъ пришли извѣстія отъ Сиръ Генри Bethune'а. Его огромные ботфорты и кирасирскія перчатки произвели страшное впечатлѣніе въ Ширазѣ. Извѣстія были хороши.

Совершивъ дорогу благополучно, армія Шаха встрѣтилась за нѣсколько переходовъ отъ Шираза съ войскомъ противниковъ. Завязалось дѣло, продолжавшееся около часа. Убито и ранено съ обѣихъ сторонъ до десяти человѣкъ и побѣда осталась на сторонѣ Сиръ-Генри. Видя свою малочисленность и трусость, войско Ширазское предпочло убѣжать. Нѣкоторымъ удалось уйти, другихъ же взяли въ плѣнъ вмѣстѣ съ нѣсколькими пушками. Побѣдители шли да-

лѣе форсированнымъ маршемъ и правители Шираза, не думая вовсе чтобы дѣло было такъ близко къ развязкѣ, очень удивились, когда ихъ разгульное веселье, которому они предавались, было прервано, вступленіемъ въ городъ Шахской арміи. Ихъ тотчасъ арестовали, и вскорѣ отправили въ Тегеранъ, подъ сильнымъ конвоемъ, боясь чтобы приверженцы Гассанъ-Али-Мирзы, а ихъ было много въ Персіи,—не вздумали отбить его дорогой и выпустить на волю. Извѣстіе это чрезвычайно обрадовало Шаха; но народъ, уважая неизвѣстно за какія услуги, Гассанъ-Али-Мирзу, не вѣрилъ его плѣненію. Носились даже слухи, будто онъ освободился и набираетъ войско. Между тѣмъ, Шахъ отправилъ на встрѣчу плѣнникамъ тайное приказаніе выколоть, на послѣдней станціи къ Тегерану, глаза любезному дядѣ. Наканунѣ пріѣзда Гассанъ-Али-Мирзы въ Тегеранъ, слухъ о его ослѣпленіи распространился по городу. Этому никто не хотѣлъ вѣрить. На утро всѣ городскія стѣны были усѣяны народомъ; за ворота не выпускали никого, боясь безпорядковъ. Мѣстомъ заточенія Ширазскихъ Принцевъ была назначена башня Бурджи-Нушъ, стоящая возлѣ самаго города. Всѣ глаза были устремлены на Ширазскую дорогу. Наконецъ показался конвой; въ середи-

нѣ его верхомъ ѣхалъ Гуссейнъ-Али-Мирза, а сзади его тащился на двухъ лошакахъ закрытый *тахтиреванъ*, — родъ ящика съ четырьмя оглоблями, которыя прикрѣпляются къ спинамъ лошаковъ. Процессія подъѣхала къ башнѣ. Гуссейнъ-Али-Мирза сошелъ съ коня. Открыли тахтиреванъ, и изъ него вышелъ, поддерживаемый двумя феррашами, человѣкъ, котораго голова около глазъ обернута была окровавленною шалью. Это былъ непокорный Гассанъ! Всѣ узнали его: въ нѣсколько минутъ стѣны полныя народомъ, опустѣли; толпы разошлись въ молчаніи по домамъ, убѣдившись въ печальной истинѣ.

Эта пара выколотыхъ глазъ открыла Мугаммедъ-Шаху владычество надъ всей Персіей, но онъ былъ рабомъ въ своей столицѣ. Дѣла его нисколько не поправлялись, и государство поминутно наполнялось новыми безпорядками. Истинные друзья Шаха, къ которымъ онъ обращался въ опасности, совѣтовали ему прежде всего устранить Каймакама отъ дѣлъ Правительства. Изъ разговоровъ Шаха съ придворными людьми видно было, что ему крѣпко надоѣдалъ Каймакамъ, но не смотря на это, поступки Мугаммеда вовсе не соотвѣтствовали словамъ его; онъ по прежнему осыпалъ ласками и милостями

своего бывшаго *атабека* и по прежнему былъ его покорнѣйшимъ слугою. Приведенные мною примѣры дерзкаго поведенія Каймакама въ отношеніи къ своему Государю ничуть не преувеличены, ихъ бы можно насчитать тысячи.

ГЛАВА XVII.

—

Назначеніе Насиру-дъ-дина-Мирзы Наслѣдникомъ Персидскаго Престола. — Я отправляюсь въ Тебризъ. — Али-Ханъ.—Халатъ и кинжалъ для Наслѣдника.— Казвинъ.—Принцъ Правитель Казвина.—Великолѣпное Угощеніе.—Кочующіе Джелелевенцы.

Между тѣмъ, Мугаммедъ-Шахъ желая сохранить корону въ своей линіи и положить начало какого-нибудь законнаго наслѣдія престоломъ, объявилъ четырехъ-лѣтняго сына своего Насиру-дъ-дина-Мирзу наслѣдникомъ Шахскаго скиптра. Фирманъ объ этомъ посланъ въ Тебризъ, гдѣ находился малолѣтній Принцъ.

Узнавъ объ этомъ я, какъ большой охотникъ до зрѣлищъ *(талаша)*, немедленно выѣхалъ изъ Тегерана, гдѣ мнѣ рѣшительно болѣе нечего было дѣлать. Я все оглядѣлъ что было можно, съ наступленіемъ жаровъ меня протрясла лихорадка, слѣдственно вы сами сознаетесь, любезный читатель, что я распорядился весьма премудро выѣхавъ изъ Тегерана и отправившись въ Тебризъ, чтобы посмотрѣть что тамъ будетъ происходить по случаю назначенія *Велiегда* (Наслѣдника). Мнѣ предстоялъ прекрасный случай для отъѣзда: Русскій посланникъ также ѣхалъ въ Тебризъ, я примкнулъ къ его свитѣ и маршъ въ дорогу.

Старый знакомецъ нашъ, Али-Ханъ, по необыкновенной любви къ Русскимъ, выхлопоталъ себѣ позволеніе быть *михмандаромъ* Русскаго посланника. *Михмандарами* называются въ Персіи люди, которые ѣдутъ впереди почетныхъ лицъ для заготовленія имъ ночлеговъ, провіанта и фуражу. Такіе господа имѣютъ обыкновенно съ собою письменныя приказанія отъ высшихъ властей, въ слѣдствіе которыхъ всякой городъ или всякая деревня, гдѣ остановится почетный путешественникъ, обязана выставлять извѣстное число куръ, яицъ, барановъ, фунтовъ масла, батмановъ дровъ, ячменю, саману

и проч. Кромѣ не ограниченной преданности Али-Хана къ Русскимъ, желаніе его, быть михмандаромъ Русскаго посланника, проистекало изъ другихъ не менѣе важныхъ причинъ, а именно изъ финансовыхъ видовъ. Во-первыхъ михмандаръ, за труды свои, получаетъ обыкновенно хорошій подарокъ, а во-вторыхъ, Русскіе, за все отпускаемое имъ въ городахъ и деревняхъ платятъ наличными деньгами, а михмандаръ, въ силу имѣющагося у него письменнаго повелѣнія отпускать все безденежно, не даетъ никому ни гроша и кладетъ Русскіе червонцы въ свои широкіе карманы.

И такъ, въ одинъ прекрасный, т. е. жаркій день, въ концѣ Апрѣля, позавтракавъ плотно у Англійскаго посланника, мы отправились въ путь дорогу. Али-Ханъ, имѣя въ виду сохраненіе старыхъ костей своихъ, ѣхалъ для большаго спокойствія, не на лошади, а на лошакѣ.

На третій день послѣ отъѣзда расположились мы почлегомъ въ Кишлонѣ. Палатки наши раскинуты, мы сидимъ въ нихъ, упиваемся чаемъ и дымимъ изъ кальяновъ и трубокъ на весь міръ; снаружи слышенъ легкій трескъ раскаленныхъ углей, а надъ ихъ благотворною теплотою жарится, на желѣзномъ прутѣ, сочный *шашлыкъ*. Лошади жуютъ ячмень, вер-

блюды ворчатъ отъ удовольствія упитываясь саманомъ, словомъ, всѣ блаженствуютъ. Солнце сѣло, заря догораетъ на небѣ, въ воздухѣ чудесная теплота, какъ не предаться увлекательному кейфу. Въ такую минуту рѣшительно не возможно устоять противъ искушенія. Лишь только я собрался оставить палатку посланника и пойти къ себѣ чтобы вполнѣ насладиться кейфомъ, какъ вдругъ блистательные планы мои разлетѣлись въ дребезги. Двери палатки распахнулись и въ нихъ показалась морщиноватая рожа Али-Хана, оживляемая какимъ-то необыкновеннымъ выраженіемъ.

— Что новаго? Спросилъ его черезъ переводчика посланникъ.

— А вотъ что, отвѣчалъ Али-Ханъ, торопливо снимая свои туфли и влезая въ палатку, сей часъ прибылъ чапаръ изъ Тегерана съ письмомъ отъ Визиря, и съ посылкою для *Веліегда* отъ Шаха.

— Что жъ посылаетъ Шахъ своему сыну?

— То, что я бы не послалъ своему *ферашу*. Валлахъ, Его Величество не видалъ этаго подарка, это шашки *Шейтанова* сына Каймакама.

— Да объ чемъ же вы говорите, я васъ не понимаю, какія вещи, какой подарокъ?

— Не угодно ли взглянуть и посудить самимъ. Съ этими словами Али-Ханъ велѣлъ слугѣ своему принести узелъ, развязалъ его и показалъ намъ халатъ и кинжалъ, назначенные Шахомъ сыну своему, по случаю назначенія его Наслѣдникомъ Престола. Кинжалъ и халатъ оказались дѣйствительно невзрачными: каменья на кинжалѣ были дурные, плоскіе, безцвѣтные и вовсе не заслуживали громкаго названія драгоцѣнныхъ, а могли бы скорѣе именоваться малоцѣнными. Халатъ былъ сшитъ изъ достаточно дурной парчи. Я совершенно былъ въ душѣ согласенъ съ Али-Ханомъ, что эти подарки слишкомъ жалки для Наслѣдника Персидскаго Престола, въ особенности сообразивъ то богатство, въ которомъ плаваютъ Каймакамъ и его сыновья. Али-Ханъ въ это время продолжалъ варіаціи на прежнюю тему.

— Собачій сынъ, говорилъ онъ про Каймакама, какъ смѣетъ онъ такъ низко обманывать Убѣжище Вселенной, какъ не побоится этотъ мерзавецъ, что тѣнь Аллаха на землѣ когда нибудь да велитъ прижать его безмозглую голову къ пяткамъ. Хорошо если бъ какой нибудь добрый человѣкъ осквернилъ не только могилу отца его, но и всѣхъ его предковъ до двѣнадцатаго поколенія.

— Полно, вамъ любезный Ханъ, возразилъ я ему, поносить этаго бѣднаго Каймакама, вы ужъ кажется черезъ чуръ нападаете на него.

— Какъ черезъ чуръ, вы еще не все знаете, я еще не все разсказалъ вамъ. Погодите, вы услышите и другія вещи не лучше этаго. Вы знаете, что когда мы выѣзжали изъ Тегерана, то Шахъ сказалъ мнѣ, что въ вознагражденіе отличной ревности почтеннаго Эмира-Низама, который со времени отъѣзда Его Величества изъ Тебриза управлялъ Адербаеджаномъ какъ нельзя лучше, такъ что во всей провинціи не было ни малѣйшей смуты, или другой причины къ неудовольствію, онъ жалуетъ ему кинжалъ осыпанный богатыми каменьями и что этотъ кинжалъ дадутъ мнѣ для врученія престарѣлому, высокостепенному Эмиръ-Низаму. Узнавъ объ этомъ я тотчасъ отправилъ въ Тебризъ нарочнаго съ письмомъ къ моему другу, (вы знаете что Эмиръ-Низамъ закадычный мой другъ) въ которомъ извѣщаю его о новомъ знакѣ милости къ нему Шаха. Я не получилъ этаго кинжала при моемъ отъѣздѣ. Каймакамъ говорилъ мнѣ что кинжалъ въ работѣ, у одного изъ первыхъ мастеровъ Тегерана, и что я получу его дорогой вмѣстѣ съ вещами назначенными для Велiегда. И что жъ? Эти скверные

подарки для Наслѣдника Престола прибыли, а кинжала для друга моего нѣтъ, объ немъ ни слуху ни духу. Ну, посудите сами, не чортовъ ли сынъ этотъ Каймакамъ, когда онъ осмѣливается ослушаться волю Его Величества Падишаха, и сверхъ того обманываетъ такъ нагло честныхъ людей. Что буду я дѣлать теперь? Какъ предстану я предъ другомъ моимъ, Эмиромъ, съ чернымъ лицомъ?—Онъ назоветъ меня лжецомъ. Чѣмъ извинюсь я передъ нимъ?

Эмиръ сочтетъ меня глупцомъ, безсмысленнымъ ребенкомъ, который могъ повѣрить словамъ отъявленнаго лгуна и плута, Каймакама. Это ужасно! Валлахъ! Билляхъ! Если бъ Каймакамъ былъ здѣсь, то я вырвалъ бы ему всю бороду и бросилъ бы ее на разтерзаніе собакамъ.

Не знаю долго ли бы продолжились жалобы и проклятія Али-Хана, которыя такимъ живымъ и быстрымъ источникомъ лились изъ устъ его, если бы не стукнулъ часъ Намаза. Слуга его пришелъ доложить ему что время молиться Богу, что въ *Кишлокѣ,* Мулла прокричалъ уже призывъ на молитву. Нашъ Насакчи-Баши вышелъ изъ палатки, не переставая ворчать и призывая на помощь Аллаха и пророка.

Молитва кажется подкрѣпила и нѣсколько утѣшила Али-Хана, потому что онъ, черезъ нѣсколько времени, будучи приглашенъ на ужинъ къ посланнику, явился и не говорилъ болѣе ни слова о Каймакамѣ. Можетъ быть онъ удерживалъ порывы гнѣва своего чтобы не тревожиться во время ѣды и тѣмъ не помѣшать пищеваренію.

На другой день, рано поутру, двинулись мы въ путь, и къ шести часамъ вечера прибыли въ Казбинъ. Принцъ, правитель Казбина, извѣстившись заранѣе что Русскій посланникъ долженъ въ тотъ день въѣхать въ городъ, выслалъ на встрѣчу нѣсколько почетныхъ лицъ, въ головѣ которыхъ находился Визирь его Тамасъ-Кули-Ханъ. Эти господа ожидали посланника въ шести верстахъ отъ города. Кромѣ ихъ находились, въ числѣ встрѣчавшихъ, *кедхуды* (старосты) окрестныхъ деревень, ферраши съ длинными палками и полиція съ какими-то щитами. Полицеймейстеръ поднесъ посланнику съ низкимъ поклономъ блюдо съ сахаромъ и леденцомъ.

Насъ помѣстили въ саду принадлежащемъ ко дворцу Принца въ бесѣдкѣ выстроенной Тамасъ-Шахомъ. Лишь только мы расположились въ ней, намъ принесли отъ имени Принца множество конфектъ всѣхъ возможныхъ видовъ и

вкусовъ, какіе извѣстны въ Ирапѣ и мороженое. Здѣсь должно замѣтить, что главные лица, выѣхавшіе на встрѣчу посланнику, считали обязанностію проводить его до назначеннаго ему жилища и тамъ были имъ приглашены войти. Это ужъ всегда такъ дѣлается. Надобно пить чай, а это обстоятельство не маловажное, потому что Визирь, считаетъ долгомъ дѣлать les honneurs de chez soi, а посланникъ, съ своей стороны, будучи также дома, хочетъ угостить гостей. При такихъ случаяхъ прислужники обѣихъ сторонъ, что называется, лезутъ изъ кожи, чтобы поспѣть съ своимъ чаемъ прежде другихъ. Эта суета оканчивается обыкновенно тѣмъ, что чай посланника уже разносятъ тогда какъ Персіяне въ торопяхъ размышляютъ о томъ какъ устроить эту статью, разговариваютъ, хватаются всѣ вдругъ за одну и ту же вещь и бѣсятся за то, что непріятельская сторона одержала верхъ. Такого рода маневры происходили и въ Казбинѣ.

Въ семь часовъ вечера отправились мы по приглашенію ужинать или обѣдать, какъ угодно, къ Принцу правителю. Дворецъ красивъ и ужинъ оказался довольно вкуснымъ, при чемъ должно замѣтить, что его Высочество изволилъ угощать насъ по Европейски, т. е. ужинъ

былъ накрытъ не на полу, а на столѣ. Вилки и ножи для этаго ужина взяли у посланника. Принцъ сидѣлъ съ нами за столомъ и сначала принялся было кушать по нашему, однако скоро ему это надоѣло. Не знаю, накололъ-ли онъ себѣ ротъ вилкою, или случилась съ нимъ какая другая бѣда отъ Европейскаго образа наполнять желудокъ, только онъ предпочелъ обратиться къ родимымъ привычкамъ: сидя на стулѣ, поджалъ ноги подъ себя, засучилъ рукава и пустился пальцами ловить въ блюдахъ національныя Персидскія яства.

На слѣдующее утро посланникъ роздалъ, кому слѣдовало, за угощеніе подарки, часы, сукна, чай и мы оставили Казбинъ. Проводы были точно такіе же, какъ и встрѣча.

По дорогѣ въ Сіагдегенъ, первую станцію послѣ Казбина, мы увидѣли влѣво кочующее племя Джелелевенцевъ. Видъ табора ихъ напомнилъ мнѣ Цыганъ Пушкина. Изорванныя черныя палатки раскинуты были на равнинѣ, лошади, овцы, ослы паслись вокругъ. Мнѣ захотѣлось посмотрѣть внутреннее устройство табора и житье-бытье этихъ бездомныхъ странствователей. Пришпоривъ лошадь я своротилъ съ дороги и въ галопъ поскакалъ къ палаткамъ.

Чтобы появленіе мое въ таборѣ кочующихъ сыновъ свободы не показалось страннымъ, я выдумалъ, что мнѣ весьма легко можетъ хотѣться пить, что я даже могу быть мучимъ жаждою, и рѣшился просить господъ Джелелевенцевъ освѣжить чѣмъ нибудь мое изсохшеее горло. Подъѣзжаю, и призвавъ на помощь всѣ познанія мои въ Татарскомъ языкѣ обращаюсь къ одному сѣдому старику съ моею просьбою. Старикъ всталъ и пошелъ хлопотать о пойлѣ для меня, а я между тѣмъ осматривалъ то, что лежало у меня передъ носомъ. Боже Всемогущій! Какая ужасная нечистота, какая отвратительная гадость! Дѣти, въ оборванныхъ, засаленныхъ платьяхъ полунагіе, валяются на землѣ между навозомъ и баранами. Лохмотья палатокъ висятъ и развѣваясь по волѣ вѣтра открываютъ иногда ихъ внутренность. Туда я заглянулъ съ ужасомъ и признаюсь, не имѣю духу описывать видѣнной мною грязи. Къ счастію старикъ явился скоро, съ чашкой въ рукахъ. Въ ней было кислое молоко съ водою и солью; напитокъ очень прохладительный и на долго утоляющій жажду. Но какъ рѣшиться выпить это молоко имѣя въ виду, что и эта чашка вѣроятно не чище прочаго, видѣннаго мною. Дѣлать однако

было нечего, скрѣпивъ сердце, я рѣшился хлѣбнуть нѣсколько глотковъ, поблагодарилъ старика и поскакалъ догонять посланника, который благодаря благоразумной Восточной ѣздѣ шагомъ, былъ очень недалеко впереди.

Остальную часть дороги совершили мы также благополучно, безъ всякихъ приключеній и не видѣли ничего занимательнаго. Въ Міанѣ, извѣстномъ отечествѣ жирныхъ клоповъ, получилъ посланникъ изъ Тебриза извѣщеніе, что супруга Его Величества Падишаха, Убѣжища Вселенной, Тѣни Аллаха на землѣ, находившаяся тогда въ столицѣ Адербаеджана, благополучно разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Во время царствованія сластолюбивой памяти Фетхъ-Али-Шаха, рожденіе на свѣтъ Принца или Принцессы была вещь самая обыкновенная, только что не вседневная, потому что онъ считалъ женъ сотнями, а у Мугаммеда, дѣло другое, тогда было только двѣ жены, и потому, явленіе новаго Шахъ-Заде, перваго въ царствованіе молодаго Шаха, произвело свой эффектъ, какъ слѣдовало.

ГЛАВА XVIII.

—

Тебризъ. — Вшествіе Наслѣдника престола.—Паденіе Каймакама.—Смерть его.—Чума и холера въ Тегеранѣ и Тебризѣ.—Распоряженія Эмиръ-Низама.—Обзоръ, въ трехъ строкахъ, моего пребыванія въ Персіи.—Отъѣздъ въ Россію.

Тебризъ такъ близокъ къ нашей границѣ, онъ такъ разнствуетъ даже образованіемъ своимъ отъ Тегерана и другихъ Персидскихъ городовъ, въ немъ сравнительно такъ много живетъ Европейцевъ, что пріѣхавъ туда я думалъ что возвратился, хотя не на родину, а въ Европу. Тамъ живетъ нашъ Генеральный Консулъ; заключивъ его въ свои объятія, услаждаясь дружеской бесѣдой его, я переносился мыслями

впередъ, на время свиданія съ родными по крови и сердцу, въ родной сторонѣ.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи моемъ въ Тебризъ праздновали тамъ назначеніе *Насиру-дъ-дина*-Мирзы, Наслѣдникомъ Престола. На сей конецъ перевезли четырехъ лѣтняго Принца въ Халатъ-Пушанъ, загородную бесѣдку, извѣстную читателю въ числѣ окрестностей Тебриза. Въ назначенные астрологами счастливый день и часъ, въ который молодой *Веліегдъ* долженъ былъ торжественно въѣхать въ столицу Адербаеджана, *Халатъ-Пушанъ* кипѣлъ множествомъ почетныхъ лицъ и любопытныхъ. Возлѣ бесѣдки раскинуто было нѣсколько палатокъ; изъ нихъ одна богато убранная для Наслѣдника. Тамъ прочтенъ былъ громогласно фирманъ Его Величества Шаха, въ которомъ онъ назначаетъ, старшаго сына своего Насиру-дъ-дина-Мирзу своимъ преемникомъ. Послѣ этаго прочтены были фирманы сопровождавшіе знаменитые подарки халатъ и кинжалъ, предметъ недавняго негодованія Али-Хана, который находился тутъ же. Я посматривалъ довольно значительно то на него, то на подарки, и онъ, понявъ въ чемъ дѣло, коверкалъ лице свое ужасными гримасами, означавшими гнѣвъ и удивленіе и все, что угодно. Во время чтенія фирма-

новъ палили изъ пушекъ и зембурековъ. Когда возложили на Принца пожалованную ему, Высокимъ родителемъ его, одежду, то заткнули вмѣстѣ съ тѣмъ въ верхнее отверстіе его бараньей шапки фирманъ возвышающій его въ званіе Веліегда. По окончаніи сего пышнаго «селяма,» на которомъ присутствовали всѣ Тебризскіе придворные и представители купечества, Его Высочество изволилъ отправиться въ Тебризъ. Шествіе двинулось въ слѣдующемъ порядкѣ. Впереди не большой отрядъ кавалеріи, потомъ пеглевани (бойцы), за ними танцоры и музыка, ферраши, пишхидметы и мирохоръ. Тутъ являлся Наслѣдникъ. Онъ ѣхалъ на лошади, вмѣстѣ съ дядькой своимъ, который держалъ его на рукахъ,—лошадь вели два конюха. Рядомъ съ Наслѣдникомъ ѣхалъ Русскій Посланникъ, а за нимъ ужасная масса хановъ, бековъ, мирзъ и прочаго. По бокамъ шли, въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, сарбазы въ полной аммуниціи и гарцовали гуламы (верховые прислужники), чтобы толпы народа, тѣснившіяся по обѣимъ сторонамъ дороги, не помѣшали шествію. Всей этой полицейскою частію командовалъ другъ мой Насакчи-Баши Али-Ханъ, который, въ качествѣ блюстителя порядка, разъѣзжалъ изъ конца въ конецъ на

гнѣдомъ жеребцѣ, съ довольно большою командирскою дубиной въ правой рукѣ. Разные *курбаны* какъ слѣдуетъ были по дорогѣ приносимы въ честь новаго Веліегда, которому между прочимъ подъ конецъ все порядкомъ надоѣло, потому что сонъ смѣжилъ его младенческія очи и онъ въѣхалъ въ свою столицу во снѣ, значительно покачивая головою на право и на лѣво, что добрые люди принимали за поклоны. Вся публика провожала его до воротъ дворца, тамъ принялъ его подъ свое покровительство евнухъ и понесъ въ гаремъ, а мы разъѣхались по домамъ. Особенныхъ празднествъ по этому случаю не было.

Это событіе, не очень занимательное въ разсказѣ и не придающее особенной краски листкамъ моихъ воспоминаній, очень важно по существу своему. Оно можетъ быть зародышемъ будущаго спокойствія Персіи, оно можетъ быть избавитъ на долго или навсегда несчастный Иранъ отъ ужасныхъ смутъ и кровопролитій, сопровождавшихъ доселѣ вступленіе на престолъ новаго Повелителя правовѣрныхъ. Даже самое начало царствованія Мугаммеда, хотя и не ознаменованное убійствомъ и междоусобными войнами, не можетъ похвалиться сохраненіемъ совершеннаго спокойствія. Если бывшія смуты

ограничились не большими частными вспышками, утушенными въ самомъ началѣ, то это конечно должно приписать ничему иному, какъ благодѣтельному вліянію Европейскихъ миссій на общее мнѣніе и необыкновенной простотѣ зачинщиковъ этихъ безразсудныхъ безпорядковъ. Стоитъ сообразить только-то, что Насиру-дъ-динъ-Мирза, будучи съ четырехъ-лѣтняго возраста Наслѣдникомъ Престола останется въ этомъ званіи такъ долго, что всѣ привыкнутъ къ мысли имѣть его будущимъ Шахомъ, видѣть въ немъ будущее Средоточіе Вселенной. А это обстоятельство весьма важно. Я увѣренъ что если бы изъ Исторіи Персіи вымарать всѣ междоусобія, порожденныя спорами о наслѣдствѣ Престола, то статистика ея, въ нынѣшнее время, гласила бы гораздо болѣе о благоденствіи отечества Саади, Гафиза, Мирхонда, нежели сколько теперь она жалуется на его бѣдность и изнеможеніе. Увидимъ сбудутся-ли мои предсказанія, исполнится-ли искреннее желаніе мое видѣть когда нибудь Персію цвѣтущею обширной торговлею, спокойною, управляемою законами, и слѣдственно благоденствующею. Оно не вѣроятно; покрайней мѣрѣ можно навѣрное сказать, что нашему поколѣнію не дожить до такихъ чудесъ, а кто знаетъ, наши

дѣти или внуки можетъ быть и будутъ, говоря о Персіи, воспоминать о теперешней эпохѣ, какъ объ эпохѣ важной по своимъ благодѣтельнымъ послѣдствіямъ на край, забытый нынѣ судьбою и людьми.

Но полно о будущемъ, займемся настоящимъ, насъ призываетъ важное обстоятельство, низверженіе съ высоты величія этаго ужасающаго колосса, при имени котораго трепетала столько лѣтъ вся Персія, я хочу говорить о паденіи Мирзы Абуль-Касима, Каймакама и Атабека. Вскорѣ послѣ торжественнаго вступленія въ Тебризъ Наслѣдника Престола, изъ Тегерана пришло извѣстіе, что Каймакамъ, по повелѣнію Шаха, задушенъ. Какъ ни ненавидѣли Каймакама и сколько ни пророчили ему въ тайнѣ скораго конца его царствованію, извѣстіе о умерщвленіи его было такъ неожиданно, что, ему едва вѣрили: въ молодомъ Шахѣ не предполагали столько характера. Однако эти отрывистыя фразы не дадутъ читателю точной, полной идеи объ этомъ произшествіи, и такъ для совершеннаго уразумѣнія дѣла я войду въ нѣкоторыя подробности, предшествовавшія не задолго смерть Каймакама.

Два мѣсяца спустя послѣ ослѣпленія Гассана-Али-Мирзы, разнеслись слухи, что Каймакамъ,

пользуясь назначеніемъ Нассаиру-дъ-дина Мирзы преемникомъ Мугаммеда, помышляетъ о скоромъ приведеніи въ дѣйствіе предусмотрительной мѣры своего Повелителя. Эти слухи дошли до Монарха; захваченная переписка Каймакама, съ приверженными ему внутри Персіи вельможами, подтвердила истинну общей молвы. Къ этому присоединились еще жалобы всѣхъ приближенныхъ къ трону. Негодованіе Шаха на неприличные поступки Каймакама съ нимъ самимъ, копилось мало по-малу въ глубинѣ души его и ожидало только случая, чтобы разразиться грозою надъ головою преступнаго Министра. Минута настала. Получая отъ всѣхъ начальниковъ войска жалобы, что солдатамъ не выдаютъ жалованья, Шахъ воспользовался этимъ предлогомъ, чтобы наказать Каймакама. Въ одно утро онъ послалъ за нимъ. Каймакамъ, по обыкновенію своему, медлилъ явиться. Шахъ послалъ вторично сказать ему, чтобы онъ тотчасъ пришелъ. Удивленный такою строгостью, Каймакамъ сѣлъ на лошадь и пріѣхалъ во дворецъ. Когда онъ хотѣлъ идти во внутренніе покои, его остановилъ часовой. Каймакамъ былъ разраженъ какъ громомъ. «Шахъ приказалъ тебѣ здѣсь дождаться,» сказалъ часовой. Не вѣря его словамъ, Каймакамъ принужденъ

былъ повѣрить движенію его штыка. Черезъ нѣсколько времени вышелъ Шахъ. Его грозный видъ не предвѣщалъ ничего хорошаго. «Отъ чего сарбазамъ не заплачено жалованье»? спросилъ онъ его.—Денегъ нѣтъ, отвѣчалъ Каймакамъ своимъ обыкновеннымъ тономъ, довольно сухимъ. «Какъ денегъ нѣтъ, мошенникъ! Казна моя растрачивается, а не одинъ изъ подданныхъ моихъ не пользуется ею. Ты укралъ всѣ мои деньги»! Напрасно Мирза Абуль-Касимъ оправдывалъ себя разными увертками, напрасно клялся своей бородою и повторялъ тысячу разъ *Ля илляге илль Аллахъ*,—Шахъ былъ не преклоненъ.—«Тебѣ объявятъ мою волю,» сказалъ Шахъ, и по его знаку ферраши и сарбазы утащили Каймакама въ темницу. Его бросили въ подвалъ одного изъ загородныхъ дворцовъ. Сына его, Визиря, также взяли подъ арестъ. Шесть дней просидѣлъ онъ въ заключеніи: во все это время, говорятъ, онъ былъ совершенно спокоенъ, и не жаловался на судьбу свою, воображая, что гнѣвъ Шаха пройдетъ и что онъ скоро станетъ снова, и можетъ быть еще съ большимъ блескомъ, «шить и пороть» то есть, правительствовать. Предчувствіе однакожъ обмануло его. На седьмой день вошелъ въ темницу посланный отъ Шаха,

и показалъ ему фирманъ, въ которомъ было сказано, что коварные замыслы его противъ особы Государя обнаружены въ полной мѣрѣ, и что за всѣ его преступленія, Шахъ повелѣваетъ лишить его жизни, посредствомъ удушенія. Исполненіе казни поручалось присланнымъ при этомъ людямъ. Изумленный Каймакамъ думалъ сначала, что его только пугаютъ, но скоро убѣдился, что дѣло идетъ не на шутку, затрясся всѣмъ тѣломъ, поблѣднѣлъ и закричалъ отчаяннымъ голосомъ: «Нѣтъ, ты не смѣешь душить меня»! — Какъ не смѣю! возразилъ спокойно исполнитель казни. А вотъ увидишь! Но я не таковъ какъ другіе. Ты добрый человѣкъ, и я помню твои благодѣянія: слава Аллаху, я заработалъ много отъ тебя, сѣча по пятамъ рабовъ Божіихъ по твоему приказанію и отбирая въ казну ихъ имѣнія. Что я за собака, чтобъ забыть всѣ твои милости! Не бойся; я не оскверню тебя мерзкою веревкою. Изъ уваженія къ твоему доброму сердцу и сану, *иншаллахъ*, если угодно Аллаху, мы постараемся задушить тебя руками. Ферраши! — Три ферраша вошли въ комнату. Каймакамъ стоялъ неподвижно, какъ статуя: смерть ужасала его! Онъ хотѣлъ что-то говорить, но въ эту минуту два ферра-

ша бросились на него и сильно начали давить его за горло. Отчаянное сопротивленіе его было ужасно; онъ грызъ, рвалъ, царапалъ своихъ палачей; отвратительная борьба продолжалась съ четверть часа; но мало по-малу силы начали оставлять осужденнаго, ноги его подкосились, и онъ всею тяжестію своею упалъ бездыханный на каменный полъ темницы. Ферраши, полагая, что дѣло кончено, вышли изъ комнатъ и предводитель ихъ донесъ Шаху объ исполненіи приговора. Черезъ нѣсколько времени, когда они возвратились, чтобы убрать тѣло, зрѣлище неожиданное, невѣроятное, изумило и перепугало ихъ. Каймакамъ ходилъ по комнатѣ! Завидя своихъ душителей, онъ бросился какъ бѣшеный на перваго показавшагося въ двери; сила неимовѣрная явилась въ его старыхъ членахъ, однимъ ударомъ онъ валилъ людей съ ногъ, и три палача рѣшительно не могли ничего съ нимъ сдѣлать. Они позвали на помощь товарищей и восмеро феррашей насилу прижали его къ полу. Тутъ они навалили на него кучу тюфяковъ и подушекъ, усѣлись всѣ на нихъ, закурили кальяны, и два битыхъ часа, на этомъ страшномъ диванѣ, дѣлали *кейфъ* и занимались пріятною бесѣдою боясь, чтобъ *шейтанъ* Каймакамъ не ожилъ,

вторично. Безчеловѣчная сцена, достойная восточныхъ подземелій! Я не выдаю ее за строгую истину, но такъ разсказывали въ Тегеранѣ: и этого уже довольно!

Такъ кончилъ жизнь знаменитый Мирза-Абуль-Касимъ, при имени котораго дрожала вся Персія. Пріятно, послѣ всѣхъ этихъ ужасовъ, упомянуть объ одной благородной чертѣ, которыя впрочемъ не рѣдки на востокѣ. Одинъ человѣкъ, облагодѣтельствованный Каймакамомъ во время его величія, узнавъ о его печальной кончинѣ, вспомнилъ все, чѣмъ былъ ему обязанъ, купилъ у палачей тѣло изверга за извѣстную сумму и предалъ его землѣ близь деревни Шахъ-Абдуль-Азимъ. На другой день послѣ казни, по всей Персіи разосланы были Шахскіе фирманы о томъ, что Каймакамъ «устраненъ отъ дѣлъ». Умыселъ его, какъ говорятъ, состоялъ въ томъ, что онъ хотѣлъ посягнуть на жизнь Шаха, объявить для формы повелителемъ Ирана малолѣтнаго наслѣдника, и царствовать подъ его именемъ. Утверждаютъ также, что онъ имѣлъ намѣреніе истребить со временемъ все племя Каджаровъ и тогда уже править государствомъ съ титуломъ Шаха.

Извѣстіе о заточеніи и смерти Каймакама, скоро распространилось по Персіи. Всѣ очень

ему обрадовались, и благословляли мудрость Шаха, который наконецъ низложилъ такого вреднаго человѣка. Дѣтямъ его оставлена небольшая часть отцовскаго имѣнія, куда они и отправлены для проживанія подъ надзоромъ полиціи.

Горько подумать, послѣ всего этаго, что Персія должна была лишиться Каймакама, что порочные поступки довели его до непростительныхъ дерзостей и преступныхъ замысловъ. Если бы эта голова, наполненная умомъ, почти геніальнымъ, украшенная глубокимъ познаніемъ края, была управляема разсудкомъ и правилами чистой нравственности, если бъ словомъ, съ этимъ умомъ у Каймакама было сердце на мѣстѣ, сколько пользы могъ бы онъ принести своему отечеству? Но, нѣтъ, видно время процвѣтанія Персіи еще не пришло, потому что судьбѣ угодно было даровать ей человѣка, могущаго подвинуть ее сильно впередъ, въ которомъ гласъ совѣсти и чувствъ былъ заглушаемъ эгоизмомъ, злобою и порочнымъ стремленіемъ къ непомѣрному властолюбію.

Не прошло мѣсяца послѣ трагической смерти Каймакама, какъ въ Тегеранѣ появилась чума, и съ нею, нераздѣльная ея спутница въ Персіи, холера. Шахъ, придворные и всѣ зажиточ-

ные жители Тегерана немедленно выѣхали изъ города: иные разъѣхались по деревнямъ, другіе поселились въ палаткахъ, внѣ городскихъ стѣнъ. Шахъ, съ нѣсколькими приближенными, расположился лагеремъ по дорогѣ въ Шимрунъ. Не смотря на эти предосторожности, не весьма впрочемъ дѣйствительныя и строгія, чума и холера не щадили и Шахскаго лагеря. Въ числѣ лицъ, бывшихъ жертвою этихъ ужасныхъ болѣзней, Его Величество оплакивалъ потерю преданнѣйшаго слуги своего, Мугаммедъ-Гуссейнъ-Хана *Ишикъ-Агасы* (Церемоніймейстера). Благодаря отсутствію карантиновъ чума не заставила себя долго ждать въ Тебризѣ, и въ то время какъ истребительныя дѣйствія ея были въ полной силѣ въ Тегеранѣ, она начинала уже десятками считать жертвы свои въ Тебризѣ и его окрестностяхъ. Чтобы дать понятіе о томъ, какое прекрасное мнѣніе имѣютъ полупросвѣщенные Персіяне, не держащіеся строго закона Мугаммеда, запрещающаго запирать вѣрнымъ врата рая *, — о томъ, какъ удерживать распространеніе чумы, приведу здѣсь происшествіе случившееся при мнѣ въ Тебризѣ. Лишь

* Эту фразу Алкорана Персіяне толкуютъ такъ, что она будто-бы запрещаетъ всякія карантинныя мѣры для удержанія дѣйствія чумы.

только тамъ появилась чума, то Эмиръ-Низамъ, управлявшій Адербаеджаномъ за малолѣтствомъ Наслѣдника, извѣстилъ объ этомъ Русскаго посланника и прибавилъ въ концѣ письма слѣдующее:

«Зная сколь важно остановить дѣйствія чумы въ самомъ ея началѣ, я тотчасъ послалъ полицію въ тотъ домъ, гдѣ показалась чума, и приказалъ ей выгнать изъ него, равно какъ и изъ сосѣднихъ домовъ всѣхъ, кромѣ больныхъ: пусть они переселяются въ другія мѣста. Оставленныя ими вещи я приказалъ сжечь и приставилъ караулъ къ означеннымъ домамъ съ строгимъ приказаніемъ не впускать туда никого».

Сообразивъ все видѣнное мною въ Персіи и всѣ случавшіеся въ мое время происшествія оказывается, что въ продолженіи девяти-мѣсячнаго пребыванія моего тамъ, былъ я свидѣтелемъ слѣдующихъ событій.

Шахъ умеръ, другой возшелъ на престолъ. Три Принца ослѣплены, и восемь посажено въ темницы; назначенъ четырехъ-лѣтній Наслѣдникъ Престола. У Шаха, имѣющаго только двухъ женъ, родился сынъ; первый Министръ задушенъ; чума и холера въ Тегеранѣ и Тебризѣ.

Кажется трудно набрать, въ такое короткое время, болѣе важныхъ происшествій.

Разсмотрѣвъ этотъ итогъ, я нашелъ что болѣе мнѣ въ Персіи дѣлать рѣшительно нечего. Предпринять путешествіе на Югъ къ берегамъ Персидскаго залива, или посѣтить гробницу Имама-Ризы въ Мешгедѣ, было-бы конечно любопытно, но у меня даже на это не стало охоты, хотѣлось скорѣе домой, домой подъ кровъ, хотя довольно пасмурнаго, но родимаго неба!

Во-первыхъ *не тамъ родина, гдѣ хорошо, а тамъ хорошо, гдѣ родина,* и во-вторыхъ въ Персіи, конецъ концевъ, все-таки не веселое житье.

Навьючены трехногіе кони, взятые изъ Тебризскаго *чапаръ-хане* (почтовой станціи), все готово, пора и мнѣ вспомянуть Донъ-Кихота, да въ дорогу. Пока я былъ въ Персіи, мнѣ было ужасно скучно, а теперь, какъ пришлось разставаться, чувствую, что тоже какъ-то не ловко. Мнѣ стало жаль Тебриза и его темныхъ, прохладныхъ восточныхъ ночей, мнѣ стало жаль всего что я оставлялъ, и кальяновъ и Персидскихъ комплиментовъ, и шербетовъ, и конфектъ съ бараньимъ саломъ, и длинной бороды моего мирзы, и базаровъ, и фруктовъ, и кофейной гущи, и

скрытыхъ отъ глазъ непроницаемымъ покрываломъ, Восточныхъ дѣвъ и женъ; мнѣ стало жаль всего, кромѣ чумы и холеры, — съ этими красавицами я радъ былъ проститься навѣки, не сводивъ съ ними короткаго знакомства.

И такъ, прощай Тебризъ, на далго-ли, на всегда-ли, не знаю. Аллахъ да хранитъ сыновъ твоихъ! Пусть вѣтеръ благополучія безпрестанно будетъ навѣвать на тебя роскошь и богатство всей вселенной, поля твои да будутъ гумномъ, не только для Азіи и Европы, но и для Енги-Дюнья (новый свѣтъ), сады твои да процвѣтутъ подобно садамъ Мугаммедова рая, а дѣвы твои да уподобятся красотою безсмертнымъ гуріямъ.

Довольно медленно подвигаясь впередъ, по безконечной степи, изсыхая подъ вліяніемъ Іюльскаго восточнаго солнца, дотащился я до Аракса. Тутъ Русскій карантинъ принялъ меня въ руки. Пожитки мои взяли для окуриванія, и самаго пригласили въ одинъ изъ назначенныхъ для проѣзжающихъ домовъ. Карантины, эти благодѣтельныя учрежденія, эти не дремлющіе стражи, охраняющіе землю отъ нашествія самыхъ злыхъ непріятелей, были во время проѣзда моего не очень красивы на Араксѣ; те-

перь, слышалъ я, уже ассигнованы суммы на построеніе новаго жилья для проѣзжающихъ, это не лишнее и вѣрно всякой путешественникъ поблагодаритъ наше предусмотрительное правительство за эти улучшенія. Пробывъ пятнадцать дней въ Ордубадскомъ карантинѣ, я поѣхалъ по старой дорогѣ, на Нахичевань и Эривань, въ Грузію. Въ Эчміаздинъ прибылъ я вскорѣ послѣ смерти престарѣлаго Патріарха Ефрема и слушалъ панихиды, которыя тамъ совершали ежедневно въ его память. Патріархъ Ефремъ былъ такъ уважаемъ за примѣрную жизнь свою, что въ Армянскомъ народѣ шла молва, будто бы онъ былъ вознесенъ на небо.

Изъ Эривани поѣхалъ я въ Тифлисъ, а тамъ горами во Владикавказъ, тамъ глядь ужъ и Ставрополь, и такимъ образомъ очутился я въ С. Петербургѣ.

Худо-ли, хорошо-ли писалъ я свои воспоминанія, понравятся-ли они читателю или нѣтъ, судить его дѣло, а мое, пересмотрѣвъ третью корректуру и исправивъ опечатки, отдавать листы въ печать.

Ал.-Чер. Невская Гос. Библиотека

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
	Предисловіе	I.
Глава I.	Отъѣздъ изъ Петербурга. Георгіевскъ. Екатериноградъ. Владикавказъ	1
Глава II.	Дорога отъ Владикавказа до Тифлиса. Тифлисъ	15
Глава III.	Дорога отъ Тифлиса до Эривани.— Эчміадзинъ. Эриванъ. . . .	41
Глава IV.	Нахичеванъ. Эксанъ-Ханъ. Аббасъ-Абадъ. Карантинъ. Араксъ. Гергеръ. Марандъ. Софіянъ. Пріѣздъ въ Тебризъ	69
Глава V.	Тебризъ. Мугаммедъ-Мирза. Хозровъ-Мирза. Джангиръ-Мирза. Представленіе мое Наслѣднику престола. Пріемная зала. Бюстъ Мирзы-Салега. Аббасъ-Мирза. Аркъ. Мугаммедъ-Али-Ханъ. Анекдотъ о калейдоскопѣ. Базары	85
Глава VI.	Знакомства. Англійскій Посланникъ. Мирза-Салегъ	106
Глава VII.	Нѣкоторыя замѣчанія на счетъ внѣшней торговли Персіи, въ особенности въ отношеніи къ Россіи . .	113

Глава VIII. Окрестности Тебриза. Халатъ-Пушанъ. Анерджанъ. Уджанъ. Сады. Кладбища 126

Глава IX. Смерть Фетхъ-Али-Шаха. Анекдоты о немъ. Аллаяръ-Ханъ. Стихотворенія Фетхъ-Али-Шаха. Мугаммедъ-Шахъ. Селямъ. Извѣстія изъ Тегерана. Зелли-Султанъ. Каймакамъ . . . 133

Глава X. Персидскій лагерь. Башня съ которой бросаютъ невѣрныхъ женъ. Эмиръ-Низамъ. Вечерняя заря. Персидское войско. Сарбазы. Кавалерія. Артиллерія. Али-Ханъ, *Насакчи-Баши*. Разговоръ о Каймаккамѣ. Мугаммедъ-Вели-Мирза. Злодѣйское умерщвленіе Касимъ-Хана. . . 162

Глава XI. Отъѣздъ изъ Тебриза. Четыре Шаха. Войско Мугаммеда. Міана. Зенгонъ. Палатка Шаха. Султаніе. Имамъ-Верди-Мирза. Арестованіе Зелли-Султана 181

Глава XII. Вшествіе Шаха въ Тегеранъ. Нигаристанъ. Портреты. Обѣдъ у Гуссейнъ-Али-Хана. Музыка. Плясуны. Шахскій дворецъ. Павлиній тронъ. Изрѣченіе Персидскаго поэта о Надиръ-Шахѣ. Зала-Магазинъ. Комнаты Таджи-доулетъ. Развалины дома Грибоѣдова 197

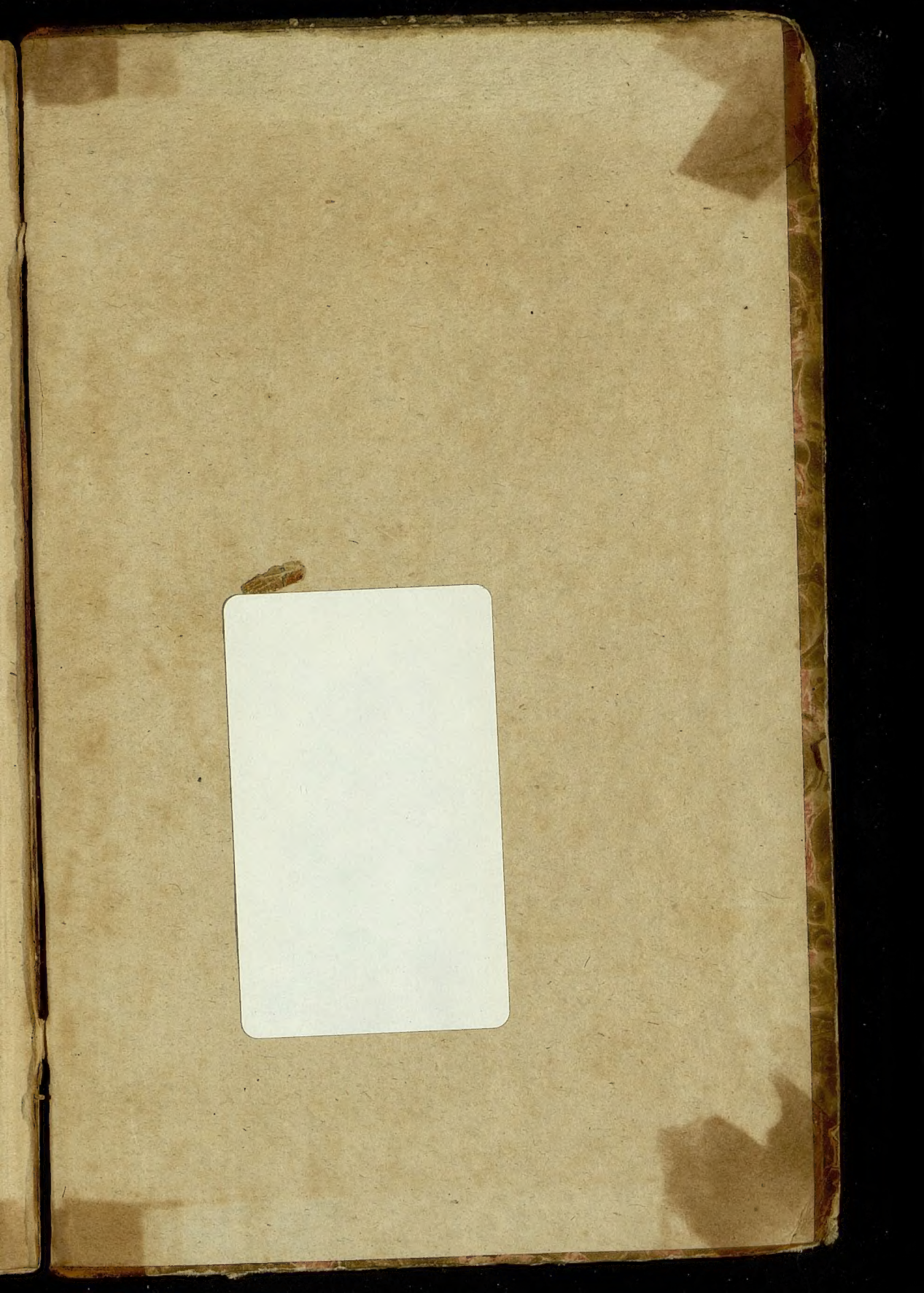
Глава XIII. Базары. Сказочники. Улицы Тегерана. Водопроводы. Караванъ-сараи. Чалвадары. Цитадель. Нищіе . . 213

Глава XIV. Окрестности Тегерана. Касри-Каджаръ. Шимрунъ. Рей. Лялезаръ. Шахъ-Абдуль-Азимъ. Пріѣздъ Мазандеранскаго Принца. Зелли-Султанъ Визирь его. Холодныя ванны. Коронованіе Шаха. Пожалованіе мнѣ ордена Льва и Солнца. Опять Каймакамъ 224

Глава XV. Мирза-Али. Леченіе кашля опіумомъ. Медицина въ Персіи. Докторъ-пивоваръ. Визитъ Мелекъ-Касиму-Мирзѣ. Заколдованныя галоши. Ноурузъ. Происхожденіе его. Праздники въ Тегеранѣ. Артиллерійское ученье. Оселъ-Мишень 239

Глава XVI. Курбанъ-байрамъ. Околѣвшій верблюдъ. Драка за верблюжину. Могарремъ. Исторія Могаррема. Эльчи-Френги. Плачь и рыданія. Священныя гробницы въ Персіи. Извѣстія изъ Шираза. Плѣненіе Гуссейнъ-Али-Мирзы. Ослѣпленіе Гассанъ-Али-Мирзы 252

Глава XVII. Назначеніе Насиру-дъ-дина-Мирзы Наслѣдникомъ Персидскаго престола. Я отправляюсь въ Тебризъ. Али-Ханъ. Халатъ и кинжалъ для Наслѣдника. Казбинъ. Принцъ правитель Казбина. Великолѣпное угощеніе. Кочующіе Джелелевендцы. . 262

Глава XVIII. Тебризъ. Вшествіе наслѣдника престола. Паденіе Каймакама. Смерть его. Чума и холера въ Тегеранѣ и Тебризѣ. Распоряженія Эмиръ-Низама. Обзоръ, въ трехъ строкахъ, моего пребыванія въ Персіи. Отъѣздъ въ Россію 274

3/11
/24